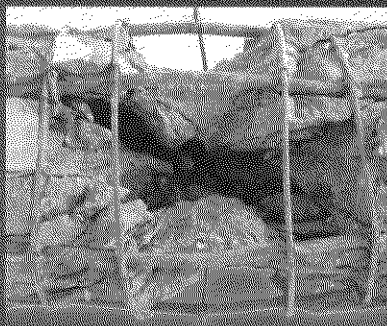

ТЕРРОРИЗМ И РЕЛИГИЯ

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Общественно-консультативный совет
по проблемам борьбы
с международным терроризмом

ТЕРРОРИЗМ РЕЛИГИЯ

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 327
ББК 66.4(0)
Т35

Научный редактор
академик В.Н. КУДРЯВЦЕВ

Составитель
Л.В. БРЯТОВА

Терроризм и религия / науч. ред. В.Н. Кудрявцев; сост. Л.В. Брятова; Обществ.-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом РАН. — М. : Наука, 2005. — 199 с. — ISBN 5-02-033829-8 (в пер.).

В сборнике рассматриваются отношения основных религий современного мира к терроризму. Высказываются практические рекомендации для государственных органов, ведущих борьбу с терроризмом, а также для научных учреждений.

Для специалистов-теоретиков и практиков, а также для широкого круга читателей.

ISBN 5-02-033829-8

© Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом РАН, 2005

© Редакционно-художественное оформление. Издательство "Наука", 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем читателям третий сборник статей, подготовленный Общественно-консультативным советом по проблемам борьбы с международным терроризмом.

Первый сборник, опубликованный в 2002 году, был посвящён главным образом уяснению социальной, правовой и психологической природы этого опаснейшего явления. Такой подход был необходим, так как с терроризмом российское общество столкнулось сравнительно недавно, и нужно было проанализировать в первую очередь его сущность и причины.

Накопленный за два года опыт борьбы с терроризмом дал возможность более детально осветить основные направления и некоторые методы предупреждения террористических актов и обеспечения безопасности государства и граждан. Они были рассмотрены во втором сборнике, вышедшем в 2004 году.

Настоящий сборник посвящён взаимосвязи между идеологией терроризма и основными религиозными учениями. Имеется ли такая взаимосвязь; не спекулируют ли идеологи терроризма на своём толковании религиозных концепций? Что нужно предпринять для того, чтобы мировые религии не конфликтовали между собой и тем более не использовались в антигуманных целях? Эти вопросы и рассматриваются в сборнике.

Академик В.Н. Кудрявцев

Л.Н. Митрохин,

академик РАН

РЕЛИГИЯ И ТЕРРОРИЗМ

Сегодня выражение "международный терроризм" стало визитной карточкой современных социальных реалий. Не счесть числа конференций, симпозиумов, Круглых столов, посвященных обсуждению этой темы, необозримо количество книг и статей, рассказывающих о его сути и мерах по предотвращению. И вместе с тем остается чувство неудовлетворенности тем, как эта проблема решается и в средствах массовой информации, и в научной литературе.

Нет недостатка в фактах, в угрожающих прогнозах и в страстных призывах к борьбе с организованными преступлениями. Однако все эти рассуждения располагаются на одной горизонтальной плоскости, и крайне редко речь заходит о вертикальном измерении этого явления, или, говоря проще, о глубинных причинах, сделавших терроризм чумой современной жизни. Создается впечатление, что разгул терроризма объясняется тем, что кучка преступников сумела создать межнациональные корпорации массового убийства, подчинив своей воле тысячи безгласных исполнителей. Иными словами, международный терроризм не предстает как сложный, многогранный феномен, имеющий свои социальные и исторические корни, внутреннюю структуру, дирижеров и исполнителей, свои мотивы и идеологию.

Наиболее очевидно, на мой взгляд, эти недостатки в теоретическом осмыслении темы проявляются в непонимании особой роли, которую сегодня играет так называемый религиозный фактор. Нет, эта сторона дела не остается незамеченной. Постоянно упоминаются войны на религиозно-этнической почве, преступный исламский экстремизм, многочисленные, до этого неизвестные организации мусульман, объявивших священную войну цивилизованному миру и спешащих взять на себя ответственность за чудовищные преступления, о проповедниках джихада и шахидах-самоубийцах.

Нет смысла отрицать, что инициаторами и исполнителями современных террористических актов чаще всего выступают организации мусульман. Но это лишь одна сторона дела. Существует и антиисламский терроризм, что мы наблюдаем, например, в Палестине: в межрелигиозных войнах участвуют и организации иудеев, христиан, индуистов и т.д. В результате корень мирового зла усматривается в специфических особенностях ислама как такового. Но, во-первых, существуют весьма влиятельные идеологи и организации ислама, осуждающие насилие, и отождествлять ислам с терроризмом просто неверно. Во-вторых, ислам — это одна из мировых религий и типологически она не отличается от других. А поэтому задача исследователя в том и заключается, чтобы выяснить, почему религия становится не просто мотивом действий отдельных людей, а неотъемлемым компонентом террористических акций, столкновений различных религиозных социальных институтов.

Успешная разработка многочисленных аспектов и деталей этой темы предполагает рассмотрение проблемы "религия и политика", а также выяснение тех кардинальных сдвигов, которые претерпела модель мирового порядка в XX веке.

Одним словом, тема "религия и терроризм" включает в себя немало разделов, до конца не освоенных наукой, и не разгаданных загадок, и было бы наивно ду-

мать, что все они могут быть объяснены в рамках одного выпуска. Но во вступительной статье можно все же попытаться бегло обозначить ее ключевые содержательные моменты.

* * *

За минувшие 15 лет принципиально изменилась модель миропорядка. На место главного противостояния — противостояния двух сверхдержав — пришли новые масштабные конфликты глобализирующегося мира. Среди них ученые прежде всего выделяют так называемые цивилизационные противоречия. Их четко охарактеризовал С. Хантингтон отметивший, что "впервые в истории глобальная политика стала не только мультиполярной, но и "мультицивилизационной"¹. При этом выявился неожиданный факт: неотъемлемым, едва ли не решающим компонентом цивилизационных конфликтов оказывается религия. Так, академик Н.Н. Моисеев пишет: "В Европе (я бы сказал: *даже* в Европе — Л.М.) линия раздела между народами проходит не столько по границам национальных территорий, сколько по линиям религиозного размежевания"².

Иными словами, религия, которая давно считается архаической формой культуры, находится в центре драматических событий современного "информационного общества", и ее язык по-прежнему органически вписывается в мироощущение большинства человечества.

А между тем развитие мирового сообщества представляет собой сложный, противоречивый процесс. С одной стороны, стирается разрыв в уровне технологического развития различных регионов, активизируется диалог и взаимопроникновение элементов прежде

---

¹ В качестве приложения эта статья включена в книгу С.Г. Киселева "Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России" (М., 2002. С. 275).

² Моисеев Н.Н. Экологический кризис и цивилизационные конфликты // Проблемы глобальной безопасности. М., 1995. С. 134.

автономно развивавшихся культур, с другой — нарастают противоречия между индустриальными и слабо развитыми странами, усиливается процесс вестернизации жизни планеты, который, в свою очередь, встречает растущий протест со стороны большинства восточных культур.

В этой связи в качестве основной структуры, позволяющей понять ход истории, а тем более современности, провозглашается "цивилизация" — некое промежуточное образование между государством и человечеством в целом. Решающим критерием для ее выделения (в отличие от "формаций", которые выдвигались на первый план марксистами) служат не столько материальные, сколько культурные элементы общества: язык, религия, моральные нормы, ценности, обычаи, образ жизни, и т.д. Причем, первое место в таком случае часто отводится религии. Например, у выдающегося историка А. Тойнби фигурируют "западная", "исламская", "православно-христианская", "индуистская", "дальневосточная" и др. цивилизации³. Такой подход все более преобладает у современных исследователей⁴. Это не случайно: в самых различных регионах именно религия выступает как неотъемлемый компонент межцивилизационных столкновений, во многом определяя их остроту и трудности преодоления.

При этом религия "живет" и проявляет себя в истории не только как совокупность различных верований, моральных предписаний, рассуждений о смысле жизни (экзистенциальные проблемы) или даже привычный и

---

³ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 77 — 80. О роли религии см. С. 517 — 529.

⁴ Например, по С. Хантингтону ныне существуют "западная", "исламская", "индуистская", "конфуцианская", "православно-славянская" и др. У С.Г. Киселева в качестве современных фигурируют "исламская", "православная", "конфуцианско-буддисткая", "индуистская", "латиноамериканская", "японская" и "африканская" цивилизации (см.: Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М., 2002. С. 184, 13).

традиционный образ жизни, но и как особый "религиозный фактор", действующий внутри политических сил и придающий им определенную направленность и динамизм.

Именно религия, которая проявляет наибольшую консервативность и устойчивость, почитается в качестве символа самобытности данного этноса или нации, как средство оплота защиты от враждебного влияния "чужой" культуры. При этом, чем более древней, самобытней является человеческое сообщество, тем активней выступает "охранительная" функция национальной культуры, тем агрессивней она сопротивляется духовной экспансии "извне", даже в том случае, если речь идет о культуре народов, стоящих на более высокой ступени исторического развития.

Этим и объясняется тот факт, что наиболее упорные, хронические конфликты возникают и проявляются именно на религиозно-этнической почве. Масштабными примерами могут служить пакистано-индийский конфликт в Кашмире, война между Ираком и Ираном, зашедший в тупик конфликт между Палестиной и Израилем и многие другие. "Третьим миром" дело де ограничивается: незатухающий конфликт в Северной Ирландии, религиозные распри в бывшей Югославии. Да и о нагорно-карабахском конфликте и Чечне вспомнить не грех.

Размышляя над подобными фактами, невозможно обойти стороной одну проблему. Ее можно сформулировать так: может ли сама религия как особая форма культуры быть причиной, конечным пунктом трений, столкновений между отдельными людьми, социальными группами, государствами и даже цивилизациями? Содержит ли религия (не только христианство, но и индуизм, буддизм, иудаизм, ислам, и т.п.) нормы и предписания, призывающие к насилию, убийству, массовому терроризму и т.д. или же ее главная функция - проповедь общечеловеческих, гуманистических норм?

Выясняется любопытная вещь: все крупные религии формулируют общую основу для божественного закона, которая обычно именуется "естественным законом". Это так называемое золотое правило нравственности или талион: *(не) поступай по отношению к другим так, как ты (не) хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе*. Оно в различных формулировках также фигурирует в работах многих философов⁵.

Именно эта проповедь гуманного равенства объясняет, почему религия может быть мощным импульсом широких народно-освободительных и демократических движений. Яркими примерами служат общенародное движение в Индии под руководством М.К. Ганди и решающая роль в ликвидации дискриминации и сегрегации афро-американцев, которую сыграла тактика "прямых ненасильственных действий" баптистского пастора Мартина Л. Кинга⁶.

Тем не менее, история свидетельствует, что религиозные символы и предписания чаще использовались для оправдания массовых убийств, которые уже обнаружили тенденцию к интернационализации — по крайней мере, христианского (западного) и мусульманского (восточного) мира, символизируемой именем Усама бен-Ладена и кошмаром 11 сентября 2001 года. Объяснение таких событий и составляет центральный момент научного подхода к нашей теме. Пока этого не сделано, придется довольствоваться моралистикой и сугубо эмоциональными обличениями.

Та особая роль, которую "религиозный фактор" играет в современной политической жизни, можно объяснить лишь тем, что религия и церковь обладают какими-то особыми способностями воздействия на миро-

---

⁵ Многочисленные примеры на этот счет содержатся в объемистой книге "Всемирное Писание. Сравнительная онтология священных текстов" (М., 1995).

⁶ Подробнее см.: Митрохин Л.Н. Негритянское движение в США: идеология и практика. М., 1974.

ощущение и поведение людей, светскому сознанию недоступными. Так, христианство, получив статус государственной религии Римской империи (IV век), все больше становилось идеологией, освящающей интересы определенных сословий, классов и социальных групп, оказав решающее влияние на всю последующую историю Европы.

Что это за способности? Внимательнее приглядимся к религии как особой форме культуры. В ее основе лежит опыт массового сознания, а именно, вера в "иную", сверхъестественную реальность, в Бога или богов, которая, в конечном счете, исторически формировалась независимо от официальной пропаганды, а поэтому даже представленная профессиональными идеологами, выглядела в глазах людей не как чуждая, навязанная "сверху", а как отражение собственного жизненного опыта.

Существенно и другое. Бог для верующего — источник высших, абсолютных ценностей, в сравнении с которыми все земные заботы являются второстепенными. Но истолкование Его завета и предписаний всегда составляло монополию церковных идеологов, охранявших интересы правящих сословий, к числу которых принадлежит и само духовенство. "Трагедия всех великих религий заключается в том, что они нарушают и извращают принципы свободы, как только становятся массовыми организациями, управляемыми религиозной бюрократией... Это случилось во всех религиях"⁷.

Поэтому политические деятели могли собственным интересам придавать религиозную окраску и представлять их в качестве воплощения абсолютной и неизменной божественной воли. Так и возникают религиозные ("священные") войны, межконфессиональные и внутриконфессиональные трения и конфликты, которыми столь богата европейская история.

---

⁷ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 199; Он же. Догмат о Христе. М., 1998.

Она свидетельствует, что в недавние богобоязненные века, "чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей". Для того, чтобы "вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде"⁸. Эта закономерность выявляется не только в истории католицизма, наиболее масштабным примером которой может служить возникновение протестантизма с его последующими сектантскими вариантами (менониты, баптизм, квакеры, адвентизм и т. д.), но и православия⁹.

Многое изменилось за минувшие века, однако стремление жаждущих власти политиков использовать религию в собственных интересах не только не ушло в прошлое, но приняло более изощренный, масштабный характер, особенно в конфликтных ("межцивилизационных") столкновениях, когда затрагиваются чувства и верования, глубоко укоренившиеся в национальной культуре.

В реальной истории действовала не культура вообще, а племенная, "этническая", наконец, "национальная" культура, которая обеспечивала преемственность, единство и жизненную силу данного народа как условия его выживания в соперничестве с другими социальными образованиями, как мотивация враждебного отношения к народам иной веры, продиктованного сугубо политическими соображениями. Достаточно сослаться на официальную мифологию нацистской Германии.

Национальная культура, тем более пронизанная религиозным мироощущением, — это целостное образование (во всяком случае, именно так ее ощущают сами

---

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 314.

⁹ См.: Клибанов А.И. Реформационные движения в России. М., 1960; История религиозного сектантства в России. М., 1965. Типологически сходные процессы совершались и в исламе (см.: Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. М., 1987), и в индуизме (см.: Рыбаков Р.Б. Буржуазная реформация индуизма. М., 1981).

люди), дающее человеку ощущение "моральной оседлости" (Д.С. Лихачев), причастности к "корням", к заветам предков, отцов, к народу и Родине. Если же совершается насильственное вмешательство в национальную культуру, стремление механически внедрить в нее чужеродные элементы (очевидным и масштабным примером является вестернизация), то на первый план выходит ее "охранительная функция": стремление противодействовать любым "внешним" вторжениям и попыткам подменить или модернизировать древние компоненты национальной культуры, даже если они предпринимаются под предлогом "демократизации", защиты гражданских прав, принципа свободы совести и т.п. Тогда национальное сознание легко трансформируется в агрессивное националистическое сознание с его максимализмом и экстремизмом, способное не только закреплять, но и обострять конфликтные ситуации. Здесь и разгадка тайны особой устойчивости и глубины национально-религиозных конфликтов.

Само по себе существование различных, даже доктринально несовместимых религий не может быть причиной серьезных социальных столкновений: они, в конечном счете, обусловлены определенными политико-экономическими интересами (борьба за власть, новые территории, источники сырья, за рынки сбыта и т.д.), допускающими возможность переговоров и общего согласия.

Однако сакрализация таких противоречий сразу же переводит их в другой режим: теперь они интерпретируются и осознаются их участниками как закономерные этапы провиденциального хода истории, как неизбежные столкновения божественных и сатанинских сил, которые по определению исключают всякий компромисс. Наиболее живучими и кровопролитными оказываются столкновения государств, в которых действуют мощные авторитарные религии (например, иудаизм и ислам), а сами конфликты выступают как "борьба за веру". И, конечно, только мотивация, апеллирующая к

Всевышнему, может в массовом масштабе породить движение добровольных самоубийц-шахидов или заставить мусульманских юношей с радостью идти на встречу шквалу пуль — явления, для светского ума невысказанные.

Религиозно-этнические конфликты отличает еще одна зловещая черта, а именно, необратимость. Она проявляется сегодня, когда повсеместно вспыхивают столкновения последователей иудаизма и ислама, ислама и христианства, индуизма и ислама, которые осознают себя в качестве борцов против сатанинских сил. В этом случае ненависть неугасима: даже будучи физически побежденными, правоверные сохраняют надежду на окончательную победу над "дьявольским" началом; религиозная вражда тлеет подобно подпочвенному торфу, чтобы в любое время вспыхнуть все уничтожающим пламенем — войнами, терроризмом, актами вандализма и варварства.

Такова роль религии в межцивилизационных конфликтах. В последние десятилетия их численность заметно увеличивается. Каковы же прогнозы на будущее? Обычно весьма тревожные, указывающие на возрастающую воинственность "исламской цивилизации" и мусульманского фундаментализма. Еще А. Тойнби писал об особой "агрессивности" исламской цивилизации. Эту характеристику разделяет и С. Хантингтон: в исламе есть нечто такое, что порождает насилие и предопределяет его "кровавые границы", а потому едва ли можно ожидать прекращения военной конфронтации между Западом и исламским миром, длящейся много веков.

Еще категоричнее рассуждает Н.Н. Моисеев. Агрессивность современного исламского мира, полагает он, это ответная и естественная реакция на экспансию (военную, экономическую, культурную и т.д.) со стороны Запада. Мусульмане все яснее осознают ее губительный характер, не говоря уже о том, что, глубоко почитая собственные древние традиции, они не принимают чу-

ждого им западного образа жизни и будут до конца отстаивать свои культурные ценности. Поэтому: "Нас ожидает появление "горячих фронтов" на разломах мусульманской и других цивилизаций", причем "фронтов", грозящих ядерной катастрофой¹⁰.

Так что до тех пор, пока Запад, то ли видя опасность насильственной вестернизации, скрытой пружиной которой служит пресловутая идея Pax Americana, то ли под давлением мирового сообщества не внесет коррективы в эту политику, весьма смахивающую на колониальную, межцивилизационные конфликты будут по-прежнему продолжаться.

Все эти процессы наглядно проявляются в постсоветской многонациональной России. В свое время коммунистические правители бесцеремонно вмешивались в жизнь наций и этносов. Они перекраивали исторические границы, переселяли целые народности, навязывали им индустриализацию и монокультурное земледелие, разрушавшие местные промыслы и веками складывавшийся образ жизни. Всякое сопротивление тоталитарному государству беспощадно подавлялось.

Как только этот диктат был сломлен, все загнанные внутрь противоречия вышли наружу, воспроизводя феодальные, а порой и родоплеменные социальные связи и обычаи, гальванизируя лишь кажущиеся вытесненными архаические формы сознания, психики, межличностных отношений и, естественно, религии. Крайним проявлением этих процессов и стали межнациональные столкновения.

По официальным данным уже к 1 января 1995 года в Российской Федерации было зарегистрировано свыше 50 религиозных объединений, около 20 из которых появились за минувшие 10–15 лет. Реестр Министерства юстиции РФ на 1 января 2004 года содержит уже 65 религиозных организаций. Среди них такие экзотические, а часто и скандально известные группы, как мор-

---

¹⁰ Мoiseев Н.Н. Указ. соч. С. 148–149, 139.

моны, Саентологическая церковь, Армия спасения, Церковь Объединения Муна и т.п. Сегодня на территории страны действует около 60 религиозных объединений, около 20 из которых появились за минувшее десятилетие. Среди них такие экзотические группы, как Аум Синрикё. Помимо них существует множество групп, прежде всего из числа "нетрадиционных религий", или "культов", которые и не стремятся получить юридическое оформление, поскольку особых препятствий для собственной активности не встречают.

Каков же результат такого плюрализма? Совсем не торжество евангельской любви и кротости. Обостряется борьба за молитвенное пространство, нарастают неприязнь и враждебность по отношению к другим, даже родственным течениям. Дело не просто в перепалке и соперничестве отдельных лидеров. Используя свое влияние на рядовых верующих, они нередко вносят дополнительный разлад в их повседневные отношения, усугубляют нравственно-психологическую напряженность, уже достигшую у нас крайних пределов. А поэтому общество настоятельно нуждается в коренном изменении самого духовного климата, в снятии атмосферы напряженности и взаимного недоверия, в том числе и в отношении между церквями.

Одним словом, "религиозный фактор" — не просто оболочка, внешний идеологический пласт национальной культуры, он несет в себе мощную энергетику, способную закреплять, абсолютизировать земные конфликты. И только реалистическая политика, в полной мере учитывающая "политическое жало" религии (Луначарский), может как-то сгладить, ликвидировать их (да и то лишь в далекой перспективе).

Процесс глобализации, демократизации человеческого сообщества диктует необходимость толерантности в отношениях между религиями, расширения диалога между церквями и, в результате, преодоление отчужденности и взаимной враждебности. Эта проблема остается злободневной и для России, где со-

храняются конфликты на религиозно-этнической почве, да и отношения между различными, даже родственными религиозными сообществами оставляют желать лучшего.

Это заставляет более трезво посмотреть на роль церкви в обществе, преодолевая, с одной стороны, стереотипы большевистского безбожия, а с другой, — конфессиональную узколобость. В конечном счете все эти размышления сводятся к одной общей проблеме, а именно, какую роль религия и церковь могут сыграть в духовной и нравственной реанимации нашего общества или, если ставить проблему в более широком, глобальном плане, — каковы судьбы религии в манящем и пугающем XXI столетии.

Здесь можно выделить два аспекта. Это, во-первых, состояние и взаимосвязи различных конфессий, внутрицерковные и межцерковные отношения, которые в обстановке глобализирующегося мира все больше сказываются на общей духовной жизни общества. Во-вторых, отношение верующих и неверующих как носителей Добра и Зла, которые сегодня в глазах общественности и официальной власти как бы поменялись местами. Вся сложность возникающих здесь проблем можно видеть на примере Русской Православной церкви (РПЦ).

Несмотря на огромные потери, понесенные за советский период, Русская Православная церковь остается наиболее многочисленной и влиятельной в России; ее доля среди всех зарегистрированных религиозных организаций составляет около 60 процентов. Именно против нее прежде всего были направлены большевистские репрессии, и она понесла наиболее тяжелые потери¹¹. Однако РПЦ по сию пору остается "главной" на территории России, на ее долю приходится около

---

¹¹ Едва ли стоит предупреждать, что эта тема поистине безбрежна. Так что речь у нас пойдет лишь о некоторых моментах, которые связаны с общей проблематикой статьи.

60 процентов всех зарегистрированных религиозных организаций. На 1 января 2004 года церковь имела 10767 приходов и общин, 354 монастыря, 82 централизованных религиозных организаций, 273 различных учреждения¹², развитую общероссийскую инфраструктуру, громадный штат священнослужителей, многочисленные издания. За этими внушительными показателями, однако, скрываются многие нерешенные проблемы.

Одним из наиболее тревожных являются расколы внутри православия, растущее соперничество как родственных, так и иных конфессий. Трения внутри той или иной церкви — явление далеко не новое. Таковы многочисленные расколы внутри католицизма, которые привели к отделению от Рима Восточной (православной) церкви и, впоследствии, протестантизма, в свою очередь расстроившегося на множество отдельных деноминаций и мелких объединений. Сходная картина наблюдалась и в православии ("ереси", старообрядчество, сектантство).

Давно известен и путь преодоления болезненных процессов — это веротерпимость и доброжелательный диалог между церквями. И, как известно, сегодня не только раздаются громкие призывы к такой политике, но и постоянно проводятся конференции, Круглые столы и т.п., в которых участвуют представители самых различных церквей. Диалог торжествует и вместе с тем, если трезво смотреть на вещи, его влияние на фактические межконфессиональные отношения пока невелико. Дело в том, что имеется целый ряд причин, которые препятствуют достижению реальных успехов.

Во-первых, каждая религия претендует на роль единственной наследницы и хранительницы божест-

---

¹² Состав и количество религиозных организаций и представительств иностранных религиозных организаций, содержащихся в реестре Министерства юстиции Российской Федерации (по состоянию на 1 января 2004 года) // Аналитический вестник. № 17 (237). С. 53.

венной мудрости, на обладание абсолютной истиной и благодати, обеспечивающей спасение грешника. Поэтому она по определению не может быть толерантной в вопросах догматики и культа. Больше того, ее миссионерская активность предполагает обличение всех других вероисповеданий как "лжеучений".

В XX столетии наиболее заметный раскол внутри российского православия был вызван Декларацией и практикой "патриотического" служения советской власти, провозглашенного митрополитом Сергием. Ответной реакцией стало образование в 1921 году самостоятельной Русской Православной церкви за границей, осудившей всякое сотрудничество с "безбожной властью", хотя она сохраняет всю догматику и обрядность РПЦ. Сегодня этот конфликт, ставший анахронизмом, постепенно сглаживается. Политическая подоплека предопределила и трения РПЦ с православными церквями на Украине, объявившими об отказе от юрисдикции Московского епископата с православной церковью Эстонии, перешедшей под юрисдикцию Константинопольской церкви. Характер этих трений в будущем будет во многом зависеть от политических отношений с этими, теперь независимыми странами.

Сложные и неприязненные отношения сложились между РПЦ и католической церковью. Помимо серьезных догматических разногласий, они в прошлом имели немало столкновений на политической почве (Брестская церковная уния 1596-го года, последующая деятельность греко-католиков, в особенности столкновения с ними во время войны, имущественные споры после "перестройки" и т.д.)¹³. В минувшие годы трения не-

---

¹³ Наибольшее раздражение Московского Патриархата вызывает учреждение Ватиканом 4 епархий и "прозелитизм" в России, которую РПЦ считает своей "канонической территорией", посещение Иоанном Павлом II Украины в 2001 году, проведение прямого моста с Папой.

сколько сгладились, но серьезных изменений пока не предвидится¹⁴.

В этой сложной обстановке руководство РПЦ стремится, во-первых, заручиться поддержкой "демократической" светской власти, отыскивая конкретные и менее бросающиеся в глаза деловые связи со светскими структурами — с армейскими, образовательными, медицинскими, финансовыми. Во-вторых, церковь активизировала акцент на своей особой миссии как наследницы и символа "Святой Руси", претендуя на роль единственно верной последовательницы учения Христа и бескомпромиссного обличителя "инославных" религиозных объединений, в том числе католиков и протестантов.

Означает ли все это, что толерантность и диалог в религиозной сфере лишены серьезного смысла? Уверен, что нет. Решающее значение имеет форма, в которой упомянутая склонность выражается.

Можно фанатично и безапелляционно обличать все другие — религиозные и светские — доктрины как злонамеренные лжеучения. Например, один высокопоставленный православный иерарх накануне Пасхи 2000 года счел возможным выступить с таким обращением к читателям крупнейшей светской газеты: "...по прошествии светозарных дней Пасхи Христовой мы вновь оказываемся перед жестким лицом мира сего, умножающего грех творящего зло по воле князя тьмы. "Бога нет — значит все дозволено", — убеждает себя несчастный безбожник, для которого свобода есть лишь оправ-

---

¹⁴ Хотя возможности смягчения отношений далеко не исчерпаны. Во всяком случае, в будущем можно было бы избегать недавних, порой оскорбительных высказываний ряда православных деятелей по адресу католической церкви и самого Папы (см., например: Известия. 2000. 25 марта). Они, конечно, могут быть недовольны рядом последних акций Ватикана. Но осуждая их, желательно было бы, полагаю, внимательнее учитывать чувства тысяч и тысяч католиков, проживающих в России.

дание для дел нечестия¹⁵. О чувствах, которые испытали миллионы читателей в нашей стране, гадать не приходится. Тем более, как писали академики В. Гинзбург и Е. Фейнберг: "Нас, атеистов, не так уж мало..."¹⁶.

Толерантность и диалог — веление нашего времени, в них заинтересованы и церковь, и общество в целом. Тем более, что имеется широкое поле гражданской деятельности — просветительной, благотворительной, увещательной, нравственно-критической и т.д., где РПЦ совместно с другими церквями способна оказать неоценимую помощь в становлении свободной демократической России.

В последнее время РПЦ стала внимательнее учитывать новые условия, о чем свидетельствует четкая установка Святейшего Патриарха Алексия II, высказанная в его мудрой статье "Столетие трагедий, столетие надежд": "Не стремясь к гражданской власти и поэтому далекая от политической ангажированности, уважая избранных народом руководителей, Церковь всегда сохраняет за собой возможность возвышать голос против безнравственности, несправедливости, лжи, порока, вражды, насилия"¹⁷. Эта принципиальная программа патриарха конкретизирована в программном документе "Основы социальной концепции Русской Православной церкви"¹⁸, где, в частности, провозглашается право церкви в случае нарушения прав верующих занять позицию гражданского

---

¹⁵ Коммерсантъ. 2000. 29 апр., № 76.

¹⁶ Литературная газета. 1998. № 22.

¹⁷ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Столетие трагедий, столетие надежд // Россия на рубеже XXI в.: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С. 38.

¹⁸ ИБ. 2000. № 8. Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. Информационный бюллетень. "Основы социальной концепции Русской Православной церкви". Подробные комментарии этого документа отечественными религиоведами смотри в книге "О социальной концепции Русского православия" (М., 2000).

неповиновения. Немаловажно и то, что руководство РПЦ ясно увидело губительные последствия для своей репутации "политической ангажированности" (напомню: число людей, не одобряющих прямого участия церкви в политической жизни, с 26% в 1990 году, спустя два года, возросло до 68%). Сегодня церковь открыто заявляет о своем неучастии в политике, запрещает общественно-политическим организациям говорить от ее имени, более лояльно высказывается о других вероисповеданиях.

Разумеется, можно не соглашаться с позицией православных авторов, обличающих католиков, протестантов, сектантов как чуждых отечественной культуре. Имеются, однако, реальные обстоятельства, если не оправдывающие полностью, то объясняющие воинственность православных идеологов. Речь идет об экспансии так называемых нетрадиционных религий.

Нетрадиционные религии ("религии Нового века", религиозные "культы") отразили тревожные сдвиги в человеческом сообществе (опасность ядерной катастрофы, обострение экологических проблем, рост междоцивилизационных конфликтов, вспышка мистицизма и всякой чертовщины и т.п.). Это характерные знаки "глобализирующегося мира" во всем его истерическом разноголосии. Они отразили духовные поиски "бунтующего поколения", которое, отвергнув официальные ценности и методы активной политической борьбы, обратилось не к традиционным, косным религиям, а к динамичным новоявленным "мессиям" и "спасителям"¹⁹. В конце 80-х годов волна религиозных "культов" легко преодолела границы России, где заметно активизировались и религиозные новообразования российского происхождения (Богородичный

---

¹⁹ См.: Митрохин Л.Н. Религиозные культы в США. М., 1984; Он же. Религии Нового века. М., 1985.

центр, Великое Белое Братство, Церковь Виссариона, Учение Порфирия Иванова и др.)²⁰.

Деятельность "культов" (у нас они часто фигурируют под научно неприемлемыми наименованиями "тоталитарные секты") встречает резкое противодействие со стороны традиционных религий, прежде всего, Русской Православной церкви. Понять такую озабоченность не сложно.

Так что еще предстоит найти какой-то оптимальный вариант, с одной стороны, обеспечивающий гражданам страны действительную свободу совести, а с другой — предотвращающий разграбление духовного богатства России, ее уникальной древней культуры. Во всяком случае, исторически оправданы защитные меры против этого типичного недуга "глобализирующегося мира", а именно, стремления любыми способами насильственно внедрить чужеродные нормы и ценности в наш традиционный образ жизни.

Вообще говоря, причина многих трений и схваток, совершающихся на религиозной почве, кроются в том, что и светские, и церковные власти недостаточно учитывают те громадные изменения, которые произошли в мире за минувшие десятилетия и по-прежнему цепляются за уже устаревшие представления о месте и роли религии и церкви в обществе. Так, для большинства светских исследователей религии совершенно неожиданным оказался тот факт, что религия, которая на протяжении многих столетий подвергалась уничтожающей критике, и сегодня оказывает заметное влияние на современное состояние мирового сообщества. Они по-прежнему исходят из представления о религии как о "тьме" — исторически преходящей, второстепенной форме культуры, неумолимо вытесняемой "во всем ей противоположной" наукой. Однако, как известно, в те-

---

²⁰ См.: Религия в истории и культуре/ Под ред. М.Г. Писманника. М., 2000. Разд. 3, гл. 15; Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. М., 1999.

чение XX века нарастало критическое отношение к европоцентризму, сциентизму, все более утверждалось признание незаменимой ценности ненаучного или вне-научного знания²¹. И было бы странно, учитывая все упомянутые выше факты, не увидеть необходимости коренного переосмысления религии, ее места и роли в системе культуры²².

Это большая самостоятельная тема. Но стоит подчеркнуть один момент, непосредственно связанный с нашей темой, а именно: возросшую ответственность не только светских правителей, но и руководителей церквей за судьбы мира. Дело в том, что даже мелкие межконфессиональные трения создают благоприятную атмосферу для их перерастания в прямые столкновения, в кровопролитные войны, которые в нынешних условиях грозят существованию всего человечества.

Означает ли это, что стирается грань между наукой и теологией, что религия также способна давать научное решение ряда проблем? Нет, речь идет о другом, а именно: о необходимости различать науку и религию как особые формы культуры, каждая из которых имеет свой предмет, собственные методы получения знания, которые в совокупности составляют то, что именуется мироощущением личности.

---

²¹ Эти сдвиги зафиксированы во многих серьезных как зарубежных, так и отечественных историко-методологических исследованиях. См., например: *Степин В.С.* Становление научной теории. Минск, 1976; *Он же.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000; *Методологические проблемы историко-научных исследований.* М., 1982; *Знание за пределами науки.* М.: ИФРАН, 1996; *Исторические типы рациональности: В 2-х т.* М.: ИФРАН. 1996. Упомяну также о своей попытке переосмыслить роль и значение утопии в культуре, см.: *Митрохин Л.Н.* Вечная утопия: "Царство Божье на земле" // Век XX — анфас и в профиль: Размышления о столетии, ставшем историей. М., 2001.

²² В свое время я пытался это сделать в докладе на пленарном заседании III Российского философского конгресса, см.: *Вопросы философии.* 2003. № 8.

Сохранится ли религия в будущем? Едва ли кто-то рискнет дать определенный ответ, потому что неизвестно, какими путями пойдет человеческое сообщество, будут обостряться или, напротив, сглаживаться межкультурные противоречия. Но уже сегодня можно сказать: это во многом станет зависеть от того, насколько глубоко будут осознаны опасность применения массового насилия, мирового терроризма и возможная роль в них "религиозного фактора", насколько успешно в повседневную жизнь будут внедряться нормы и критерии веротерпимости.

А.В. Дмитриев,

член-корреспондент РАН

И.Ю. Залысин,

доктор политических наук, профессор

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРОРИЗМА

Одной из существенных проблем, создающих трудности в изучении взаимосвязи религии и терроризма, является терминологическая неясность. Ряд исследователей использует в своих работах термин "религиозный терроризм", не сомневаясь в его правильности¹. Соответственно, в литературе можно встретить такие формулировки, как "исламский терроризм", "христианский терроризм" и т.п.

Другие авторы выражают сомнение в обоснованности такой позиции. Исходя из представления о том, что любая религия гуманистична по своей сущности, они не считают возможным объединять понятия "религиозный" и "терроризм".

Например, М.П. Требин предпочитает говорить о квазирелигиозной составляющей терроризма. Он объясняет свою позицию следующим образом: "В основе любой религии лежит вера в Бога, который един для

---

¹ Например: *Буртный К.П.* Современный политический терроризм. М., 2003; *Василенко В.И.* Терроризм как социально-политический феномен. М., 2002; *Терроризм: История и современность / Б.И. Кофман и др.* Казань, 2002.

всего сущего, но имен у него много, так как человек всегда стремится узурпировать право на истину, в том числе и в вопросах духовной жизни. Но в любом случае дух всякой религии основан на уважении, любви и терпимости ко всему живому"².

Следуя этой логике, некоторые авторы берут слово "религиозный" применительно к терроризму в кавычки. Другие считают более точным говорить о "радикальном исламе", "исламистах", использующих террор и т.п.

Действительно, соединение религии и терроризма выглядит кощунственно, вызывает сопротивление. С одной стороны, любовь, всепрощение, с другой — ничинная жестокость, убийства невинных, беззащитных людей. **Но объективность требует признать, что гуманизм не является атрибутом любой религии.** Религия — это мировоззрение и мироощущение, основанные на твердой вере в реальное существование высших сил и предполагающие определенным образом организованную и оформленную систему культа, поклонения этим силам.

При этом не обязательно, что высшие силы (Бог) являются добрыми. Основные мировые религии (христианство, буддизм, ислам) основаны на терпимости и человеколюбии, не являются агрессивными по своей сути, не призывают напрямую к вражде к инаковерующим. Однако есть религиозные течения, которые прямо оправдывают насилие и жестокость. Например, учение секты "Аум Синрикё", в частности, включает положение о том, что убийство помогает и жертве, и убийце обрести спасение.

Поэтому, на наш взгляд, термин "религиозный терроризм" уместен без всяких кавычек. Однако, как мы уже отмечали, далеко не каждая религия призывает к насилию и терроризму. Идейным обоснованием терроризма служат те разновидности религиозных учений, которые носят экстремистский, тоталитарный характер.

---

² Требин М.П. Терроризм в XXI в. Минск, 2004. С. 98.

Многие из них отпочковываются от традиционных религий, подвергая их определенной ревизии. Они тенденциозно трактуют их основные положения, вырывая из контекста, делают акценты на одних догматах в ущерб другим.

Например, содержащееся в Коране положение о джихаде трактуется исламскими экстремистами исключительно как использование силы против "неверных". Вместе с тем слово "джихад" в переводе с арабского означает "усилие", отдача всех сил ради распространения и торжества ислама.

Первоначально под джихадом действительно подразумевались главным образом военные действия мусульманского государства. Но, начиная с IX — X вв. понятие "джихад" наполняется новым содержанием: появилось представление о высшей форме джихада — духовном джихаде, внутреннем самоусовершенствовании на пути к Аллаху, а также представление о четырех типах джихада — джихад меча, джихад сердца, джихад языка и джихад руки.

Кроме того, религиозная война трактуется в Коране как оборонительная. *Ислам категорически запрещает самоубийство, участие в войне женщин, выступает за гуманное обращение с пленными. Запрещено нападать на "слабых из мужчин", женщин и детей, истреблять скот, потравлять поля, губить стада, разрушать постройки. Не разрешено вести войну в священные месяцы.*

Сравнение этих положений с практикой исламских радикалов, активно использующих терроризм (захваты заложников, убийства детей, стариков, теракты, совершаемые смертниками, в том числе женщинами), показывает, что они в своих интересах грубо искажают религиозные нормы.

Следует признать, что иногда двусмысленность, противоречивость самих религиозных текстов создает благоприятную почву для их тенденциозной интерпретации экстремистами. Они есть и в христианстве (вспом-

ним хотя бы классическое — “не мир пришел Я принести, но меч”), и в исламе.

Ряд авторов отмечает элемент воинственности, который содержится в исламе. Например, В. Герасимов пишет: “Мусульманин считает, что есть одна предвечная религия, которая существует с момента появления человечества и свойственная самой природе человека (под ней подразумевается ислам — А.Д., И.З.)... Мусульманин крайне воинственно воспринимает критику в свой адрес”³.

Исламские радикалы, сторонники экстремистских религиозных течений гипертрофируют заложенные в правоверной религии элементы нетерпимости и воинственности. Как пишет М.П. Требин, «фундаменталисты... “приватизируют” право на Истину и истинную веру, отказываются от всякого компромисса “во имя величайшего добра”»⁴. Саид Ашмови, отставной египетский судья, исследовал мусульманское право и сделал однозначный вывод о том, что воинствующая доктрина фундаменталистов — это не вера, а политическая идеология, которую они используют в своих интересах⁵.

Безусловно, легче всего исказить те религиозные учения, в которых есть потенциал для экстремистского истолкования.

К такого рода учениям относится, в частности, ваххабизм. Он возник в Аравии сравнительно недавно — в середине XVIII в. Его основоположником был проповедник Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб. Идеология ваххабизма была поддержана родом Саудидов, ведущим борьбу за объединение под своей властью всей Аравии.

Ваххабизм — это религиозно-политическое течение в суннизме, проповедующее возвращение к чистоте

---

³ Герасимов В. Терроризм: Религиозно-политический аспект. СПб., 2002. Вып. 5. С. 50, 61.

⁴ Требин М.П. Указ. соч. С. 102.

⁵ Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия. Минск, 2004. С. 61.

раннего ислама времен Муххамеда, строжайшее соблюдение принципа единобожия, отказа от поклонения святым людям и святым местам, отказ от заимствования новшеств (бида), требующее от мусульман избегать всяких проявлений роскоши в быту, одежде и культуре.

Сама по себе принадлежность к ваххабизму не делает верующего сторонником политического терроризма, как ошибочно полагают некоторые исследователи и политики. (Например, Е.П. Кожушко относит ваххабитов к основным исламским террористическим организациям наряду с талибами, "Братьями-мусульманами", "ХАМАС" и др.⁶). В конце концов, ваххабитское учение является официальной религией в Саудовской Аравии, Бахрейне, Катаре, Кувейте, ОАЭ и Омане, а народы и политику этих государств нельзя считать террористическими.

Ваххабизм превращается в идеологическую оболочку терроризма усилиями тех политиков и религиозных деятелей, которые гипертрофируют заложенные в нем деструктивные идеи (фанатизм в вопросах веры и склонность к экстремизму в практике борьбы со своими религиозными противниками) и принижают гуманистические (проповедь социальной гармонии, братства и единства всех мусульман, призывы к соблюдению морально-этических принципов ислама, осуждение роскоши и стяжательства).

Его наиболее фанатичные последователи претендуют на непогрешимость. Для них главной санкцией в отношении "неверных" (иудеев и христиан) является лишение их жизни. Ряд авторов отмечает сходство *экстремистского толкования ваххабизма* и других тоталитарных идеологий, которые подчеркивают свою антагонистичность к любому инакомыслию.

Так, Стивен Шварц пишет: "У ваххабизма, сталинизма и нацизма есть еще одна неявная общая сторона. Все

---

⁶ Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. Минск, 2000.

они прививают своим последователям ментальность "двух миров", то есть двух совершенно отдельных реальностей внутри человеческого общества. При коммунистах это были "империалистический лагерь" и "лагерь мира и социализма". Такое разделение мира легло в основу холодной войны.

Ваххабиты видели мир аналогичным образом. Они добивались того, чтобы "умма" (то есть мировая мусульманская община) была самодостаточной, без каких-либо внешних отношений... Таким образом, они раскололи планету на "дом войны" и "дом мира", или "дом ислама", как коммунисты делили его на две сферы, капиталистическую и социалистическую"⁷.

Ваххабизм получил распространение в различных странах, в том числе в России, на территории Северного Кавказа, где его *экстремистская интерпретация* стала знаменем террористов. Ваххабиты-иностранцы заняли ключевые места в руководстве чеченским сепаратизмом. Саудовский ваххабит амир Хаттаб (он же Самер бен Салех ас-Сувейлем) много сделал для того, чтобы превратить чеченское партизанское движение в религиозную войну против неверных, включая чеченских мусульман, не желающих принимать ваххабизм.

Недавно "президент" "Чеченской Республики Ичкерия" Аслан Масхадов произвел ряд назначений в рамках процесса превращения виртуально существующей ЧРИ в "истинно исламское государство". В этом "истинно исламском государстве" широко представлены ваххабиты-саудовцы — председатель Комитета кадиев (судей) и фетвы и Верховного шариатского суда ЧРИ шейх Абдул-Халим, командующий Восточным фронтом Абу-Валид (он же Абу-ль-Валид), заместитель амира Комитета кадиев (судей) и фетвы Абу-Умар и т.д. Да и сам Шамиль Басаев обратился в ваххабизм (он в ваххабитских реестрах на арабском языке фигурирует как Абдаллах Шамиль аль-Басси).

---

⁷ Психология террористов и серийных убийц. С. 220.

Именно с фанатичными ваххабитами связан рост числа террористических актов, совершаемых террористами-самоубийцами. (Мы считаем неправильным использование термина "шахид" в отношении террориста-самоубийцы, поскольку самоубийство запрещено нормами традиционного ислама.) Это объясняется тем, что для ваххабита семья — это его джамаат, и единственный безусловный авторитет — амир джамаата. Его слово — закон: скажет убить отца или брата — будет исполнено, прикажет пожертвовать собой, также никто не ослушается.

Первый громкий теракт с использованием водителя-самоубийцы произошел в 1981 г. в Бейруте: смертник-палестинец направил свой автомобиль в ворота иракского посольства. Результатом акции была гибель 64-х человек.

Однако по-настоящему о новом методе террора заговорили двумя годами позже, когда в апреле 1983 г. террорист-смертник из организации "Исламский джихад" врезался на микроавтобусе в стену американского посольства в Бейруте (погибло 180 чел). В октябре того же года в Бейруте 241 американский солдат погиб, когда еще один террорист из "Исламского джихада", управлявший грузовиком "Мерседес", врезался в стену казармы, в которой квартировали американские морские пехотинцы. В тот же день еще один смертник взорвал свой автомобиль, врезавшись в казарму французской армии в Бейруте.

С тех пор водители-смертники совершали самые кровавые теракты, в том числе в Чечне. Самым громким из них был взрыв у дома правительства в Грозном, в результате которого он оказался полностью уничтоженным.

Следует признать, что к самопожертвованию террористов толкает не только религиозный фанатизм, но и такие психологические факторы, как "искаженное видение картины окружающего мира, разбалансированная конфигурация личности, гиперболизированное са-

момнение, хаотические мыслительные переживания, чувство душевного дискомфорта и многое другое"⁸.

Известны случаи, когда для терактов использовались люди с психическими отклонениями. Их пичкали таблетками, внушая при этом, что после взрыва в раю окажутся не только они сами, но и их жертвы. В отдельных случаях применялись угрозы, будущих самоубийц запугивали, одновременно убеждая в том, что после взрывов их будут почитать чуть ли не как пророков, а их семьи обеспечат всем необходимым (например, С. Хусейн выплачивал семье погибшего палестинского террориста-самоубийцы 25 тыс. долл. — по местным меркам деньги весьма немалые).

Женщины-террористки соглашаются стать "живыми бомбами" из-за психологических травм, которые они не могут пережить (несчастливая любовь, гибель близких, одиночество и т.п.). Кроме того, в силу большей внушаемости, женщины легче поддаются психологической обработке, особенно со стороны тех, к кому они испытывают симпатию и даже любовь.

Подводя итог вышесказанному, мы можем признать допустимость употребления термина "религиозный терроризм", но считаем, что более точно определяет сущность этой разновидности терроризма формулировка **"терроризм религиозных экстремистов"**. Она показывает, что идеологической оболочкой террористической деятельности являются не любые религиозные учения, а только экстремистские, антигуманные направления и секты, духовные лидеры которых используют религиозные догмы в качестве средства легитимации терроризма.

Целями терроризма религиозных экстремистов могут быть: защита своей конфессии; возвращение к фундаментальным религиозным постулатам, реорганизация общественной жизни на их основе; создание религиозного государства.

---

⁸ Иорданов М. Дело № 666: Террор. Махачкала, 2002. С. 245.

Религиозный терроризм относится к разновидностям политического терроризма в том случае, если он затрагивает основы политического строя, стремится к завоеванию государственной власти или изменению внутренней или внешней политики. С этой точки зрения, обычные проявления межконфессиональной вражды на бытовом уровне не относятся к политическому терроризму.

Исходя из этого, можно дать следующее определение терроризма религиозных экстремистов. Это устрашение противников с помощью ничем не ограниченного насилия с целью защиты или доминирования определенной конфессии, реорганизации общественно-политической жизни на религиозной основе, создания религиозного государства.

XXI век отмечен мощным всплеском активности групп с определенной религиозной ориентацией, использующих террор для достижения своих целей. Этот процесс начался в конце прошлого века. К 1996 г. 64 из 96 наиболее известных террористических организаций были созданы на религиозной основе⁹.

Терроризм религиозных экстремистов относится к наиболее разрушительным разновидностям террористической деятельности. Когда терроризм освящается религиозными нормами, его деяния становятся наиболее кровавыми. Уничтожение врагов для религиозных фанатиков превращается в священный долг, в осуществление божественной воли. Религия, таким образом, легитимизирует террор. И чем больше жертв приносится во имя бога, тем лучше, по мнению идеологов терроризма, выполняется миссия "борцов за веру".

Терроризм, использующий религиозные лозунги, тесно связан с этнополитическим терроризмом. Так, в Северной Ирландии межэтническое противостояние переплелось с межконфессиональным (между католи-

---

⁹ Singh S. Terrorism: A global phenomenon. Dehli, 2001. P. 14.

ками и протестантами). Это придало конфликту особую остроту и разрушительность.

Всплеск религиозного терроризма часто ошибочно отождествляется исключительно с террором, который осуществляют исламские экстремисты. **Однако террористическую тактику используют не только исламские религиозные фанатики.**

Широкое распространение получил терроризм иудейских экстремистов. Например, радикальный американский раввин Меир Кахane создал террористическую организацию "Ках" или "Кахane Хай". Впоследствии ее возглавил И. Даян. Целью организации было восстановление библейского государства Израиль и изгнание арабов из Палестины.

Члены организации пытались уничтожить мечеть Аль-Акса, убили в мечети Аль-Ибрахим несколько десятков молящихся арабов. В марте 1994 г. правительство Израиля было вынуждено объявить "Ках" террористической организацией. В ноябре 1995 г. религиозный фанатик И. Амир застрелил премьер-министра Израиля И. Рабина.

К терроризму прибегают и христианские экстремисты. В 1960-е — 1990-е гг. в Северной Ирландии действовали подпольные военизированные организации протестантов "Борцы за свободу Ольстера", "Армия лоялистских волонтеров", "Армия волонтеров Ольстера", которые насчитывали в общей сложности около 1 тыс. чел. Несмотря на объявленный процесс разоружения соперничающих группировок в Северной Ирландии, протестантские террористы пока не собираются складывать оружие.

Есть также примеры терроризма, который практиковали представители секты, вышедшей из буддизма. Речь идет об уже упоминавшейся японской экстремистской организации "Аум Синрикё" (Учение истины Аум), созданной в 1987 г. С. Асахарой. Группировка ставила задачу захватить власть сначала в Японии, а затем и во всем мире. В 1995 г. "Аум Синрикё" осуществила

химическую атаку в токийском метро, жертвами которой стали 12 человек (около 4 тысяч ранено).

Как мы видим, терроризм не является монополией исламских экстремистов, к нему прибегают радикальнее представители и других конфессий. Мы считаем необходимым это подчеркнуть, поскольку в некоторых работах, посвященных международному терроризму, наблюдается демонизация мусульманского мира, навешивание на него негативных ярлыков (например, обвинения в "религиозном варварстве").

Такая позиция является препятствием не только на пути объективного научного исследования проблемы терроризма, но и мешает выработке адекватных методов и способов борьбы с этим опасным явлением. В частности, огульное обвинение всех мусульман в агрессивности не позволяет вовлечь в единый антитеррористический фронт мусульманские народы и правительства, которые негативно относятся к преступным деяниям тех, кто прикрывается *превратно понимаемыми нормами ислама*.

Однако следует признать, что терроризм, практикуемый исламистами, сейчас распространен особенно широко. Кроме того, наиболее кровавые теракты последних лет — нападение на США 11 сентября 2001 г., взрывы на острове Бали в октябре 2002 г., в Мадриде 11 марта 2004 г., захват школы в Беслане — были осуществлены именно ими.

Наиболее крупными террористическими организациями исламских экстремистов в настоящее время являются "Аль-Каида"; "ХАМАС", "Исламский джихад" и "Бригада мучеников Аль-Аксы", действующие в Палестине; "Хезболла", которая имеет штаб-квартиру в Ливане; "Группа Абу-Сайяфа" (Филиппины); "Аль-Джихад" и "Аль-Гамаа аль Исламия" (Египет); Вооруженная исламская группа (Алжир).

Эти и другие организации входят в формально отсутствующий, но фактически существующий «террористический Интернационал» религиозных экстреми-

стов. Контакты между террористическими организациями различных стран осуществлялись и ранее (например, между палестинскими и западноевропейскими группами). Однако они были эпизодическими и ограниченными по масштабу. В настоящее время террористическая сеть приобрела всемирный характер, что позволяет боевикам постоянно координировать деятельность в различных странах. Появились террористические организации-монстры, имеющие филиалы на всех континентах и управляющие их деятельностью из единого центра. Наиболее крупной из них является "Аль-Каида".

Она была создана в 1998 г. У. бен-Ладеном. Насчитывает 20—30 тыс. активистов в странах Азии, Северной Африки, Европы, США. Бен-Ладен управляет своей организацией с помощью современных средств связи (Интернета, факсов, спутниковых телефонов и т.п.). Следует отметить, что в международную террористическую сеть входят не только сами террористические организации, но и международные фонды, их финансирующие, а также государства-спонсоры терроризма, без которых он не смог бы существовать (Иран, Северная Корея, Судан и др.).

Международные террористические организации религиозных экстремистов в настоящее время ведут необъявленную войну против России и некоторых других стран СНГ (например, Узбекистана, Киргизии). Они оказывают активную помощь антиправительственным группировкам в этих странах. Так, во многом благодаря внешней поддержке весной 2004 г., в Узбекистане активизировались террористы из Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Они совершили серию террористических актов, жертвами которых стали около пятидесяти человек.

Чем объясняется значительная активизация терроризма, который осуществляют религиозные исламские экстремисты?

Во-первых, **качественный скачок в активизации исламского экстремизма связан с приходом к власти ая-**

толлы Хомейни в Иране в 1979 г. Иран сразу превратился в главного спонсора в борьбе за распространение исламской революции, войны против Израиля, защиты мусульманских святынь в Саудовской Аравии и других государствах Ближнего Востока, противодействия влиянию западных стран в исламском мире. В 1980-х — 1990-х гг. на территории Ирана действовало 11 лагерей для террористов, где готовилось до пяти тысяч человек.

Во-вторых, победа моджахедов над советскими войсками в Афганистане, которая рассматривалась как триумф "правоверных", окрылила исламских радикалов, придала дополнительный импульс их террористической деятельности. Они провозгласили всемирный джихад "против крестоносцев и иудеев".

В-третьих, на распространение исламского экстремизма значительное влияние оказали отрицательные последствия глобализации. Особенно острую негативную реакцию вызывает усиление глобального неравенства в мусульманском мире. Это объясняется, на наш взгляд, следующими причинами:

1. Многие мусульманские государства относятся к странам с наиболее низким доходом;

2. Нынешняя отсталость воспринимается на Востоке особенно болезненно на фоне бывшего геополитического величия арабских народов;

3. Культурно-религиозный консерватизм исламского мира заставляет его очень чутко реагировать на угрозу потери духовной самобытности, которую несет в себе процесс глобализации.

Один из негативных аспектов глобализации заключается в том, что она сопровождается культурной экспансией Запада, прежде всего США. Массовый приток западных товаров и духовных ценностей, чуждых исламским народам, вызывает психологическую, культурную и экономическую депрессию на Востоке.

Следует отметить, что западные государства порой довольно беспардонно и самонадеянно пытаются осуществлять политику вестернизации развивающихся

стран. А.М. Хазанов справедливо отмечает: "Главная ошибка стратегов Запада состоит в том, что они считают свои духовные ценности универсальными, пригодными для всех народов"¹⁰.

Возмущение в исламском мире вызывают и грубое вмешательство Запада, особенно США, во внутривнутриполитические дела арабских государств, поддержка Израиля в ближневосточном конфликте. К этому следует добавить разочарование в результатах модернизации западного образца, которую пытались осуществить некоторые арабские политические режимы.

Неудачам и депрессии, культурной экспансии мусульманский мир противопоставляет "религиозные ценности", которые служат средством обретения прежней идентичности. Политический терроризм под религиозными лозунгами становится средством борьбы против вестернизации и социальной несправедливости. По мнению А.К. Пушкиова, "терроризм для исламского мира — всего лишь попытка восстановления справедливости"¹¹.

Воинственное неприятие глобальной несправедливости на Востоке дало основание некоторым авторам вслед за С. Хантингтоном говорить чуть ли не о конфликте цивилизаций. Так, в монографии "Терроризм: история и современность" отмечается: "Современная ситуация на планете усугубляется ростом в мире социально-экономических и межцивилизационных противоречий, противостоянием между развитым Севером и отстающим в развитии Югом"¹².

Однако такая позиция не является бесспорной. Впервые, ни страны Запада, ни страны Востока не выступают друг против друга единым фронтом. Среди исламских государств есть немало таких, которые поддержи-

---

¹⁰ Хазанов А.М. Терроризм — угроза человечеству в XXI в. М., 2003. С. 31.

¹¹ Пушкиов А.К. Россия, безопасность, терроризм: (Круглый стол) // Свободная мысль — XXI в. 2001. № 12. С. 13.

¹² Терроризм: История и современность. С. 199.

вают тесные отношения с развитыми постиндустриальными государствами Запада (Турция, Кувейт, ОАЭ, Египет, Саудовская Аравия и др.). С другой стороны, ряд западноевропейских стран (например, Франция, Германия, Греция) не сталкиваются со столь резкой враждебностью к ним в мусульманском мире, как США.

Во-вторых, ряд режимов на Востоке сами являются объектом терроризма, осуществляемого исламскими экстремистами. Например, в Египте, Алжире, Саудовской Аравии, Пакистане. В свою очередь, они ведут непримиримую борьбу с религиозным терроризмом.

В Алжире власти с начала 1990-х гг. ведут борьбу против религиозных экстремистов, широко использующих терроризм для достижения своих политических целей. На счету исламистов десятки тысяч погибших от взрывов бомб, нападений на политических деятелей, массовых казней крестьян лишь за то, что они строжайше не соблюдают нормы шариата.

Исламисты, безусловно, хотели бы выдать свою преступную деятельность за войну цивилизаций, противостояние "правоверных" и "неверных". Это обеспечило бы им поддержку миллионов мусульман во всем мире, оправдывало кровавые теракты, совершаемые против мирных граждан.

Поэтому концепция международного терроризма как проявления религиозно-цивилизационной войны представляется нам не только ненаучной, не соответствующей действительности, но и политически вредной. Она препятствует созданию единого антитеррористического фронта стран Запада и Востока, без которого невозможно победить международный терроризм.

Борьба с терроризмом религиозных экстремистов чрезвычайно затруднена. Эта разновидность терроризма является выражением так называемых ценностных конфликтов, которые отличаются особой непримиримостью.

Победить такой терроризм можно лишь используя систему мер противодействия ему, включающую эко-

номические, социально-политические, силовые, психологические, духовные методы. Среди них особо хотелось отметить последние.

На наш взгляд, следует активно использовать религиозный фактор в борьбе с терроризмом, особенно с тем, который практикуют исламские экстремисты. Нужно шире привлекать религиозные авторитеты для разоблачения террористов, развенчивания их отступничества от подлинного ислама. Это позволит превратить ислам из орудия идейной мобилизации на борьбу с властью в союзника государства, направить острие ислама против экстремизма.

Важно разработать и проводить такую политику в исламских регионах России, которая допускала бы использование отдельных достижений мусульманско-правовой культуры в интересах развития страны. Не следует забывать, что преследование традиционного исламского духовенства на Северном Кавказе в годы Советской власти привело к тому, что там стало распространяться *экстремистское толкование ваххабизма*, которое превратилось сначала в знамя протеста против дискриминации на конфессиональной почве, а затем и сепаратизма.

Как справедливо отмечает Л.Р. Сюкияйнен, необходимо "подойти к решению политических, социально-экономических и национально-культурных проблем российских регионов традиционного распространения ислама с учетом ментальности и образа жизни мусульман, обосновать политику федерального центра в этих регионах обращением к позитивным исламским ценностям"¹³. Эта верная рекомендация должна быть учтена политическими деятелями России.

---

¹³ Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М.: Наука, 2002. С. 36.

А.А. Красиков,

доктор исторических наук, профессор

ТЕРРОРИЗМ И ЗАПАДНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Чудовищный акт террора, совершенный группой фанатиков-самоубийц 11 сентября 2001 года, поверг в состояние шока весь мир. Особенно тяжело пережили его американцы, и это более чем понятно: прямой телевизионный репортаж о разрушении двух небоскребов-близнецов в Нью-Йорке "исламскими террористами" (именно так представили нападавших средства массовой информации) заставил жителей самой мощной державы современного мира впервые осознать, что и они отныне не гарантированы от тех ужасов, которые происходят где-то далеко от их мирных и уютных домов.

Президент Дж. Буш отреагировал на первую в истории воздушную атаку на Соединенные Штаты (нападение японцев на далекий Пирл-Харбор в декабре 1941 г., конечно же, не в счет), объявив войну... международному терроризму. Воевать американцам пришлось, однако, не с юридическим термином¹, а с конкретными, вполне осязаемыми вооруженными формированиями. Сначала в Афганистане, потом в Ираке. После чего раз-

---

¹ Международные конвенции по борьбе с терроризмом опубликованы в приложении к сборнику "Борьба с терроризмом", который был издан в 2004 г. Общественно-консультативным советом по проблемам борьбы с международным терроризмом (М., 2004. С. 205 – 236).

вернулась психологическая подготовка к возможному распространению "антитеррористической операции" на другие страны.

Религиозные организации Запада, чей коллективный опыт уходит корнями в историю человечества, сразу же осознали степень риска, связанного с эмоциональной реакцией на события 11 сентября 2001 г. Буквально на следующий день, 12 сентября, на эти события откликнулись официальные представители протестантов, католиков и православных из 26 европейских стран, собравшиеся на форум, посвященный отношениям с мусульманами. По удивительному совпадению встреча христиан Европы проходила в Сараево — городе, имя которого связано с началом Первой мировой войны. Узнав о случившемся, участники форума приняли заявление, в котором говорилось:

"Мы единодушно осуждаем этот акт насилия, видя в нем грех против человечества. Признавая наличие в каждом из нас потенциала насилия, мы молимся за то, чтобы эта лишённая смысла операция не вызвала ответных действий, выходящих за рамки допустимого. Верные духу нашего форума, мы готовы, если потребуется, содействовать диалогу, способному открыть путь к миру и справедливости, и поставим себя на службу примирению".

В начале октября 2001 г. за прекращение военной операции США выступил Всемирный совет церквей. В заявлении, сделанном от имени 342 протестантских и православных церквей более чем 100 стран он подчеркнул, что "в мире, перенасыщенном самым разрушительным оружием, которое когда-либо существовало в истории, войны не могут служить ответом на столь же отвратительный грех терроризма".

Первосвященник Римско-католической церкви (РКЦ) папа Иоанн Павел II, не понаслышке знающий, что такое террор, также осудил содеянное преступниками и предостерег американцев от ответа насилием на насилие. Архиепископ Мартино, который до октября

2002 г. был постоянным представителем Ватикана при ООН, став председателем Папского совета "Мир и справедливость", начал свою деятельность на новом посту с заявления о том, что "превентивная война — это война захватническая и не может подходить под определение справедливой подобно войне по защите своей страны"².

В самих Соединенных Штатах позиции религиозных организаций разошлись. Те из них, которые входят в Национальный совет церквей Христа (православные и либеральные протестанты) выступили против расширения конфликта, консервативное крыло протестантов поддержало реакцию президента.

С легкой руки Буша сегодня многие аналитики представляют международный терроризм как некую "новую страницу в истории человечества". Между тем это не так.

Терроризм испокон веков был спутником войн, а нередко и опережал их начало. Согласно исследованию, проведенному американскими учеными, начиная с 3600 года до нашей эры в мире произошло примерно 14 600 войн. Их жертвами стали более трех миллиардов человек, или половина нынешнего населения земного шара. Историки утверждают, что человечество прожило лишь 292 года без войн, хотя, впрочем, нет никакой уверенности в том, что им удалось зафиксировать все вооруженные конфликты без единого исключения³.

Ярким примером связи между террором и "легальным" убийством людей во время войн уже в близкую к нам эпоху является операция, которую в 1914 году провела тайная организация православных экстремистов "Черная рука" во главе с руководителем сербской контрразведки Драгутином Дмитриевичем. Она спланировала и осуществила руками студента Гаврило

---

² <http://www.religio.ru>, 18 декабря 2002.

³ Washington ProFile. 2003. Apr. 18, N 44(274).

Принципа “устранение” наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево. Как мы уже упомянули выше, провокация поборников создания “великой Сербии” привела к первому в XX веке конфликту с участием всех крупнейших мировых держав.

Невиданного размаха террор достиг во время Второй мировой войны, когда от рук гитлеровцев погибло огромное число мирных граждан, в том числе 6 миллионов евреев. Эти действия нацистов, как и насильственное переселение по приказу Сталина репрессированных им народов, подпадают под определение геноцида, сформулированное в одобренной ООН в 1948 г. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Жестоко расправлялись оккупанты и с попадавшими к ним в руки участниками партизанского движения, которое развернулось в ответ на агрессию гитлеровской Германии как на Востоке, так и на западе Европы.

За полвека, истекших после окончания Второй мировой войны, вооруженные конфликты, не перестававшие вспыхивать то в одной, то в другой точке земного шара, унесли жизни еще более 20 миллионов человек. Авторы анализа, проведенного под эгидой Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба Вооруженных сил России и Института политического и военного анализа, зафиксировали в одном лишь последнем году кровавого XX века 70 “горячих точек”. В 22 странах велись войны и в 25 обстановка характеризовалась как предконфликтная⁴.

Эти сведения в целом совпадают с данными американских ученых, подсчитавших, что сегодня в мире происходит от 40 до 100 вооруженных конфликтов. В основном это партизанские войны. Они десятилетиями

---

⁴ Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: Военно-политические аспекты миротворчества. М., 2001. С. 333.

продолжались в Анголе, Бангладеш, Гватемале, Индонезии, Кампучии, Ливане, Марокко, Нигерии, Никарагуа, Сальвадоре, Эфиопии, ЮАР. XXI век унаследовал от предыдущего подобные конфликты в Афганистане, Колумбии, Курдистане (на территории Турции и Ирана), Либерии, Мьянме, Перу, Шри-Ланке, Чечне. Партизанскими лидерами были — каждый в свое время — Мао Цзэдун, Хо Ши Мин, Фидель Кастро, Даниэль Ортега, Роберт Мугабе, Нельсон Мандела, другие известные политики.

“Все партизанские войны идут по сходной схеме, — отмечают авторы американского исследования. — Регулярные войска контролируют крупные населенные пункты, партизаны базируются в сельской местности, в лесах, горах и пустынях. Партизаны обычно используют тактику, которую американские военные специалисты называют “hit and run” — “ударил и беги”. Регулярные войска стараются проводить облавы и уничтожать партизанские базы. В партизанской войне в большинстве случаев побеждает сторона, приобретающая поддержку мирного населения”⁵.

Вторая мировая война и последовавшие за ней события, связанные с деколонизацией, привели к уточнению ряда норм Международного права, касающихся законов и обычаев войны. Изменилось, в частности, отношение к участникам военных ополчений, отрядов добровольцев, включая личный состав организованных движений сопротивления, к населению, стихийно взявшемуся за оружие для борьбы с войсками неприятеля. Попадая в руки противника, они, как и другие комбатанты, отныне имеют право на статус военнопленных⁶. Насколько реально получить такой статус в условиях нынешних войн “без правил” — это уже другой вопрос.

---

⁵ Washington ProFile. 2003. Apr. 17, N 41(271).

⁶ Эти новые нормы установлены Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г. и дополнительными протоколами к ним 1977 г.

Религии, как и террор, существуют на земле с незапамятных времен. Доктор исторических наук профессор А.Б. Зубов рассказывает о бесспорных свидетельствах религиозной жизни доисторических людей, живших около 100 тысяч лет назад⁷. И, как мы видим, несмотря на продолжающийся вот уже более двух столетий процесс секуляризации человеческого общества, подавляющее большинство народов не утратило религиозности и сохранило до наших дней веру в Бога (или богов), унаследованную от предков.

Из шести миллиардов сегодняшних землян почти два (1 999 600 тысяч, или 33 процента всего населения планеты) являются христианами, еще более миллиарда (1 188 240 тысяч, или 19,6 проц.) — мусульмане, на третьем месте — почти миллиард (918 250 тыс., или 15,2 проц.) неверующих, остальные исповедуют самые различные религии. При этом в христианстве исторически сложились три конфессии: католичество (1 057 328 тыс. последователей), второе — протестантизм (342 миллиона) и третье — православие (215 миллионов верующих)⁸.

Как видно из приведенных выше цифр, христиане и мусульмане составляют более половины жителей планеты. А это значит, что от них в первую очередь зависит, в каком направлении будут развиваться события в окружающем нас мире, ждет ли нас мирное будущее или пресловутый "конфликт цивилизаций".

Последователи каждой религии считают свою веру единственно истинным мировоззрением, и это может при определенных обстоятельствах породить напряженность в их взаимоотношениях с инаковерующими или неверующими людьми. Более того, в прошлом не раз вспыхивали и религиозные войны; практиковался террор и даже геноцид по этно-религиозным признакам. Однако было бы серьезной ошибкой связывать эти

---

⁷ Зубов А.Б. История религий. М., 1997. Кн. 1. С. 18.

⁸ <http://www.adherents.com>.

явления исключительно с религией как таковой, а не с преступными действиями определенных личностей или групп, использующих религиозный фактор для достижения своих корыстных целей.

Швейцарский ученый-религиовед Жан-Франсуа Мейер, сотрудник военного ведомства своей страны, одним из первых современных аналитиков обратил внимание на тот факт, что в наиболее острых конфликтах, возникших после окончания "холодной войны", линия противостояния разделила народы, исторические судьбы которых были связаны с разными, противоборствовавшими в прошлом религиями. Представляя общественности результаты исследований своего подчиненного, директор Центрального управления обороны Швейцарии Ганс-Хейри Дахинден писал:

"Нельзя недооценивать роли религий и религиозных групп в области политики безопасности. Как правило, религии исповедуют принципы мирного сосуществования людей и народов. На протяжении веков они часто вносили конкретный вклад в поддержание или установление мира, способствовали краху авторитарных режимов и освобождению угнетенных народов. Однако парадоксальным образом они могут также служить адептам определенных идеологий и национализма и оказываются в этих случаях серьезным источником напряженности, ведущей к актам насилия и даже к войнам"⁹.

Интересное наблюдение сделал еще сто лет назад один из основателей социальной психологии Гюстав Лебон (1841 – 1931). Он заметил, что "судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие... Столетие за столетием они творили идеи и чувства и, следовательно, все побудительные причины нашего поведения". "Умершие поколения, — указывал французский психолог, социолог и исто-

---

⁹ См.: *Mayer J.-F. Religions et sécurité internationale*. Berne, 1995. Впоследствии Жан-Франсуа Мейер развил этот тезис в целой серии научных публикаций.

рик, — передают нам не только свою физическую организацию; они внушают нам также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели". Так, чтобы создать во французском народе "ту общность чувств, которая образует его душу, потребовалось более десяти веков"¹⁰.

Коллективная, генетическая память народов — отнюдь не миф. Она действительно передается от поколения к поколению. И происходит это не только благодаря сохранению письменных источников, но и потому, что смена поколений происходит постепенно и в каждый отрезок времени на земле живут и общаются между собой люди самого различного возраста. Более молодые постоянно принимают эстафету опыта и знаний как положительных, так и отрицательных от тех, кто пришел в мир до них и вручают эту эстафету тем, кто следует за ними. Стереотипы мышления надолго переживают тех, при ком они когда-то создавались, в чем может легко убедиться сегодня любой объективный наблюдатель, оглянувшись на своих собственных соотечественников.

У истоков сегодняшней нетерпимости. Не заглядывая в самые далекие глубины человеческой истории, отметим лишь, что ушедшее недавно за горизонт второе тысячелетие новой эры начиналось в Европе с трагических событий. В 1054 году произошло разделение христианства на католичество и православие. Папа Римский и патриарх Константинопольский взаимно предали друг друга анафеме и объявили каждый свою церковь единственной носительницей благодати Божией, а другую, соответственно, средоточием ереси. Следствием этого события стала многовековая вражда, которая не раз приводила к сведению счетов на полях сражений регулярных армий, а также к коллективным и индиви-

---

¹⁰ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 20.

дуальным актам террора. Прошло девять столетий, прежде чем папа Павел VI и патриарх Афинагор подписали (7 декабря 1965 г.) Совместную декларацию, в которой оповестили весь мир о своем решении "изъять из памяти и среды церковной акты отлучения"¹¹.

Еще одним трагическим событием начала второго тысячелетия стал крестовый поход западных христиан на Ближней Восток (1096 — 1099). "Жестокость и бессмысленные кровопролития, — констатирует известный католический исследователь дон Романо Скальфи, — характеризуют и этот крестовый поход, и все остальные"¹². А середина тысячелетия пришлась на "реконкисту" — войну испанских католиков с маврами-мусульманами, которые владели Пиренейским полуостровом с первой половины VIII века. Когда же в 1492 г., в год открытия Колумбом Америки, мусульмане были окончательно побеждены, их поставили перед выбором: перейти в христианство или покинуть страну. Такой же выбор был предложен евреям, чья религиозная свобода при власти мусульман под вопрос не ставилась.

С этого момента Испания надолго стала оплотом государственного терроризма, освящавшегося знаменем католичества. Согласных креститься иноверцев постоянно подозревали в неискренности, окружили тотальным шпионажем и сжигали на кострах. Та же участь была уготована "ведьмам" и "еретикам" — действительным или мнимым вероотступникам. Эпидемия погромов быстро распространилась за пределы Испании, побудив многих потенциальных жертв бежать от христиан на территорию, занятую наступавшими с востока на Европу войсками Оттоманской империи¹³. Гене-

---

¹¹ Полный текст декларации см. в журнале Библейско-богословского института св. апостола Андрея: Страницы. 1996. № 2. С. 39 — 40.

¹² Скальфи Р. "Я с вами до скончания века": Краткая история Католической церкви. Милан; М., 1998. С. 88.

¹³ См., например: *Raj T., Vasadi P. Jewish Life in Turkish Buda. Budapest, 2003. 96 p.*

ральный секретарь ООН Кофи Аннан напомнил в этой связи, что в течение длительного периода времени государство оттоманов было "прекрасным примером культурного и этнического плюрализма, из которого мы можем до сих пор извлечь немало уроков"¹⁴.

Средневековая инквизиция свирепствовала не только в Европе, но и в только что открытой тогда Америке. Правда, уже в то время внутри церкви нашелся смелый человек — епископ Лас Касас, который отверг официальный тезис об "изначальной греховности индейцев" и осудил насилия, сопровождавшие их обращение в католичество, как преступление. Однако его книга-дневник 300 лет находилась в испанских архивах на специальном хранении и лишь относительно недавно стала доступна исследователям. В дни юбилейных торжеств по случаю 500-летия успешной экспедиции Колумба папа Иоанн Павел II совершил поездку в Доминиканскую республику, чтобы, подчеркнув значение эвангелизации американского континента, одновременно осудить террор колонизаторов.

Не успели погаснуть костры инквизиции, как на христиан обрушилась новая беда — религиозные войны, прокатившиеся по Европе в середине второго тысячелетия после того, как 31 октября 1517 года католический священник и библеист Мартин Лютер прибил к воротам храма в германском городе Виттенберг листовку с осуждением продажи папами индульгенций — отпущения ими грехов верующих за деньги. Антипапское движение быстро приняло массовый характер. Протестанты выступали уже не только против индульгенций. Они вообще отрицали право церкви на посредничество между Богом и человеком.

Новый раскол породил очередную волну насилия и террора, практиковавшегося в равной степени всеми

---

¹⁴Аннан К. Диалог цивилизаций и потребность в мировой этике.

конфликтующими сторонами¹⁵. Военные действия в Центральной Европе приостановились лишь на какое-то время после заключения в 1555 г. Аугсбургского религиозного мира, который предоставил право выбора религии монархам. Именно тогда был провозглашен принцип: "cuius regio eius religio" ("чья страна, того и вера"), означавший, что вместо одного — католического — единомыслия отныне вводились несколько, каждое из которых должно было неукоснительно соблюдаться подданными, сделавшего за них свой выбор монарха¹⁶.

Передышка в религиозных войнах не покончила, однако, с междоусобной борьбой внутри отдельных стран, где конфликты между христианами различных конфессий стали перерастать в подлинные гражданские войны. Так, во Франции одним из самых драматических эпизодов ее истории стало массовое убийство гугенотов (протестантов) в "ночь длинных ножей" на праздник св. Варфоломея 24 августа 1572 г. Начавшиеся в Париже убийства продолжались несколько дней в провинции, в том числе в Лионе, Орлеане, Руане и других городах страны. Их жертвами оказались около 30 тысяч человек. Разгул церковно-государственного террора продолжался и в других странах. Одним из самых известных его проявлений стало сожжение на костре в Риме бывшего монаха-католика Джордано Бруно в 1600 г.

Недолго продержался и мир между государствами. Возобновившись, войны продолжались до середины XVII века и лишь в 1648 г. завершились подписанием

---

¹⁵ Яркие примеры этой жестокости приводятся в книге известного итальянского юриста и историка проф. Франческо Руффини "Религиозная свобода", которая была впервые издана по-русски в 1914 г. и переиздана в 1995 г. по случаю Международного года ООН, посвященного терпимости.

¹⁶ Находясь в 1988 г. с визитом в Германии, папа Иоанн Павел II назвал "прискорбным" этот принцип, который отрицал свободу религиозного выбора и привязывал христианские конфессии к светской власти (*Giovanni Paolo II. Europa: Un magistero tra storia e profezia. Casale Monserato, 1991. P. 405*).

Вестфальского мира, который лишил светских правителей права определять вероисповедную принадлежность своих подданных.

Стратегия антитеррора и ненасилия. Нетерпимость к инакомыслящим и религиозные войны, которые залили кровью и разорили всю Европу, подорвали доверие европейцев не только к организационным структурам обеих конфессий, но и к религии вообще. В массовом сознании религия и ее отдельные носители стали восприниматься как единое целое. Начиналась новая эпоха европейской истории — эпоха просвещения, которая породила целую плеяду интеллектуалов-антиклерикалов. По признанию папы, с этого времени культура была надолго оторвана от веры и разрыв между ними распространился на самые различные области человеческого бытия¹⁷.

Быстрая секуляризация общества подвигла представителей РКЦ и протестантских объединений на поиск путей к нормализации взаимоотношений как между собой, так и со светским обществом. Первыми шаг навстречу католикам сделали протестанты. С середины XIX столетия свободная проповедь РКЦ была разрешена в целом ряде стран, где протестанты обладали статусом государственной или господствующей религии. А сто лет спустя, после Второй мировой войны, осознание чудовищности физического и морального насилия над людьми воплотилось в разработке целого комплекса национальных и международных правовых норм. Протестанты и в этом случае выступили первыми за признание естественных прав человека. Именно под их влиянием были разработаны основополагающие международно-правовые документы, в том числе Устав Организации Объединенных Наций (1945), Всеобщая декларация прав человека (1948) и Европейская конвенция о защите прав человека (1950).

---

¹⁷ Ibid. P. 448.

В 1948 г. был создан Всемирный совет церквей (ВСЦ), куда вошли представители протестантских организаций либерального направления и поместных православных церквей: Константинопольской и ряда других с самого начала, Русской (РПЦ) — с 1961 г.¹⁸ Католики также были приглашены в ВСЦ, но ограничились статусом наблюдателя.

В том же направлении эволюционировала и РКЦ. Избранный в 1958 г. на папский престол Иоанн XXIII начал с того, что дал указание изменить тексты двух молитв, которые оскорбляли религиозные чувства мусульман и иудеев. Он созвал Второй Ватиканский собор (1962—1965) — высшее собрание епископов РКЦ, которое проводится в среднем один раз в сто лет, задав тон его работе, а незадолго до кончины в 1963 г. опубликовал важный догматический документ — энциклику "Pacem in Terris" ("Мир на Земле"), в которой обратил внимание на возникновение в мире принципиально новой ситуации в связи с тем, что последние научные открытия и их практическое применение в военных целях ставят под вопрос само выживание человечества.

Окончательное официальное отмежевание от религиозной нетерпимости католиков произошло в 1965 г. при следующем папе Павле VI. Принятая собором и утвержденная понтификом "Декларация Церкви об отношении к нехристианским религиям" ("Nostra aetate") разворачивает буквально на 180 градусов тот курс, которому РКЦ следовала в данном вопросе на протяжении многих веков. Декларация начинается с указания на необходимость обращать внимание прежде всего на то, что объединяет людей и что ведет их к совместному общению. Далее подчеркивается, что католическая церковь не отвергает ничего из того, что истинно и свя-

---

¹⁸ Документы и материалы по истории контактов православных с протестантами можно найти в сборнике "Православие и экуменизм", второе, переработанное издание которого вышло в свет в 1999 г.

то в других религиях. "Она с искренним уважением рассматривает тот образ действия и жизни, те предписания и учения, которые, во многом отличаясь от того, чего она придерживается и чему учит, все же нередко доносят луч Истины, просвещающей всех людей"¹⁹.

Отдельный параграф Декларации посвящен мусульманам, к которым "Церковь относится с уважением", памятуя о том, что "они ценят нравственную жизнь и высоко чтят Бога". Ключевое положение документа, касающееся взаимоотношений между последователями двух наиболее распространенных в мире религий, гласит: "Хотя в течение веков между христианами и мусульманами возникали немалые разногласия и вражда, Священный Собор призывает всех предать забвению прошлое и искренне стремиться ко взаимопониманию, а также совместно оберегать и поддерживать ради всех людей социальную справедливость, нравственные ценности, мир и свободу"²⁰.

В следующем параграфе содержится напоминание о том, сколь велико духовное наследие, присущее и христианам, и иудеям. И "хотя иудейские власти и их приверженцы настояли на смерти Христа, однако то, что было совершено во время Его страстей, не может быть огульно вменено в вину ни всем жившим тогда иудеям, ни иудеям современным". Поэтому "иудеев не следует представлять ни отверженными Богом, ни проклятыми".

Не забыли отцы собора и о тех преследованиях, которым последователи иудаизма на протяжении веков подвергались, нередко с благословения, а то и по прямому указанию христианского, в том числе католического священноначалия: "Церковь, осуждающая (отныне — А.К.) всякие гонения на кого бы то ни было, памятуя об общем с иудеями наследии и движимая не политическими соображениями, но духовной любовью по Еванге-

---

¹⁹Документы Второго Ватиканского собора. М., 1998. С. 233 — 234.

²⁰ Там же. С. 235.

лию, сожалеет о ненависти, о гонениях и обо всех проявлениях антисемитизма, которые когда бы то ни было и кем бы то ни было направлялись против иудеев "21.

На последней сессии собора была принята Декларация о религиозной свободе, которая признает право выбора религии за каждым конкретным человеком. Не менее сенсационным результатом собора стало обещание "всеми силами стараться предуготовить то время, когда по общему согласию всех стран можно будет полностью запретить любую войну"22.

В документе, который называется "Папская Конституция о Церкви в современном мире" ("Gaudium et Spes"), напомнив о "непреодоляемом значении естественного права народов и его универсальных принципов", РКЦ заявила: "Действия, сознательно им противоречащие, а также приказы, предписывающие совершать такие действия, являются преступными, и слепое послушание не может извинить тех, кто эти приказы исполняет... И напротив, нужно в высшей степени одобрять мужество людей, не боящихся открыто сопротивляться тем, кто отдает подобные приказы"23. Столь ясного и смелого ответа на призыв, содержащийся в Нагорной проповеди Христа, история христианства еще не знала.

Стратегическая линия, намеченная Вторым Ватиканским собором, неуклонно проводилась в жизнь и дипломатическим ведомством государства Град Ватикан, которое, как известно, является субъектом международного права, участвует в статусе наблюдателя в деятельности Организации Объединенных Наций, принимает участие в международных конференциях и поддерживает дипломатические отношения с государствами всех континентов (сегодня их число приближается к 180)24.

---

21 Там же. С. 236.

22 Там же. С. 455 – 456.

23 Там же. С. 453 – 454.

24 См.: *Essere ambasciatori presso la Santa Sede*. Vaticano, 1998. 204 p.

Особенно большую активность дипломатия папы развернула в связи с начавшимся вскоре после окончания Второй мировой войны и продолжающимся до наших дней арабо-израильским конфликтом на Ближнем Востоке. Известный ученый-ватиканист Сильвио Феррари выделяет три основных цели, которые в течение всего этого времени Ватикан преследовал, добиваясь прекращения там актов террора и вооруженной конфронтации в целом. Это: 1) обеспечение присутствия христиан на святой для них земле, 2) сохранение там и, прежде всего, в Иерусалиме исторических ценностей, принадлежащих всему человечеству, и 3) создание условий для окончания так или иначе связанных с кровавыми событиями в Палестине других конфликтов на Ближнем Востоке и в других местах земного шара²⁵.

Покаяние Иоанна Павла II. Казалось бы, стратегия антитеррора, разработанная католиками в конце XX века, уже сама по себе могла рассматриваться как существенный вклад в решение одной из самых острых проблем человечества на перевале, разделяющем второе и третье тысячелетия. Однако, помимо стратегии, в этот поистине судьбоносный период истории требовалась и тактика, способная устранить препятствия психологического характера, все еще остающиеся на пути к сотрудничеству всех людей доброй воли.

Такой тактикой, по мнению нового папы Иоанна Павла II, вступившего на престол в 1978 г., должно было стать "очищение памяти" человечества от наслоений, вызванных ошибками и преступлениями минувших веков. Добиться же очищения невозможно без полного и искреннего покаяния за эти ошибки и преступления. Шестнадцать лет спустя после избрания на престол первый в истории РКЦ папа-славянин созвал (в июне 1994 г.) чрезвычайное заседание кардинальской коллегии и поставил на нем вопрос о *teu culpa* — покаянии

---

²⁵ См.: Vita e pensiero. 2004. N 1.

церкви перед Богом и людьми. Кардиналам предстояло высказаться по поводу "Размышлений о Великом Юбилее 2000 года" (так была озаглавлена заранее разосланная участникам заседания 23-страничная записка, авторство которой первоначально было известно лишь узкому кругу посвященных).

"В то время как завершается второе тысячелетие христианства, — говорилось в записке, — церковь должна ясно осознать, что на протяжении этого исторического периода ее члены своими грехами многократно нарушали верность Христу и Его Евангелию". В качестве примеров таких нарушений в записке были упомянуты "религиозные войны, суды инквизиции и другие проявления нарушений прав личности". А далее следовал вывод: "Необходимо, чтобы, исходя из положений, сформулированных Вторым Ватиканским собором, церковь по своей инициативе пролила свет на темные стороны собственной истории в свете принципов Евангелия".

Окружение Римского первосвященника встретило изложенные в записке идеи и предложения более, чем сдержанно. Сотруднику итальянской газеты "Коррьере дела сера" Луиджи Аккаттоли²⁶ удалось раздобыть подготовленный государственным секретариатом Ватикана материал, резюмирующий первую реакцию членов кардинальской коллегии. В нем указывалось, что "некоторые высокопреосвященные кардиналы призывали к максимальной осторожности и осмотрительности, учитывая деликатный характер этого трудного вопроса".

По данным того же Аккаттоли, католические архиереи из Восточной Европы выразили опасение, как бы не сыграть на руку атеистам. Члены коллегии из стран "третьего мира" заявили, что предвидят осложнения в отношениях с неофитами. А итальянский кардинал

---

²⁶ В 1997 г. Л. Аккаттоли обобщил собранные им материалы в книге, озаглавленной "Quando il Papa chiede perdono" ("Когда Папа просит прощения").

Джакомо Биффи изложил сомнения по поводу целесообразности, как он выразился, "церковной самокритики" в четырехстраничном тексте, задав встречные вопросы: "Кому тогда человечество предъявит счет за французов, отправленных на гильотину в 1793 году? Кого оно заставит ответить за миллионы русских крестьян, замученных большевиками?" И "не лучше ли отложить грехи истории до страшного суда?"

В итоге, констатирует Л. Аккаттоли, — "папа не убедил кардиналов и решил идти вперед, пусть даже в одиночку". Первый шаг к признанию ошибок прошлого он сделал еще раньше — почти сразу же после избрания на престол, в 1979 году, когда создал специальную комиссию по пересмотру дела Галилео Галилея. За этим первым шагом последовали второй, третий, четвертый... Ватиканист "Коррьере дела сера" насчитал более двадцати дел, переданных папой на рассмотрение экспертов с целью "пролить свет на темные страницы прошлого".

На пороге вступления в третье тысячелетие Римский первосвященник сам публично высказался на эту тему. Возвращаясь к "темным страницам" истории, понтифик сделал в мае 1995 г. торжественное заявление: "Сегодня я, папа Римской церкви, от имени всех католиков прошу прощения за несправедливости, допущенные по отношению к некаатоликам на протяжении истории".

А четыре года спустя развил эту мысль: "Признание первородного греха побуждает Церковь просить прощения за "историческую" вину своих сыновей. Прекрасным поводом для этого является великий юбилей 2000 года, когда, следуя урокам Второго Ватиканского собора, мы намереваемся открыть новую страницу истории, чтобы снять препятствия на пути к преодолению того, что разделяет людей и, в частности, христиан". Иоанн Павел II еще раз подчеркнул, что РКЦ "не боится исторической правды и готова признать ошибки, особенно когда речь идет об уважении человеческой личности и человеческих обществ". "Я думаю прежде всего о болезненной реалии раскола христиан, — сказал он.

Разделения прошлого, вина за которые, конечно же, лежит на обеих сторонах, остаются скандалом перед лицом всего мира".

"Второй акт покаяния, — продолжал папа, — касается нетерпимости и даже насилия, прикрывавшихся мотивами служения истине. Хотя многие прибегали к этим методам как бы из самых лучших побуждений, мы ни в коем случае не можем признать соответствующим Евангелию путь навязывания истины силой. Покаяние распространяется и на молчание в силу слабости или неправильной оценки, как и на проявление нерешительности или просто неподобающее поведение. В этом, как и в других случаях, никакие ссылки на смягчающие обстоятельства не освобождают церковь от обязанности выразить самое глубокое сожаление в связи с тем, что так много ее сынов исказили ее образ"²⁷.

Как и намечалось, торжественная церемония "очищения памяти" была проведена в самом начале нового века и нового тысячелетия. Утром 12 марта 2000 г., в первое воскресенье великого поста, папа отслужил специальную мессу в базилике святого Петра в Ватикане, произнес слова покаяния. Затем он прошел в Апостолический дворец и из окна своего кабинета обратился к собравшимся на площади паломникам, выразив убеждение в том, что "искреннее признание вины сынов церкви за совершенные ими в далеком и недавнем прошлом грехи и обращенная к Господу молитва о прощении пробудят совесть христиан и позволят им войти в третье тысячелетие более открытыми Богу и его любви".

В то самое время, когда папа общался с паломниками, рядом с площадью, в пресс-центре Ватикана, несколько высокопоставленных деятелей церкви, в том числе кардиналы Ратцингер и Эчегарай, представляли журналистам объемистый документ, озаглавленный: "Память и примирение — церковь и вина за греховное прошлое". Выступивший на презентации первым пред-

---

²⁷ L'Osservatore romano: (Edizione settimanale). 1999. 3 sette.

седатель Юбилейного комитета 2000 года кардинал Эчегарай подчеркнул, что представленное в документе теологическое объяснение и божественная литургия составляют как бы два составных элемента единого целого, раскрывающего исторический масштаб вселенского сознания церкви²⁸.

Покаяние папы встретило широкий отклик во всем западном мире. В канун третьего тысячелетия его примеру последовали руководители многих государств. Президент США принес извинения Африке за работорговлю; президент ФРГ выступил в израильском парламенте с речью, в которой покаялся за массовые убийства евреев в годы нацизма; премьер-министр Японии попросил прощения у китайцев за преступления, совершенные японской армией в годы Второй мировой войны; президент Италии извинился перед народом Эфиопии за оккупацию этой страны в 30-е годы, а президент Аргентины — перед британцами за войну из-за Мальвинских (Фолклендских) островов. Этот список можно было бы продолжить²⁹.

Заслуга папы и поддержавших его руководителей англиканской церкви просматривается и в снижении напряженности в Ольстере (Северной Ирландии), где в апреле 1998 г. переговоры между представителями британского правительства и североирландских партий привели к достижению "соглашения Страстной пятницы" о прекращении конфронтации между католиками и протестантами. Эта конфронтация продолжалась более четверти века, и в ней с обеих сторон участвовали террористы — члены подпольной ирландской республиканской армии (ИРА) и Ассоциации обороны Ольстера³⁰.

---

²⁸ L'Osservatore romano: (Edizione quotidiana). 2001. 13 marzo.

²⁹ Современная Европа. 2002. № 4. С. 106 — 110.

³⁰ Подробнее об этом см.: Громыко А.А. Усмирение терроризма: Опыт Северной Ирландии // Терроризм и политический экстремизм. М., 2002. С. 37 — 45.

“Инициативы перемен”. Инициативу папы горячо приветствовала международная общественная организация “Инициативы перемен” (ИП) — правопреемница основанного еще в тридцатые годы XX столетия американским протестантским деятелем Фрэнком Бухманом (1878 — 1961) Движения за моральное перевооружение. Эта организация внесла заметный вклад в послевоенное строительство Европы и, в частности, в восстановление доверия между вчерашними врагами — Францией и Германией. В наши дни Движение за моральное перевооружение, переименованное в “Инициативы перемен”, продолжает активную миротворческую деятельность. Каждый год оно проводит в швейцарском городе Ко международные форумы, ставшие примером действенности “народной дипломатии”. Встречи и конференции в Ко дают современному аналитику богатый, порой сенсационный материал о том, как идеи взаимного покаяния и примирения, постепенно распространяясь по всему миру, помогают искать и находить выход из ситуаций, кажущихся порой тупиковыми.

Конечно, сами по себе прощение и покаяние не способны решить все стоящие перед человечеством проблемы, принести мир на нашу истерзанную войнами планету, — отмечает один из руководителей ИП английский протестантский публицист Майкл Хендерсон. Однако без взаимного прощения и покаяния невозможно всерьез рассчитывать на установление прочного международного и гражданского мира. Как бы полемизируя с Гюставом Лебоном, Хендерсон заявляет: “Прошрое не обладает абсолютной властью над человеком, его гнет можно преодолеть. Порочный круг нетерпимости должен быть разрублен”.

На протяжении последних лет добровольных миротворцев из ИП можно было встретить в Северной Ирландии и Югославии, на Ближнем Востоке и в Чечне, в Индии и Руанде, в Южной Америке и Австралии. Их заслуга состоит и в том, что нынешнее поколение белых южноафриканцев сделало надлежащие выводы из пе-

чального опыта прошлого. Внук создателя системы апартеида в ЮАР Х.Ф. Фервурда Вильгельм, ныне активист ИП, отверг политику деда, назвав ее "не просто ошибочной, но безнравственной". Он стал членом партии лидера чернокожих южноафриканцев Нельсона Манделы Африканский национальный конгресс, а его жена Мелани была избрана депутатом парламента от той же партии.

Между тем двадцатью годами раньше, в октябре 1985 г., епископ Кейптауна (впоследствии архиепископ и лауреат Нобелевской премии мира) Дезмонд Туту, выступая с трибуны ООН, говорил о том, что кровопролитие в ЮАР почти неизбежно: "Наша страна стоит на пороге катастрофы, и только чудо или вмешательство Запада может предотвратить грядущий Армагеддон". Произошло чудо. Когда судьба гражданского мира в ЮАР еще висела на волоске, состоялась встреча руководителей всех церквей страны, включая Голландскую реформатскую церковь, к которой принадлежит большинство белых жителей ЮАР. Участники встречи приняли декларацию, в которой говорилось: "Исполнившись духа смирения и раскаяния, мы просим прощения у Бога и у всех, кто живет в ЮАР. Мы призываем прихожан наших церквей присоединиться к этому покаянию. Мы призываем правительство Южно-Африканской Республики присоединиться к нам и публично признать свою вину за те беззакония и несправедливости, которые в течение долгих лет творились в нашей стране"³¹. Призыв церквей был услышан.

На протяжении полутора столетий с момента колонизации англичанами Австралии там происходило массовое истребление аборигенов, чьи земли переходили в собственность новых поселенцев. В это же время на далеком континенте широкое распространение получила — и дожила до XX века — практика легализованного

---

³¹ Хенджерсон М. Прощение: Разрывая оковы ненависти. М., 2002. С. 81 — 88.

похищения детей, прежде всего, метисов. Похищенных (якобы по "гуманитарным соображениям") передавали в белые семьи или помещали в специальные приюты. Поездки в Ко бывших жертв похищений позволили раскрыть эту "тайну" перед мировой общественностью.

На вопиющее беззаконие обратил внимание папа Иоанн Павел II. Находясь с визитом в Австралии в 1986 г., он заявил: "В течение долгих лет аборигены были вынуждены покинуть родные места и жить на маленьких клочках земли или в резервациях, где разрушались их семьи и распадались племена, где дети лишались родителей, и людям приходилось вести жизнь изгнанников, попавших на чужбину. Осознание этого вызывает боль у всех христиан доброй воли, причем многие из нас пришли к осознанию этих фактов лишь в самое последнее время".

Вмешательство папы и отклик тех, к чьей совести он взывал, принесло свои плоды. В 1992 г. Верховный суд Австралии признал законными исторические права коренного населения этой страны. По инициативе религиозных и светских общественных организаций был создан Совет по примирению с коренными народами. С мая 1998 г. стал ежегодно проводиться День прощения. В столице штата Южная Австралия Аделаиде был открыт памятник "украденным поколениям". В 2000 г. в прошедших по всей стране "маршах примирения" приняли участие миллион австралийцев. В том же году в Сиднее проходили Олимпийские игры, и зажечь олимпийский огонь было поручено представительнице коренного населения Австралии Кэти Фримэн. А во время церемонии закрытия игр на поле вышли участники популярной рок-группы в майках, на которых было написано: "Sorry!" ("Простите!")³².

Когда участники движения "Инициативы перемен" собрались на свою очередную ежегодную встречу впервые после террористической атаки на Нью-Йорк, эта

---

³² Там же. С. 57 – 77.

тема, естественно, заняла центральное место в развернувшейся дискуссии. Христианский ответ на случившееся дал представитель организации "Межрелигиозная платформа" Эндрю Сталибрасс, англичанин и в прошлом член англиканской церкви, а ныне — протестант-кальвинист.

"Мы живем в настоящей планетарной деревне, где жизнь каждой семьи тесно связана с жизнью ее соседей, — сказал он. — Если бы в этой деревне проживало всего сто человек, 57 из них были бы азиатами, 21 европейцами, 14 американцами — выходцами из обеих частей континента — и 8 африканцами. Среди них оказалось бы 48 мужчин и 52 женщины, 30 белых и 70 человек с другим цветом кожи, 30 христиан и 70 последователей иных религий или неверующих. 6 жителей "деревни", каждый из которых родился на Западе, владели бы 59 процентами ее богатств в то время, как 80 их "односельчан" не имеют средств к существованию, живут в трущобах или под открытым небом, 70 не умеют читать и писать, половина страдает от голода и недоедания".

Э. Сталибрасс процитировал высказывание президента своей экуменической организации пастора Жан-Клода Бассэ: "Жизнь в условиях изоляции или самоизоляции отныне невозможна. В условиях планетарной деревни мы вынуждены, хотим того или не хотим, вступить в контакт с последователями разных религий, с людьми верующими и индифферентными в вопросах веры. И только всем нам вместе под силу решить проблемы, волнующие как отдельные народы или группы населения, так и все человечество в целом".

Форум пришел к выводу о том, что эффективно противостоять терроризму можно только изнутри той среды, в которой он нашел для себя питательную почву.

Террор и богословие. Как видно из представленных выше примеров, терроризм никогда не был связан с какой-то одной религией. Нередко, в том числе и в наше

время, его жертвами оказывались люди, исповедовавшие ту же веру, что и их убийцы, или не исповедовавшие никакой. Достаточно вспомнить о громких политических убийствах президента США Джона Кеннеди (1963), борца за гражданские права чернокожих американцев Мартина Лютера Кинга (1968), египетского президента Анвара Садата (1981) и премьер-министра Израиля Ицхака Рабина (1993). То же самое можно сказать о вылазках боевиков — членов организации баскских националистов ЭТА в Испании.

В третье тысячелетие из предыдущего перешла война в Югославии, которая с самого начала была отмечена актами массового террора со всех сторон. Сперва там православные сербы и католики-хорваты столкнулись в схватке с боснийскими мусульманами, потом начали воевать друг с другом, затем сербы снова вступили в конфронтацию с мусульманами, на этот раз на территории со смешанным населением в Косово. При всем при том, что все религиозные лидеры, чьи единоверцы предали терроризму столь же настойчиво, сколь и безуспешно, пытались остановить эту бойню.

Заведующий сектором этнополитических проблем Института Европы РАН П.Е. Кандель убедительно, на мой взгляд, показал, что ответственность за террор на грани геноцида в Югославии несут прежде всего регулярные армии государственных новообразований и бандформирования, пользовавшиеся закулисной поддержкой режимов, возникших на руинах прежней СФРЮ. Свой вклад в разгул насилия внесло и пораженное вирусом межнациональной вражды "гражданское" (а на самом деле — псевдогражданское и утратившее подлинную религиозность) общество, которое в результате внешне вполне демократических выборов вручило власть в руки ультранационалистов³³.

---

³³ См.: Кандель П.Е. Терроризм на Балканах // Терроризм и политический экстремизм. С. 79 — 87.

В этих условиях военное вмешательство НАТО в югославский конфликт на последней, косовской стадии не могло привести к его урегулированию, которое требовало использования совсем иных методов. Не случайно оно вызвало негативную реакцию как РКЦ, так и большинства протестантских религиозных структур, выступивших за политическое решение возникших проблем. Принимая 29 марта 1999 г. членов руководящих органов Парламентской ассамблеи Совета Европы, Папа Римский Иоанн Павел II заявил, что косовский конфликт "ранит всю Европу" и потребовал, чтобы "замолчали орудия и прекратились акты мести". После чего нужно будет "начать переговоры, которые заставили бы стороны прийти как можно быстрее к соглашению, уважающему национальные и культурные различия, а также основные свободы"³⁴.

Папа немедленно откликнулся на поездку Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Белград 20 апреля, направив ему письмо с выражением надежды, что эта поездка принесет позитивные результаты³⁵. На следующий день Иоанн Павел II принял в Ватикане лауреатов Нобелевской премии мира и на встрече с ними сказал: "Вступая в новое тысячелетие, человечеству необходимо решительно встать на путь мира"³⁶.

По указанию папы в Государственный секретариат Ватикана были вызваны послы стран-членов НАТО. Им было заявлено, что Святой престол настаивает на прекращении натовских бомбардировок Югославии. Государственный секретариат Ватикана, Всемирный совет церквей и Конференция европейских церквей поддержали предложение РПЦ о проведении международной конференции "Европа после косовского кризиса"³⁷. Конференция состоялась 15–16 ноября 1999 г. в

---

³⁴ L'Osservatore romano: (Edizione settimanale). 1999. 2 apr.

³⁵ РИА "Новости". 1999. 21 апр. № О 903011.

³⁶ Там же. 22 апр. № О 903074.

³⁷ Сообщение ОБЦС. 1999. 4 окт.

Осло и завершилась принятием заявления, в котором кризис в Косово был назван "европейской трагедией, имеющей последствия и для международных отношений во всем мире". Этот кризис, указывалось в документе, "еще раз напомнил нам о необходимости понимать Европу как одно органичное целое".

Конференция рекомендовала церквям разработать механизмы совместного обмена и оценки информации о потенциальных конфликтах с религиозными и этническими компонентами и совместного действия для предотвращения эскалации конфликтов. "Религия является элементом многих конфликтов и используется многими политиками, — констатировали авторы заявления. — В свете последних кризисов срочно необходим диалог между церквями, особенно между (христианскими) церквями и мусульманскими общинами"³⁸.

В таком же диалоге, но уже внутреннем, затрагивающем их самих, нуждаются, с одной стороны, христиане как западные, так и восточные, а с другой — мусульмане, принадлежащие к различным течениям ислама. Дело в том, что в священных текстах их религий содержатся, наряду с призывами к миру и добру, постулаты диаметрально противоположного характера. Не случайно в Римско-католической церкви и в церкви Англии отдельные стихи некоторых псалмов в богослужебных книгах отныне печатаются иным шрифтом или взяты в квадратные скобки. А в предисловии к англиканской Литургической псалтири прямо сказано: "Стихи в квадратных скобках (при пении) могут быть пропущены"³⁹. За исправление богослужебных книг высказалась на Архиерейском соборе 1994 г. и Русская Православная церковь⁴⁰.

Что касается ислама, подробный анализ его священных текстов был сделан живущим сейчас в США круп-

---

³⁸ Там же. 19 нояб.

³⁹ The alternative service book. Oxford, 1992. P. 33.

⁴⁰ Балашов, протоиерей Николай. На пути к литургическому возрождению. М., 2000. С. 255 — 256.

ным мусульманским мыслителем Абдуллахи Ахмедом Ан-Наимом — учеником видного общественного деятеля Мохамеда Тахи, казненного в Судане в 1985 г. террористическим режимом Нимейри. Капитальный труд Ан-Наима "На пути к исламской реформации" был переведен на русский язык и опубликован в 1999 г. Музеем и общественным центром имени Андрея Сахарова.

Автор проводит различие между постулатами ислама и положениями шариата, который представляет собой комплекс предписаний, регулирующих поведение мусульман в различных жизненных ситуациях. "Мое, как мусульманина, убеждение, — пишет он, — заключается в том, что публичное право шариата не представляет собой закон ислама, которому современные мусульмане обязаны следовать во исполнение своего религиозного долга"⁴¹.

Шариат прямо противоречит международному праву: в то время как Устав ООН запрещает применение силы в международных отношениях кроме случаев самозащиты, шариат, напротив, дает такое разрешение во имя распространения ислама и поддержания чистоты веры в мусульманском государстве. Шариат узаконивает рабство как один из вариантов обращения с военнопленными (другие варианты — казнь или освобождение с выкупом или без выкупа, в зависимости от воли победителя) (194). Допускает он и дискриминацию по признакам пола и религии, карая отступление от ислама смертной казнью⁴².

Будучи творением мусульманских юристов, разработавших его на протяжении первых трех веков ислама, шариат, хотя и исходит из Корана и Сунны, основных священных источников этой религии, сам по себе не является священным. Проект конструирования ша-

---

⁴¹ *Ан-Наим Абдуллахи Ахмед*. На пути к исламской реформации: Гражданские свободы, права человека и международное право. М., 1999. С. 208.

⁴² Там же. С. 181 — 200.

риата путем человеческой интерпретации протекал в специфическом историческом контексте, разительно отличавшемся от нынешнего. Следовательно, современные мусульмане вполне могут предпринять аналогичный труд толкования Корана и Сунны применительно к настоящим историческим условиям, чтобы выработать альтернативное публичное право ислама, приемлемое сегодня.

Формулируя этот вывод, Ан-Наим деликатно предостерегает иностранных доброжелателей от соблазна "порулить" реформированием ислама, даже если бы такое желание мотивировалось самыми бескорыстными намерениями. "Все народы мира вправе оказать помощь мусульманам в их затруднениях и принять такую же помощь от мусульман, — пишет он. — Следует, однако, отметить, что попытки такой взаимопомощи могут быть успешными только тогда, когда они предпринимаются с должным тактом и благожелательностью"⁴³.

Ислам и христианство в открытом гражданском обществе. Излагаемые прогрессивным мусульманским мыслителем взгляды созвучны настроениям не всех, но достаточно многих иммигрантов, перемещающихся на христианский Запад из стран Азии и Африки после открытия границ вслед за крушением колониальных империй. Попав в условия открытого общества, они быстро приобщаются к новым для них ценностям и, не теряя своей традиционной культурной идентичности, вместе со своими местными единоверцами осваивают вторую, западную.

Как следует из результатов социологического исследования, проведенного Институтом социальной политики и взаимопонимания (Мичиган), мусульмане проявляют все большую заинтересованность в активном участии в политической и общественной жизни Соединенных Штатов. При этом только 8 процентов

---

⁴³ Там же. С. 207 — 208.

респондентов охарактеризовали свои взгляды как ультраконсервативные, остальные же придерживаются весьма либеральных воззрений. Для американских мусульман наиболее важным направлением в политике является защита прав человека, затем по степени значимости следуют проблемы внешней политики и образования⁴⁴.

Государственные власти стран Западной и Центральной Европы, следуя духу и букве международных и европейских конвенций о правах человека, способствуют постепенной, но от этого не менее реальной интеграции иммигрантов в жизнь новых для них сообществ при сохранении связей с культурой предков. Так, Германия по примеру других европейских стран ввела в действие с 1 января 2000 года новый закон, предоставляющий право немецкого гражданства родившимся в этой стране детям иностранцев (ежегодно в ФРГ на свет появляются 100 000 детей, чьи родители не являются гражданами этой страны). Сокращен с 15 до 8 лет и срок проживания в Германии иностранцев, после которого они могут подавать заявку о предоставлении им немецкого гражданства. Самой многочисленной группой иностранцев в ФРГ являются рабочие-иммигранты из Турции (2,1 млн человек)⁴⁵.

Как свидетельствует профессор Тарик Рамадан, арабский ученый, который постоянно проживает в Швейцарии, дети второго и третьего поколения в отличие от их дедов, мечтавших о возвращении на родину, этого не хотят. "Мы здесь живем, — говорят они, — и пусть здесь же растут и воспитываются наши дети"⁴⁶.

Стремление закрепиться на европейском континенте объясняется не только соображениями материального характера, но и политическими причинами. "Мы, — указывает проф. Рамадан, — чувствуем себя в большей

---

⁴⁴ <http://www.Portal-Credo.ru>, 6 апреля 2004.

⁴⁵ Deutschland — Германия. 1999. № 4. С. 8—9.

⁴⁶ Changer. 1999. Mai — juin, N 290. P. 4.

безопасности в Европе, нежели в тех государствах, где наши единоверцы составляют основную часть населения и где на 95 процентов правящие режимы являются диктаторскими. Поэтому мусульмане становятся французами или швейцарцами мусульманского вероисповедания. И снимается как фальшивый вопрос, кто мы прежде всего — французы и швейцарцы или мусульмане".

При этом иммигранты не забыли, что присутствие их предков в Европе датируется не вчерашним днем. «Мусульманская религия, — пишет на страницах одного из европейских изданий главный редактор журнала "Аль-Инсан" Ридха Дрисс, — вполне могла бы рассматриваться как европейская. Она присутствовала здесь на протяжении восьми веков и была распространена в Испании, на юге Италии, во Франции и Португалии. Не говоря уже о том, что до наших дней занимает важное место в Восточной Европе. Так что европейская цивилизация несет на себе и ее следы"»⁴⁷.

Ни протестанты, ни католики не возражали против начавшегося в последние годы широкого строительства в Северной Америке и в Европе мечетей и культурных центров ислама. Одна из самых высоких мечетей на Западе появилась в центре мирового католичества — Риме. Папа Иоанн Павел II в послании по случаю Всемирного дня мира, который ежегодно отмечается католиками 1 января, напомнил о том, что "принадлежность к человеческой семье наделяет каждую человеческую личность своего рода всемирным гражданством, соделывая ее обладательницей прав и обязанностей, поскольку люди связаны общностью происхождения и высшего предназначения"⁴⁸.

И все же государственные структуры большинства стран западной цивилизации заходят в проявлении нейтралитета по отношению к мировоззренческому и ре-

---

⁴⁷ Ibid. 1998. Mai — juin, N 285. P. 9 — 10.

⁴⁸ Послание Иоанна Павла II по случаю Всемирного дня мира 1 января 2005 года. Ватикан, 2005. С. 10.

лигиозному выбору своих граждан дальше, чем это могут позволить себе религиозные объединения. Конституция Европейского Союза, разработанная в 2004 г. в итоге длительной подготовительной работы, напоминает о "культурном, религиозном и гуманистическом наследии" старого континента, не выделяя поименно ни одну из религий.

Христианские церкви всех конфессий выступали за включение в преамбулу этого документа особого упоминания о христианских корнях Европы. Их позиция была официально поддержана Италией, Латвией, Мальтой, Польшей, Португалией, Словакией и Чехией, которые в мае 2004 г., за месяц до итогового обсуждения данного вопроса на сессии Европейского Совета, предприняли последнюю попытку подчеркнуть первенство христианского наследия континента. Попытка эта, однако, оказалась безрезультатной: большинство стран за ними не пошло. Так "отцы" Европейской конституции провели грань между Европой третьего тысячелетия и ее прошлым, увы, далеко не однозначным⁴⁹.

---

⁴⁹ Современная Европа. 2004. № 3. С. 33.

Равиль Гайнутдин,

председатель Совета муфтиев России

ИСЛАМ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА

Понятие "джихад" и "джихад меча" в Исламе

К сожалению, много непонимания и заведомо ложных толкований вызывает в немусульманском обществе термин "джихад". В основе арабского слова "джихад" лежит корень "джухд" (прикладывать усилия или старание). Таким образом, "джихад" означает усилие, целью которого является совершение блага и противостояние злу. Поэтому данное слово имеет достаточно широкое значение и совершенно неправильно относить его лишь к военной тематике.

Слово "джихад" в религиозном смысле переводится с арабского как "усердствование в вопросах исполнения воли Бога", "старание", "напряжение усилий". Отсюда "моджахед" — это тот, кто прикладывает усилия для исполнения предписаний Всевышнего. "Джихад руки" — это действия, направленные на воспрепятствование правонарушений, "джихад сердца" — борьба с собственными греховными устремлениями, "джихад языка" — "повеление благого и запрещение дурного", высказывания в защиту справедливости, "джихад пера" — религиозная проповедь, защита религии от нападок и т.д. В этом смысле "джихад" является личным делом и религиозным долгом верующего в рамках прав, которые обеспечиваются государственными законами.

«Поистине, Аллах не любит вероломного и неблагодарного.

Разрешена борьба тем, кто подвергается нападению, потому что им была причинена несправедливость. Поистине Аллах имеет власть помочь победить всем тем, кто несправедливо был изгнан из жилищ только потому, что говорил: "Господь наш Аллах!"» (Коран, 22: 39 – 40).

Только в случае нападения извне, агрессии и возникшей отсюда необходимости ведения оборонительной войны "джихад" можно трактовать как "джихад меча", т.е. как "священную войну" для защиты религиозных прав своего Отечества, родных и близких, своего имущества.

*"И кто запреты против вас преступит,
Вы преступайте их против него,
Как преступил он против вас" (Коран, 2: 194).*

Ложной и противоречащей Корану и Сунне Пророка (мир с ним и благословение Аллаха) является трактовка "джихада" отдельными экстремистскими псевдоисламскими группами, а также рядом СМИ, как "война с неверными", ибо война для обращения в свою веру, равно как и захват чужого, считается в исламе вообще недопустимой! При ведении законной войны категорически запрещается использовать боевые действия для наживы, грабежа, захвата пленников или заложников из числа невоюющих людей.

В исламе право объявления и ведения "священной войны" от имени государства, т.е. войны в целях отражения агрессии и защиты свободы вероисповедания, принадлежит только самому государству! Отдельные лица, общественные и религиозные общины таким правом не обладают. Яркими примерами "джихада меча", "священной войны", для российских мусульман являются Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. 22 июня 1941 года, муфтии согласно с руководством страны и ситуацией, объявили военный джихад агрессору.

Правомерно ли деление земли только на "территорию войны" и территорию мира ("дар-уль-харб" и "дар-уль-салям")?

В ранних книгах фикха часто встречается деление правоведами (фукаха) земли на "дар-уль-харб" и "дар-уль-салям", а также положения о том, что именно война защищает мусульман от немусульман, в силу чего она представляется необходимой. Соответствуют ли эти положения современности или они являются только результатом иджтихада своего конкретного времени и места?

Подобное черно-белое разделение не является фундаментальным в исламе и принадлежит истории. Отношения мусульман с немусульманами не строятся и никогда не строились только лишь на войне. Война в исламе была предписана только для отражения агрессии или для устранения препятствий с пути призыва к религии Аллаха. Если исповедание ислама свободно, то для "джихада" нет оснований.

Председатель Европейского Совета по фетвам, один из самых авторитетных современных мусульманских ученых, шейх Юсуф Аль-Карадави вынес по этому поводу фетву следующего содержания: Для осуществления принципа облегчения необходимо признавать изменения, перемены, которые наступают в обществе, независимо от того, являются ли их причиной моральная деградация века, согласно терминологии правоведов, или эволюция общества, или возникновение крайних обстоятельств.

Отсюда правоведы шариата и допускают изменение фетвы в зависимости от изменений времени, места, традиций, условий, ссылаясь при этом на путь сподвижников и практику "праведных" халифов, которой мы, согласно повелению пророка (мир с ним и благословение Аллаха), должны руководствоваться и не отступать от нее ни на йоту, "держась за нее зубами". Более того, на это указывает и благородный Коран, и Сунна Пророка.

В наши дни это обязывает нас пересмотреть суждения, мнения и точки зрения предшествующих веков. Возможно, что они соответствовали своему времени и своим условиям. Но теперь они не отвечают современности с ее гигантскими переменами, которые не приходили и на ум нашим предшественникам. Сегодня подобные мнения приносят вред исламу и мусульманам, искажают истинное лицо исламского призыва.

Сюда относится деление мира на "дар-уль-харб" и "дар-уль-салям", осознание войны как основы отношений мусульман с немусульманами, признание наступательного "джихада" коллективной обязанностью уммы ("фард кифайя") и т.п. В действительности эти мнения не соответствуют нашему времени. Однозначные положения Корана и Сунны их не подтверждают. Более того, они опровергают их.

Ислам ратует за взаимопознание всего человечества:

"Мы создали вас народами и племенами, чтобы вы познавали друг друга" (Коран, 49: 13).

Ислам расценивает прекращение войны как милость, благо. Так Коран дает оценку окончанию битвы Хандак:

"Аллах заставил неверных повернуть назад вместе с их злобой, и не добились они успеха. И избавил Аллах верующих от сражения" (33: 25).

Ислам расценивает Худейбийское перемирие как победу, которой он одарил Своего посланника, и ниспосылает по поводу этого суру "Победа":

"Воистину, даровали Мы тебе победу явную" (48: 1).

В этой же суре Всевышний напоминает пророку и верующим о том, что Он не дал столкнуться в битве мусульманам и многобожникам:

"Он — Тот, Который удержал руки их от вас и ваши руки — от них в долине Мекки, после того как дал вам победу над ними. Аллах видит то, что вы делаете!" (48: 24).

Сам Пророк питал отвращение к слову "война" ("харб"). Он говорил: "Лучшие имена — Хаммам (доблестный) и Харрис (земледелец), самые отвратительные имена — Харб (война) и Мурра (горечь)".

В древние века правители препятствовали распространению ислама среди своих народов. Поэтому Пророк отправил к ним послания, в которых он призывал их к исламу, и возлагал на них ответственность за заблуждение своих народов, которым они перекрывали доступ услышать какой-либо голос извне, опасаясь, что осознание собственного достоинства выведет их из спячки, и они поднимут мятеж против тиранов — незаконных узурпаторов власти. По этой причине правители либо убивали исламских проповедников, либо начинали вести войну против мусульман, либо подготавливали большие силы, чтобы уничтожить мусульман в их же собственных домах. Тогда, в условиях войн, и родилось столь жесткое разделение.

Что касается сегодняшнего дня, то уже не существуют преград для исповедания ислама. Особенно в открытых странах, которые приемлют плюрализм. Мусульмане имеют возможность распространить свой призыв через печатные, аудиовизуальные средства информации. Через теле- и радиотрансляции они могут вещать на весь мир на разных языках и разговаривать с каждым народом на его родном языке, разъясняя ему учение ислама. Однако в реальности мусульмане здесь проявляют полную халатность и несут ответственность пред Аллахом за незнание ислама народами Земли.

К сожалению, находятся и такие (правда, их очень немного), которые считают, что собственную неспособность к проповеди, свою халатность нужно компенсировать физическим принуждением к вере всех несогласных. Такой подход полностью противоречит Корану и Сунне.

Истинное и ложное толкование аятов Корана о войне с "неверными"

Однако среди мусульман, как и среди представителей других религий и мировоззрений, были и есть свои радикалы — сторонники насилия там, где оно запрещено: в вопросах вероисповедания, отношения с людьми другой веры, вообще в политике. Самое печальное, что эти люди действуют и выступают от имени ислама и пытаются оправдать и обосновать свои преступления и агрессию ссылками на священный Коран, т.е. на волю Бога. Как правило, идеологи этих экстремистов ссылаются на 9-ю суру священного Корана "ат-Тауба" ("Покаяние"), где (в русском переводе) говорится:

"Отречение Господа и Посланника Его — от тех многобожников, с кем вы заключили союз.

Странствуйте же по земле четыре месяца и знайте, что вы не ослабите Всевышнего и что Он опозорит безбожников.

И призыв от Господа и Посланника Его к людям в день великого паломничества о том, что Господь отрекается от многобожников, и Посланник Его.

И если покаетесь вы, то это — наилучшее для вас.

Если же отвратитесь [от Него], то знайте, что вы не ослабите Господа.

"Обрадуй" же тех, которые не уверовали, мучительным наказанием, кроме тех многобожников, с которыми вы заключили союз, а потом они ни в чем пред вами его не нарушили

и никому не помогали против вас.

Доведите же до конца договор с ними.

Поистине, Всевышний любит богобоязненных.

И когда закончатся запретные месяцы,

то убивайте многобожников [нарушивших договор], где их найдете,

захватывайте их, осаждайте и ведите против них разведывательные маневры.

*И если покаются они, начнут совершать молитву и давать [милостыню] очищения — закят, то освободите им дорогу.
Ведь Господь — Прощающий, Милостивый"*
(Коран, 9: 1 — 5).

Для человека, впервые читающего этот текст, причем в отрыве от остальных мест Корана, где говорится на эту же тему, и не будучи знаком с обстоятельствами ниспослания этой суры, на первый взгляд может показаться, что здесь действительно идет речь о призыве убивать "многобожников", немусульман. Однако это глубоко ошибочное впечатление!

Правильное толкование Корана могут дать только ученые, знающие и контекст, и историю ниспослания суры. А они таковы: в 631 г. н. э. враги мусульманского государства — это были язычники — нарушили, причем не в первый раз, заключенный с ними мирный договор, совершив агрессию. Тогда пророк Мухаммад через своего ближайшего сподвижника хазрата Али объявил агрессорам, что он вынужден денонсировать фактически уже не действующий мирный договор, дав агрессорам срок четыре месяца для исправления ситуации.

Причем слова о необходимости покаяния и обращения в отношении язычников не означают ни в коем случае насилия в вопросах веры, это лишь один из возможных путей возвращения врагов в рамки мирного договора: если они станут мусульманами, то, разумеется, перестанут быть врагами и прекратят совершать агрессию. Но смысл всей описанной ситуации в том, что люди, связанные мирным договором, должны либо вернуться к его соблюдению (придя к истине или же оставаясь многобожниками), либо пожать плоды ответных военных действий.

Чтобы не ошибиться в толковании этих аятов, необходимо, как уже мы писали ранее, рассматривать их в общем контексте Корана, в едином смысловом поле с другими аятами на эту тему, а также иметь в виду и об-

стоятельства их ниспослания, ибо эти обстоятельства иногда имеют частное значение и не могут поэтому распространяться на все случаи жизни.

Вот почему нужно рассматривать аят об обращении идолопоклонников, с которыми воюют мусульмане, в связи с основными заповедями Корана. Одна из них — *"нет принуждения в религии"* (2: 256) — однозначно говорит, что запрещается всякая попытка насильственного обращения; это исключает требования к побежденному противнику принять ислам. Кроме того, говорится:

"Призывай к пути Господа своего с мудростью и хорошим увещеванием.

И спорь с ними [с безбожниками и многобожниками] с помощью наилучших доводов" (Коран, 16: 125).

Разве здесь допускается возможность принуждения к вере? Затем достохвальный Коран провозглашает:

"И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте — поистине, Аллах не любит, преступающих!"
(Коран, 2: 190).

Подобная заповедь дана и в суре 4:91. Военные действия разрешаются только в виде обороны и должны быть прекращены, если противник отказывается от агрессии:

"Когда же враг ваш прекратит борьбу, оружие сложите и гоните тех, кто продолжает сеять смуту" (Коран, 2: 193).

Таким образом, **переход противника в ислам** (здесь: "если же они с покаянием обратятся...") **есть лишь один из поводов для прекращения враждебности, но не единственный**, а ссылка на него в этом аяте и в аяте 11 не означает альтернативы: "обращение или смерть", как считают злобствующие критики ислама и, возможно, единомыслящие с ними отдельные безграмотные экстремисты.

В случае если и в эти 4 дополнительных месяца враги не откажутся от своих агрессивных притязаний, им объявлялась полномасштабная война.

Приведем аналогию из не столь давней истории. Незадолго до Второй мировой войны между Германией и Советским Союзом было подписано соглашение о мире и ненападении. Германия данный договор нарушила, была совершена агрессия, и Советский Союз был вынужден вступить в войну. Можно ли осуждать Советский Союз за предпринятые им действия по отражению нападения и уничтожению врагов? Нет, так как враги нарушили все законы и начали убивать и захватывать людей, пытаясь уничтожить или поработить всех.

Схожая ситуация описана и в священном Коране. Однако при этом оговаривается множество гуманных условий, позволяющих заблудившимся людям исправиться и хотя бы быть верным своему слову. Но если враг идет убить тебя и твою семью, то у тебя есть все права уничтожить его. Тем не менее, ислам даже в этом случае требует от верующих вести войну самым гуманным способом:

Абу-Бакр, первый халиф (заместитель) Пророка (мир с ним и благословение Аллаха), напутствовал армию, возглавляемую Кутейбой, такими словами:

"Не издевайтесь и не уродуйте тел ваших врагов после того, как вы уже убили их. Не убивайте детей и стариков, которые не могут сражаться. Не трогайте женщин, не уничтожайте посевов, не поджигайте домов, не рубите плодовых деревьев. Забивайте животных ровно столько, сколько необходимо для вашего пропитания. На своем пути вы можете встретить людей, которые посвятили жизнь своему служению в монастырях и церквях. Оставьте их и пусть они занимаются тем, ради чего они отреклись от мира".

Заметим, что это было за 12 веков до Женевской конвенции на эту тему!

Общепринятое толкование Корана

Предложенное мной толкование 9-ой суры "ат-Тауба" не является каким-то нововведением для мусульманского сообщества, с которым отдельные радикалы могут быть не знакомы. Нет — таково понимание Корана подавляющим большинством верующих на протяжении всей истории ислама! Вот как звучит официальный краткий тафсир (комментарий) выдающихся ученых ислама к началу этой суры (Коран, 9: 1 — 13):

"1. Аллах и Его посланник отвращаются от тех многобожников, с которыми вы заключили договор и которые нарушили его.

2. И ходите, о многобожники, спокойно по земле, куда хотите, четыре месяца, и знайте, где бы вы ни были, вы находитесь под властью Аллаха, и вы не избежите Его наказания, и Он покроет нечестивых позором!

3. В день Великого хаджа Аллах и Его посланник возглашают людям о том, что Аллах и Его посланник отрекаются от лживых многобожников, нарушающих договоры. А если же вы, неверные, раскаетесь, тогда для вас это будет лучше в ближней и последующей жизни. А если же вы отвратитесь от Аллаха и останетесь в своём заблуждении, тогда знайте, что вы находитесь во власти Аллаха. О, пророк! Предупреждай всех неверных о тяжёлой мучительной каре!

4. А с теми неверующими, с которыми вы заключили договор, и они не нарушали его и никому не помогали против вас, надо завершить договор до конца и соблюдать его. Поистине, Аллах любит богобоязненных, которые не нарушают свои договоры!

5. А когда срок безопасности — запретные четыре месяца — пройдёт, тогда везде убивайте неверных многобожников, нарушающих договор, захватывайте их в плен, окружайте их, преграждайте им путь и ставьте им везде засады. Если же они раскаются, отвратятся от многобожия и неверия и последуют за назиданиями и законами ислама, будут соблюдать молитву (салат) и да-

вать очистительную милостыню (закят), тогда не трогайте их, ибо они уверовали в религию Аллаха. Аллах прощает грехи раскаявшимся, и Он милосерден к Своим рабам!

6. Если же (о Мухаммад!) кто-нибудь из многобожников, против которого верующим приказано сражаться, попросит у тебя надёжного убежища, чтобы услышать твой призыв, то огради его от опасности и дай ему приют и возможность услышать слово Аллаха. Если он уверует в ислам, то станет одним из вас — верующих, а если он не уверует, то доведи его до безопасного места. Этот наказ дан для того, чтобы тот, кто ничего не знал об исламе и, желая узнать, услышал слово Божье.

7. Как эти многобожники, которые часто нарушали свои договоры, могут иметь почётный договор с Аллахом и Его посланником? Не верьте, что они обратились к Аллаху, за исключением тех арабских племён, с которыми вы, о верующие, заключили договор, и они не нарушали его. Соблюдайте же тогда договор с ними! Аллах любит повинующихся Ему, соблюдающих свои договоры!

8. Как же вы можете заключать договоры с теми, которые, если одержат верх над вами, не пощадят сил, чтобы уничтожить вас, не признавая ни родственных отношений, ни заключённых договоров? Они обманывают вас своими ласковыми словами, прикрывая ими ненависть к вам в своих сердцах. Большинство их — нечестивцы, нарушающие свои договоры.

9. Они же отрицали знамения Аллаха и продали их за мизерную цену — блага земного мира, и запретили людям следовать религии Аллаха. Скверно то, что они делают!

10. Они не чтут ни родственных связей с верующими, ни договорных обязательств с ними. Они преступники по своей природе, и агрессивность — неотъемлемая черта их характера.

11. Если же они отвратятся от неверия, обратятся к Аллаху с покаянием и будут следовать учению ислама,

соблюдать молитву, давать очистительную милостыню (закят), тогда они — ваши братья по религии. Они будут иметь такие же права, как и вы, и должны будут выполнить такие же обязательства, как и вы. Аллах разъясняет Свои знамения людям, которые воспринимают знания и умеют извлекать из них пользу.

12. Если же они, после заключения договора, нарушат свои клятвы, тогда вступайте в сражение с вождями заблудившихся и их последователями: они же нарушают свои клятвы. Может быть, они отступятся от неверия!

13. Неужели вы, о верующие, не будете сражаться против неверных, часто нарушающих свои клятвы и договоры? Ведь до этого они задумали изгнать пророка из Мекки и убить его. Они же первые начали совершать злодеяния против вас. Неужели вы их боитесь? Не бойтесь их! Аллах единственный, Кто достоин, чтобы Его боялись, если вы искренне уверовали в Него¹.

В любом обществе предатель зачастую заслуживает смертной казни, тем более, если предательство происходит в условиях военного времени. Однако ислам есть всеобъемлющее учение Господа, Который справедлив в наказании и милостив к кающимся. Заметьте, насколько велико проявление милости Его в вышеописанной ситуации: многобожникам, воевавшим с мусульманами, затем заключившим мирный договор и после нарушившим его в одностороннем порядке, дается четыре месяца свободного передвижения как на своих территориях, так и на территориях мусульман! То есть, после столь пагубного шага, торговцы и путники из числа язычников могли быть абсолютно спокойны за свою жизнь в течение четырех месяцев (данный комментарий ат-Табари и другие авторитетные толкователи священного Корана)!

---

¹ Аль-Мунтахаб, фи Тафсир аль Куран аль Карим. Толкование священного Корана на арабском и русском языках: Пер. с араб. яз. Каир; Аль-Азхар: Министерство по делам вакуфов. Высший совет по делам ислама АРЕ, 2000. С. 350 — 352.

Пощада могла быть только в случае покаяния и уверования в Господа Единого и подтверждения веры фактическими действиями — совершением обязательной молитвы и выплатой налога в пользу неимущих — закята.

Из общего смысла приведенных аятов видно, что призыв к вооруженным действиям относится не ко всем многобожникам и, тем самым, не имеет всеобщего характера. Речь идет только о тех из многобожников, которые вероломно нарушили договор и угрожали сподвижникам Пророка. То есть, имеется в виду не вся группа людей, которую мы отличаем от себя по признаку веры — о многобожниках, а лишь о тех, которые, вероломно нарушив договор, хотят убить мусульман только за то, что они мусульмане. Тем самым речь идет об отражении агрессии, о самообороне от тех, кто совершил предательство на поле боя и хочет ударить тебя в спину. В таком же смысле можно говорить и о самообороне от лиц, формально принадлежащих к мусульманам, если они станут на такой же преступный путь вероломства и агрессии против своих собратьев.

В дополнение к сказанному необходимо напомнить, что в суре "аль-Мумтахана" говорится:

*"Аллах, быть может, между вами
и теми, кто сейчас враждует против вас,
любовь и дружбу утверждает —
Аллах поистине всесилен,
Он милостив и всепрощающ!"* (Коран, 60: 7 — 8).

Наконец, следует обратить особое внимание на шестой аят суры 9 "ат-Тауба":

*"А если кто-нибудь из многобожников
убежища просит у тебя,
то дай ему приют,
чтоб он имел возможность в нем
услышать слово Божье.
Потом сопроводи его в то место,
Что будет безопасным для него.
Так должно быть — они ведь те,
Кто никаких познаний не имеет"*.

Тем иноверцам, кто не испытывает по отношению к мусульманам ненависти или вражды, мусульмане гарантируют безопасность на своих территориях. Аллах повелевает Своему посланнику приютить их в своем жилище, чтобы они могли слышать в нем слово истины. После этого мусульманам повелевается сопровождать этих многобожников или безбожников в безопасное для них место. Таким образом, мусульмане берут на себя ответственность за безопасность многобожников и обеспечивают им безопасное передвижение по своей территории! Такова воля Самого Аллаха в священном Коране.

Из истории мы знаем много империй и государств, где под разными предлогами репрессировали и уничтожали инакомыслящих. В священном Коране, в Сунне, в исламском учении нет места таким методам. Например, в эпоху становления исламского халифата, центром которого при жизни пророка Мухаммада была сначала Медина, затем Мекка, рядом с мусульманами жили и христиане, и иудеи, и язычники. Ни один из них не был притесняем. Если в каком-либо из краев халифата был замечен случай привилегированного отношения к мусульманину и ущемления прав немусульманина, то, как только данная весть доходила до халифа, правитель этого края сразу лишался должности. Во время присоединения к халифату новых территорий, на которых жили представители других религий, мусульмане не уничтожали храмы, а строили рядом с ними мечети, дабы дать людям возможность религиозного выбора. Позже, в период Кордовского халифата, именно в мусульманской Испании находили приют и безопасное убежище преследуемые в Европе евреи. И иудеи, и христиане имели собственные суверенные суды для разрешения конфликтов внутри своих общин.

Что касается случаев, являющихся исключением из этих правил и нарушением закона, то это имело место как результат грехов и ошибок во все времена, среди всех народов и представителей различных религий. Но

грех — это не проявление, а нарушение закона, и это принципиальный момент!

Таким образом, экстремизм и терроризм не имеют никакой опоры в священном Коране. Лица, пытающиеся оправдать свои преступления ссылаясь на Коран и Сунну, только отягчают свой и без того тяжкий грех, приписывая Всевышнему свои личные пороки и ложные взгляды. Таковые люди отвергают милость Всевышнего и подлежат суду как преступившие и закон Аллаха, и обязательства перед другими людьми, в том числе и оформленные в качестве государственного закона.

Мусульманин, занимающийся политической деятельностью, обязан внимательно изучать религиозный, философский, политический и иные аспекты исламского вероучения, ибо только недостаточные религиозные знания могут породить экстремизм на религиозной почве, который является враждебным прежде всего по отношению к самому исламу. Мусульманин должен соизмерять свои знания и опыт с той величайшей ответственностью, которую он берет на себя перед Аллахом, выступая от имени ислама и мусульман.

Отношение российских мусульман к экстремизму и терроризму

Российская умма неоднократно и категорически осуждала экстремизм и террористические акты. Российские мусульмане не разделяют попыток некоторых журналистов и политических деятелей связывать действия экстремистов с исламским вероучением, что является клеветой на ислам.

Слова о том, что преступник не имеет ни религии, ни национальности², вполне соответствуют Сунне пророка Мухаммада (мир с ним и благословение Аллаха), кото-

---

² Слова главы российского государства во время нападения боевиков на Дагестан в 1999 г.

рый сказал: **“Перестает быть мусульманином совершающий убийство...”**. Только в случае полного раскаяния, возмещения убытков пострадавшей стороне и раздачи милостыни человек может вернуться в ислам.

На организаторов и исполнителей террористических актов в полной мере распространяется и кара Всевышнего, и все законные необходимые меры, применимые к государственным преступникам.

В связи с обсуждением в обществе темы “религиозного экстремизма”, “религиозного фундаментализма”, так называемого “ваххабизма” и т.п., а также проблемы противозаконной деятельности сект и организаций, именующих себя “мусульманскими”, Совет муфтиев России принял 30 июня 2000 г. “Заявление о недопустимости использования мусульманской символики в нерелигиозных целях”, в котором, в частности, говорится:

«Ислам — это мир людей с Творцом и друг с другом. Использование символики и отдельно взятых изречений ислама в корыстных, а тем более преступных целях является кощунством и великим грехом перед Аллахом. Совет муфтиев России осуждает все виды экстремизма и терроризма, в том числе и в форме так называемого “ваххабизма”, которые содержат в себе следующие признаки:

1) отрицание основополагающих традиций ислама, т.е. четырех исторически сложившихся мазхабов или шиизма;

2) учение о собственной исключительности вплоть до наделения себя самих правом объявлять “немусульманами” традиционных верующих, не согласных с такой трактовкой шариата, в том числе последователей любого из четырех суннитских мазхабов или шиизма;

3) наделения себя правом по собственному усмотрению ущемлять в правах или убивать вне рамок необходимой самообороны “неверных”, в том числе и традиционных мусульман, не примкнувших к данной организации...».

Многочисленные заявления и призывы Совета муфтиев России принимались и впоследствии — и по поводу 11 сентября 2001 года, и в связи с событиями на Дубровке в Москве в 2002 году, и по поводу недавних событий в Беслане.

Террор — противозаконная борьба с политическим противником путем запугивания, насилия, жестокости, убийства, в том числе и не вовлеченных в эту борьбу граждан.

Террористы все чаще эксплуатируют религиозный фактор. Прикрытие религией политических устремлений и насилия практикуется издревле. Во всех религиях возникали сектантские и опасные экстремистские группировки, в то время как закон Всевышнего призывает верующих к миру и устанавливает согласие между людьми и народами.

Многие называют терроризм нашим главным врагом. А ведь терроризм — это не субъект нападения, это — метод. Примечательно, что даже такой “друг” России, как Збигнев Бжезинский, в апреле 2004 года сказал: **“Терроризм — это не враг, это средство достижения цели. Если вы хотите быть эффективными в своей борьбе, вы должны понять, кто такие террористы и откуда они появляются”**.

Хотя многие средства массовой информации обвиняют в экстремизме и терроризме мусульман, на самом деле именно мусульмане более всего были и остаются жертвами терроризма. От этого страшного явления страдают мирные мусульмане во многих арабских странах, первыми приняли удар международных террористов на территории России в 1999 году мусульмане Дагестана.

В священном Коране убийство невинного человека, по пагубности и степени греховности, приравнивается к убийству всего человечества:

“Кто убьет душу не за душу и не за преступление, тот подобен убийце всего человечества” (Коран, 5: 32).

О важности мирного сосуществования и опасности разжигания вражды и ненависти в Писании сказано:

“Если бы Господь не защищал одних другими, то были бы разрушены монастыри, церкви, синагоги и мечети, где часто упоминается имя Господа” (Коран, 22: 40).

То есть, если бы Господь не заложил как закон в сотворенном им мире противодействие злу, то зло победило бы. Однако Аллах сохраняет храмы всех религий, где поминают какое-либо из имен Всевышнего.

Посланник Аллаха сказал: “Истинно верующий [му'мин, уверовавший в Господа сердцем] — тот, с кем люди чувствуют себя спокойно и безопасно”.

В мусульманском богословии говорится об основах справедливости в исламе: “Если где-то скрываются десять преступников, заслуживающих смертной казни, и с ними один невинный человек, то подвергать опасности жизнь этого невинного является преступлением”. Если сегодня человечество отошло от этих гуманных принципов, то это не значит, что они должны быть забыты и не подлежат возрождению.

Террорист не может быть мусульманином, а мусульманин не может быть террористом. Всевышний Аллах говорит:

“Воистину, верующие — братья, так устройте мир между вашими братьями! Будьте богобоязненными, и да будете вы помилованными!” (Коран, 49: 10).

Причины возникновения в современном мире экстремизма и терроризма под символикой ислама

Сегодня много говорят о причинах возникновения в современном мире экстремизма и терроризма, прикрывающегося священными символами ислама. Мы уже

рассмотрели теоретический, богословский аспект и пришли к однозначному выводу, что никаких объективных оснований для выведения из норм священного Корана и Сунны Пророка экстремистских действий нет. Терроризм вообще противен самой природе ислама и основополагающим законам Аллаха.

Однако все же во многих странах, включая и те, где традиционно исповедуется ислам, действуют организации, преследующие свои политические, а иногда и религиозно-фанатические цели и использующие любые, даже самые богопротивные средства для достижения этих задач. Хотя даже самая высокая цель не может быть достигнута путем, противоречащим основным законам бытия, установленным Создателем вселенной: лозунг "цель оправдывает средства" — принадлежит не мусульманам.

В чем же все-таки причины того явления, что именно в исламской среде, призванной быть образцом дружелюбия и мира, как и в окружающем мире, появляются преступники и преступные организации, прибегающие к террористическим методам? Почему громкие теракты в мировом масштабе сегодня прикрываются именно исламскими лозунгами?

Таких причин несколько и нужно рассматривать их в совокупности. Одной или нескольких из них может быть недостаточно для возникновения феномена современного международного терроризма с мусульманским "прикрытием". Попробуем их установить:

1. Причина "военно-историческая"

Многие мусульманские страны находились под гнетом европейских колонизаторов и освободились всего полвека назад. Экономическая зависимость от Запада у некоторых из них остается и по сей день. Народы этих стран вели тяжелую и кровопролитную борьбу за свою независимость. В период национально-освободительной борьбы арабских стран против стран-колониали-

стов были принесены огромные жертвы. Запал вооруженного противостояния враждебному Западу сохранился и после обретения независимости, так как последствия колониализма еще не преодолены и оказывают серьезное влияние, особенно на неблагополучные слои населения.

2. Причина "социально-экономическая"

В качестве последствий колониализма сохраняется, а кое-где и увеличивается отставание от бывших колонизаторов в экономической, социальной и гуманитарной сферах. Это обстоятельство приводит к росту социальной зависти и ненависти в широких слоях малообеспеченного населения в отношении бывших колонизаторов-иноверцев, желание "отомстить" или даже "вернуть награбленное". Страны богатой Европы, уйдя из колоний, не позаботились об их будущем, и сегодня получают ответную реакцию.

3. "Идейно-богословская" причина

Колонизаторы в период своего правления в мусульманских странах прибегали к услугам местных политиков и имамов, используя их в качестве марионеток. Те, в свою очередь, для легитимизации колониальной власти пытались подвести под необходимость "смирения" с властями богословское обоснование. Поэтому борцы за независимость искали религиозную и идеологическую аргументацию своим идеям в "салафизме" — движении за "очищение" ислама от средневекового раболепия перед правителями-монархами (беда мусульман стали трактоваться как наказание за отступление от "чистого ислама").

Тем самым, салафизм для многих активистов из народа стал идейной антитезой "идолопоклонству" — коллаборационизму с колонизаторами-иноверцами. После победы революций в ряде мусульманских стран позитивное отношение к салафизму в его политической интер-

претации закрепились в сознании определенных слоев общества и стало идейным базисом уже для всякой борьбы за социальную справедливость и "лучшую жизнь".

4. Причина "психологическая"

Много веков мусульмане жили под началом халифа в составе своего рода общемусульманской империи — халифата. Халифат на протяжении истории претерпел существенные изменения и в последние века уже сильно отличался от того государства, что было у мусульман в VII веке н. э. Тем не менее, даже формальное пребывание в составе государства под названием "халифат" было привычным и естественным для поколений целого ряда мусульманских народов.

После крушения Османской империи и официального упразднения халифата самим халифом, а затем колониального господства европейцев над огромной частью бывшей империи, сформировался естественный в таких случаях комплекс "подавленного самолюбия". Это характерно для всех великих наций, подвергшихся унижительному поражению, государственному распаду и колониальной зависимости, например, для народа Германии после поражений в обеих мировых войнах. Но если после "Версальского договора" политическое развитие Германии пошло по деструктивному пути, когда правительство стало само усиливать желание масс "отомстить" и "вернуть", то после 1945 года с помощью традиционной религии комплекс "подавленного самолюбия" был обращен в конструктивное русло — мирный созидательный труд и строгое следование принципу социальной справедливости позволили этой стране снова стать великой державой.

5. Причина "геополитическая"

Быстрый и во многом неожиданный распад СССР, бывшего идейным, финансовым, политическим и военным центром коммунистической идеологии, с одной

стороны, крах самой коммунистической материалистической идеологии, с другой, и сохранение во всем мире тех недостатков буржуазного общества, с которыми (хотя бы на словах) боролись коммунисты, с третьей стороны, привели к тому, что идейная ниша всемирной политической борьбы за социальную справедливость опустела.

В силу вышеуказанных причин ряд активистов в мусульманских странах (во многом симпатизировавших СССР — по крайней мере, до его вторжения в Афганистан) стал искать в вырванных из контекста общих норм поведения верующих исламских понятиях всемирного братства и социальной справедливости новую глобальную "левую" идеологию силовой борьбы за социальную справедливость во всем мире.

6. "Религиозно-политическая" причина

После образования государства Израиль, захвата им земель, принадлежавших палестинским арабам, фактического бойкота Израилем процесса образования арабского государства в Палестине арабо-израильское противостояние приобрело всемирный характер. Идея мусульманской солидарности стала проявляться повсеместно, подогреваемая угрозами иудейских фундаменталистов и сионистов разрушить третью святыню ислама — мечеть Аль-Акса. Ситуация усугубилась актами массового истребления палестинских женщин и детей в Деир Ясине в 1948 г., в Сабре и Шатиле в 1982 г. Около 3 миллионов палестинцев проживает сегодня в изгнании — в основном в арабских странах, — что также влияет на общественное мнение этих стран.

Перед лицом мусульманской солидарности радикальные круги сионистской направленности объявили "врагом человечества" саму религию ислама, в которой якобы кроются корни экстремизма и терроризма. Эта установка нашла свое отражение во многих мировых и российских СМИ, накаляя противостояние.

7. "Духовная" причина

После падения Багдадского халифата уровень богословских знаний в исламском мире резко понизился. Многие ученые посвятили себя не свободному занятию наукой, не непредвзятому толкованию Корана и Сунны, а подгонкой толкований под интересы правителей-монархов. В народных массах в этот застойный период стали господствовать суеверия, заимствованные из язычества.

Реакцией на суеверия стало появления "салафизма" в его примитивной редакции, отвергавшей не только языческие обычаи, но и все богатство исламской мысли прошлых веков (радикальной ветвью такого "салафизма" стал так называемый "ваххабизм"). Как следствие, появилось восприятие религии исключительно через призму обязательных внешних обрядов, порождающее религиозный "фундаментализм" в его самой примитивной, агрессивной "черно-белой" форме.

Только в конце XIX века, в период кризиса Османской империи, появились ученые, поставившие задачи возрождения истинного иджтихада и освобождения от монархической идеологии, выдававшей за традиционные исламские богословие и политическую философию. Однако "ножницы" между элитой и народными массами стали настолько велики, что современные богословы рискуют оказаться для них "еретиками", если не будут следовать сложившимся в этих кругах стереотипам.

Таким образом, в результате длительного застоя свободной научной мысли к XX веку стал очевиден дефицит серьезных ученых-богословов (улемов), которые не зависели бы в своих толкованиях Корана ни от правителей-диктаторов, ни от стихийных эмоций агрессивно настроенной "улицы". В результате сегодня во многих странах мусульманского мира, к сожалению, приходится видеть отсутствие духовного руководства малообразованными массами и сталкиваться с толкованиями ме-

стными учеными отдельно взятых, вырванных из контекста, положений шариата в угоду фанатикам и демагогам. Власть в таких странах, не имея идейной основы, опирается исключительно на военную силу.

8. "Общекультурная" причина

По указанным выше причинам в мусульманских странах отмечается низкий уровень и общей культуры, и образования, наблюдается сильное отставание от развитых стран в количестве ученых степеней и званий. Бывший премьер-министр Малайзии Мохатхир Мохаммад отмечал, что во всех мусульманских странах вместе взятых защищается в три раза меньше научных диссертаций, чем в одной только Англии.

Недостаток общей культуры, включая политическую, способствует неверной оценке происходящих в мире событий, приводит к чрезмерным эмоциям вместо расчета и в конечном счете — к ошибкам и поражениям.

9. "Внешнеполитическая" причина

Вышеуказанные недостатки активно используются спецслужбами некоторых стран. Имеет место финансовая поддержка и использование в целях своих государств "агентов влияния" среди фанатиков и экстремистов в этно-мусульманской среде для создания имиджа "исламской угрозы" и для организации зон "управляемых конфликтов" в местах проживания мусульман. Известно, например, что Усама бен-Ладен был агентом ЦРУ и занимался формированием единого фронта против советских войск в Афганистане. Тот факт, что его по сей день "не могут" поймать, тоже о многом говорит.

Таким образом, **экстремизм и терроризм имеют вполне земные причины своего существования и не санкционируются религией ислама, более того — запрещаются.** Экстремисты и террористы преследуют не религиозные, а политические и экономические цели. Религия, религиозная символика и фразеология исполь-

зуются лишь для пропагандистского "облагораживания" подлинных целей террористов и тех омерзительных средств, которые они используют.

Почему именно ислам избран в качестве пропагандистского камуфляжа террористов? — Только потому, что именно ислам является последним реальным препятствием на пути архитекторов "нового мирового порядка", где все люди должны быть техническими инструментами без своей национальности, религии, истории — "номадами", кочевниками, по словам Жака Аттали. Эти архитекторы и являются в конечном счете заказчиками, финансистами и вдохновителями террористических актов, которые призваны похоронить систему прав человека и установить "однополярный мир" с диктатурой "общечеловеческих" либеральных ценностей, противоположных законам Творца.

Причины возникновения радикальных тенденций среди некоторой части российских мусульман

На протяжении всей российской истории мусульмане жили исключительно мирно рядом с православными, для их религиозного менталитета было характерно отсутствие религиозного радикализма — даже в условиях попыток государства "христианизировать" татар и башкир. Российская умма избежала проникновения в нее радикальных учений, появившихся в некоторых других странах. Российские мусульмане никогда не ставили под сомнение свои гражданские обязанности и патриотические чувства.

Подавляющее большинство российских мусульман остаются мирными и законопослушными гражданами, патриотами своего Отечества. Однако сегодня в среде российских мусульман стали распространяться некоторые радикальные идеи, у которых появились немногочисленные последователи. Многие малограмотные молодые люди стали просто жертвами ложной пропаганды и собственной обездоленности.

Можно выделить следующие *объективные факторы* внутренней жизни нашей страны в последние 12–14 лет, которые привели к появлению радикальных настроений в среде мусульман – граждан России. Сошлюсь на официальный документ, разработанный в Государственной Думе экспертами, под руководством депутата Шамиля Султанова, включая и экспертов Совета муфтиев России:

практическое отсутствие национальной и религиозной политики, отсутствие ситуативного анализа и прогнозов в этих сферах, пускание процесса на самотек;

значительное понижение уровня жизни населения после распада СССР;

колоссальная разница в уровне жизни между богатыми и бедными, еще более заметная в местах компактного проживания мусульман;

закрытие многих крупных советских предприятий на юге страны, приведшее к значительной безработице, особенно среди молодежи в ряде регионов Северного Кавказа (до 80%);

коррупция местных властей, лишаящая простых верующих всякой жизненной перспективы;

деградация общественной нравственности, распространение проституции, наркотиков и т.д.³

К объективным внешнеполитическим факторам можно отнести следующие:

война США против Афганистана, Ирака, поддержка ими агрессивных сионистских кругов на земле Палестины, угрозы Ирану, Сирии, всему мусульманскому миру; исламофобия в западных СМИ;

поддержка внешней политикой РФ в начале 90-х годов сионистских кругов в Палестине, отказ от традиционной для СССР поддержки национально-освободительной борьбы арабского народа Палестины;

---

³ Согласно докладу Межфракционного депутатского объединения Государственной Думы РФ "Россия – Исламский мир: стратегический диалог" (М., 2004).

угрозы израильских экстремистов разрушить третью святыню Ислама — мечеть Аль-Акса;

общая радикализация настроений в исламском мире.

К объективно-субъективным факторам, т.е. таким, которые возникли объективно, но могли и не состояться при доброй воле ответственных государственных служащих, можно отнести следующие:

систематическое воспрепятствование открытию духовных учебных заведений, строительству мечетей и регистрации общин в регионах, где мусульмане находятся в меньшинстве. Например, в Ставрополе более 10 лет блокировалось даже санкционированное Президентом России возвращение верующим мечети, построенной еще православным царем. В Москве искусственно затягивается решение вопроса о создании Международного Исламского университета, хотя о его создании заявили общественности министр иностранных дел РФ, а затем и сам Президент России!:

характер государственных наград, не учитывающих религиозные чувства мусульман — до 1917 года государственные награды, содержавшие христианские символы, имели второй официальный и равноправный вариант — без христианских символов, который использовался для награждения мусульман, иудеев и представителей других религий;

попытки некоторых чиновников на государственном уровне навязать преподавание в государственных и муниципальных школах только православное образование или сделать его обязательным для детей мусульман, чего не было даже в православной российской империи; реализация таковых в ряде субъектов РФ;

попытки некоторых чиновников на уровне государственной идеологии, а также в учебных программах, представить российскую историю как историю Московского княжества, а его победы над другими княжествами и ханствами в борьбе за лидерство в средние века — как победы общегосударственного масштаба, которые следует отмечать всей стране. Например, мифическое

сражение в 1330 г. на "поле Куликовом", где не найдено ни остатков оружия, ни массовых захоронений (и которое почему-то не вызвало достойного интереса у его современников), подается как победа "русских над татарами". В документах Совета муфтиев России такой подход к общегосударственной истории был назван "одновекторностью в подаче российской истории", лишаящей другие исконные народы России чувства Родины;

систематическая исламофобия в СМИ, включая и контролируемые государством ("исламские террористы", "исламисты"), унижение чувств верующих. Только вмешательство Президента России В.В. Путина ослабило эту тенденцию, но, очевидно, многие журналисты слишком сильно настроены на подачу антиисламских материалов, чтобы обращать внимание на российское и международное право и политику государства;

практика "вытеснения" мусульман из государственных и региональных СМИ: закрыты обе мусульманские передачи на РТР и канале "Культура";

притеснения граждан РФ и приезжих единоверцев из СНГ на религиозной и национальной почве в ряде регионов России, включая и мусульман Северного Кавказа (отказ в регистрации по месту проживания, незаконные поборы со стороны местных органов милиции и властей, массовые проверки религиозных общин во время праздничной молитвы и т.п.). Как следствие — ощущение многими мусульманами-брюнетами своей "инородности" в других регионах России и невостребованности государством, отсутствие перспективы роста в своем Отечестве;

постоянные акты насилия и ненависти к мусульманам со стороны нацистских и фашистских организаций, общий враждебный климат по отношению к "черным", игнорирование или попустительство этому со стороны некоторых региональных лидеров и милиции.

К субъективным факторам, которые стали действовать исключительно по злой воле человека, можно отнести следующие:

отсутствие или недостаток традиционного религиоз-

ного образования, вызванный нехваткой высших богословских учебных заведений и низким уровнем и малочисленностью сети начального религиозного образования. За 80 лет государственного атеизма была разрушена вся система мусульманского образования в стране, сложившаяся до 1917 года;

деятельность эмиссаров-вербовщиков дешевого "пушечного мяса" — молодых рейнджеров из числа безработной молодежи для деятельности в незаконных вооруженных формированиях, лишенной перспективы (безработной и малообразованной) молодежи;

получение духовного образования в зарубежных центрах, где в ряде случаев имеет место псевдофундаменталистское направление, не приспособленное под реальности поликонфессионального общества и светского государства.

Практика вытеснения мусульман в "подполье" приводит к прямо противоположному результату: радикалы и экстремисты на частных квартирах или в собственных домах, где собираются по пятницам верующие, получают дополнительные козыри в своей пропаганде необходимости борьбы с властью, препятствующей соблюдению основных мусульманских предписаний. Напротив, наличие достаточного количества мечетей сделало бы процесс проповеди прозрачным и доступным контролю с точки зрения политической лояльности. Тем более, это относится к учебным заведениям: **если нет открытого с помощью государства мусульманского образовательного центра, где преподаются ценности традиционной исламской мысли и этики, то образование ведётся неизвестными радикалами в частных помещениях или в скрытых лагерях!**

Поэтому одним из важнейших способов профилактики экстремизма в мусульманской среде является массовость религиозного образования в открытых, прозрачных и лояльных государству формах. До 1917 г. в православной империи обучение своей религии было обязанностью всех детей мусульман.

Исламский мировой порядок – это единство в многообразии

После распада Советского Союза на мировой арене развернулась серьезная борьба вокруг того, каким должен быть будущий мир. Будет ли он однополярным, с одним явным лидером и вереницей "отстающих", которые должны отречься от своих традиций, самобытности, от своих национальных и экономических интересов, встраиваясь в унифицированную и безликую масскультуру? Или все-таки в мире должно быть несколько крупных центров притяжения, обеспечивающих сохранение самобытности всех живущих на земле народов, так чтобы отношения между этими центрами строились на принципах взаимоуважения, равноправия и взаимовыгодного сотрудничества?

Для подавляющего большинства мусульман всего мира приоритетным является путь многополярного мира, единство мирового сообщества через взаимообогащение конфессиональных и национальных культур. "О люди! Воистину, создали Мы вас мужчинами и женщинами и сделали народами и племенами, чтобы вы познавали друг друга", – говорит Создатель вселенной в Коране (сура 49, аят 13).

Таким образом, в исламе нет деления народов на лучшие и худшие, отсутствует утверждение исключительности кого-либо только по происхождению. Сам Пророк Мухаммад учит: "О люди! Разве не один ваш Господь? Разве не один у вас отец? Разве есть у араба преимущество перед не арабом? Разве есть преимущество у не араба перед арабом? Или же у чернокожего перед белокожим, и наоборот? Только в богобоязненности и благочестии заключается превосходство!" Пророк Мухаммад также говорил: "Ищите знания даже в далеком Китае", где, как известно, тогда ислама не было, то есть речь идет о знаниях других народов, культур, традиций.

В Каирской "Декларации прав человека в исламе" 1990 года, подписанной государствами-членами Орга-

низации "Исламской конференции" (ОИК), в статьях 1-й и 11-й говорится: "Все человеческие существа образуют единую семью, подчиняются Единому Богу и произошли от одного Человека — Адама. Все люди, независимо от цвета кожи, расы, пола, языка, вероисповедания, политических убеждений, общественного положения обладают одинаковыми правами и человеческим достоинством...

Все люди рождаются свободными, и никто не имеет права брать кого-либо в рабство, унижать, угнетать и эксплуатировать. Есть только одно подчинение — Всевышнему Богу. Колониализм любого рода... должен быть запрещен. Каждое государство и каждый народ должны сохранить свои независимость и контроль над своими богатствами".

Нас очень радует, что данный подход гармонирует и с концепцией внешней политики России. Выступая на саммите Организация "Исламская конференция" в сентябре 2003 года, Президент нашей страны Владимир Владимирович Путин сказал: "Мы приветствуем, что ОИК строит свою деятельность на универсальных принципах невмешательства во внутренние дела и уважения территориальной целостности суверенных государств. Выступает против применения силы и за урегулирование конфликтов мирными средствами. Хотел бы отметить: названными принципами руководствуется и российская внешняя политика.

Россия, как и большинство представленных здесь исламских государств, выступает за укрепление системы международного права, за центральную координирующую роль ООН в решении мировых проблем. И мы убеждены, что совместными усилиями сможем эффективнее противостоять развитию событий в мире по неблагоприятным сценариям. Сценариям, приводящим к появлению новых опасных разделительных линий.

Россия — как постоянный член Совета Безопасности ООН и многих других многосторонних институтов — готова способствовать таким конструктивным

усилиям и последовательно добиваться утверждения в международных отношениях принципов доверия, сотрудничества и взаимопонимания".

К великому сожалению, концепции многополярного мира вредили и силы, скрывавшиеся под маской ислама. В XX столетии маргинальные в прошлом секты исламской направленности получили широкое распространение благодаря поддержке могущественных спецслужб Запада, использовавших их для создания так называемых "управляемых конфликтов" на территории недружественных им или конкурирующих с ними государств. Проблема, не существовавшая внутри традиционного ислама, под влиянием извне стала проблемой и для традиционного ислама, и для других государств. Экстремисты сформулировали лозунг "всемирного халифата", достичь которого они пытаются с помощью терактов и разбоя среди мирного населения и партизанской деятельности.

Разумеется, никакой халифат такими методами не может быть воссоздан. Аллах Всевышний говорит Своему Пророку в священном Коране, сура 10, аят 99: "И если бы пожелал твой Господь, тогда уверовали все до одного, кто есть на Земле. Так, неужели ты станешь принуждать людей к тому, чтобы они стали верующими?" Даже Своему избранному Пророку Всевышний запретил какое-либо принуждение в вопросах веры! Также Аллах повелевает Пророку: "Скажи, о, Пророк: исходит истина от Бога твоего: кто хочет, тот уверует в Него, кто хочет, тот останется неверным". Отсюда попытка создания некоего нового "халифата" путем насилия, партизанской войны, терактов и тому подобного — в корне противоречит воле Бога, выраженной в священном Коране.

Ислам — религия свободы выбора. "Запрещается использование любых методов принуждения для обращения кого-либо в свою веру или навязывание атеистических убеждений", — говорится в Каирской "Декларации прав человека в исламе". При практической реали-

зации этого права мусульмане обязаны уважать религиозные убеждения других и стремиться к тому, чтобы жить в мире с ними на основе заключенного договора.

В архиве внешней политики Российской империи МИД России хранятся письма легендарного имама Шамиля, предводителя мусульман Северного Кавказа во время Кавказской войны. Особый интерес представляет обмен письмами между ним и эмиром Абдуль-Кадером, возглавлявшим в то время антифранцузское восстание в Алжире. Эти письма показывают, что как имам Шамиль, так и Абдуль-Кадер откровенно выступали против актов насилия и терроризма, призывали к толерантности, мирному межкультурному общению.

С 1855 г., после поражения восстания, Абдуль-Кадер жил в Дамаске и занимался богословием. Во время христианского погрома в Дамаске в июне 1860 г., когда российское вице-консульство подверглось нападению, Абдуль-Кадер, проповедовавший идеи веротерпимости, спас многих христиан, в том числе вице-консула России Макеева. Заслуги Абдуль-Кадера были высоко оценены Россией — он был награжден орденом Белого Орла.

Сразу же после этого Шамиль в письме Абдуль-Кадеру в 1860 г. так отреагировал на происшедшее: "Уши мои поражены были вестью невыносимую для слуха и противною самой природе о том, что произошло между мусульманами и иноверцами и что не должно было произойти в мусульманском мире". И далее: "Да примиришься ты с Богом Всевышним! И да благословит Он тебя достоянием и детьми, ибо ты исполнил слова великого Пророка, посланного Богом по милости к человекам, — и не допустил укоренения вражды к нам из-за нашей веры".

Когда сегодня некоторые боевики вешают на стены портреты имама Шамиля, знают ли они об этой позиции легендарного воина, шейха, государственного деятеля?

В свою очередь, Абдуль-Кадер в 1861 г. отвечал имаму Шамилю так: "Насилие торжествует во всех странах, и результаты его постыдны... Печально видеть столь ма-

ло людей религиозных и столь малое количество тех, кто все еще прибегает к власти справедливости! Их столь мало, что невежды начали полагать, что источником веры в исламе являются грубость, жестокость и отстраненность от всех иноверцев".

Такая позиция этих хорошо известных миру мусульманских деятелей представляется весьма актуальной и поучительной в нынешних условиях.

Президент России сказал в Малайзии и такие важные для нас слова: "Позиция России последовательна и ясна: терроризм не должен отождествляться с какой-либо религией, культурной традицией или образом жизни. Должен сказать, что на примере России попытки террористов спровоцировать в нашей стране исламофобию, в конечном итоге, полностью провалились".

Во время своих визитов в мусульманские страны мне часто приходится слышать от моих братьев такие слова: "Когда же Россия станет такой же великой и могучей страной, как СССР? Когда же Россия станет уважать себя и станут уважать ее другие? Мы здесь являемся истинными вашими друзьями. Не забывайте о нас, повернитесь к нам лицом!"

И, действительно, их любовь к нашей стране и доброжелательность к нам чувствуется. Арабский, исламский мир желает активизации политики России в этих регионах, развития сотрудничества в различных сферах в интересах наших стран.

Звучащие из уст боевиков слова о "новом всемирном халифате", т.е. о монополярном мировом порядке под диктатом мусульман, являются всего лишь ширмой для провоцирования конфликтов в интересах третьих стран. Никто не вправе самовольно объявлять себя "заместителем Пророка" и присваивать себе его полномочия! Кстати говоря, исторический халифат, пока он существовал в рамках исламских канонов, никогда и не претендовал на подчинение мусульманам христиан, иудеев и представителей других конфессий. Живя в хали-

фате, они пользовались правом сохранять все свои традиции, религиозные предписания и ритуалы. С другими странами заключались мирные договоры. Бывали войны за территории, но не было борьбы для подавления другой веры. Поэтому в будущем можно говорить лишь о концепции сосуществования и взаимодействия различных религий и культур при сохранении духовно-культурной самобытности внутри каждой социальной группы, каждого народа.

Что касается сотрудничества России с мусульманскими странами на пути созидания многополярного мира, то оно даст нашей стране увеличение количества рабочих мест в такой важной для нас сфере как оборонная промышленность, а также в области высоких технологий. Для нас небезынтересен в мусульманских странах богатый рынок сырья и энергоресурсов. При этом мусульманские страны не обуславливают сотрудничество с нами вмешательством в наши внутренние дела, и таким образом суверенитету и самобытности нашей страны нет никакой угрозы. В этих странах живет множество искренних друзей России, ставших таковыми во время учебы или работы в Советском Союзе. Потенциал такого пророссийского лобби в мусульманских странах все еще высок, а используется он недостаточно. Но вместо советского фактора на смену ему должен прийти религиозный, т.е. мусульманский.

Мы приветствуем, что МИД России использует в отношениях с православными странами фактор Русской Православной церкви. Однако возможности российских мусульман, их духовных центров используются явно недостаточно в отношениях с мусульманскими странами. А ведь и в Российской империи, и в Советском Союзе хорошо понимали и ценили роль так называемой "народной дипломатии": негосударственных структур, готовивших почву для усиления влияния России в том или ином регионе! Не пора ли вернуть утраченные позиции на новом уровне, используя социальную активность российских верующих?

Нас вдохновило, что Президент России обозначил такой стратегический курс:

“Россия — как уникальная евроазиатская держава — всегда играла особую роль в строительстве отношений между Востоком и Западом. И я убежден, что наше взаимодействие в рамках ОИК может и сегодня стать важнейшим элементом справедливого и безопасного мира. Оно способно обеспечить площадку для бесконфликтного решения многих международных и региональных проблем.

Сложение наших финансовых, технологических и кадровых ресурсов способно стать реальным фактором мировой политики, началом прорыва на многих направлениях мировой экономики. Уверен — это в полной мере отвечает как интересам наших народов, так и гуманистическим ценностям, которые проповедают все мировые религии, в том числе и ислам”.

В священном Коране, сура 13, аят 11, говорится:

“Воистину, Аллах не изменяет положения людей, пока они не изменятся внутри себя”.

Л.Р. Сюкияйнен,

доктор юридических наук, профессор

**ИСЛАМ И ТЕРРОРИЗМ:
СОЮЗНИКИ ИЛИ ПРОТИВНИКИ?
ШАРИАТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВКЛЮЧЕН
В БОРЬБУ С ЭКСТРЕМИЗМОМ**

Исламский экстремизм, крайним выражением которого терроризм под лозунгом ислама, оказывает в последнее время все возрастающее влияние на политическую жизнь России. Относительно того, какие силы стоят за этим явлением и каковы их конечные цели, высказываются самые различные взгляды. Но вывод о его ориентации на исламские идейные постулаты трудно опровергнуть. Ведь влияние непосредственных руководителей и вдохновителей мусульманских радикалов во многом определяется тем, что они выдают себя за последователей истинного ислама и борцов за воплощение его идеалов в жизнь. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться с часто повторяемым тезисом, будто терроризм не имеет религии.

Ислам против ислама

На словах отделить ислам от терроризма нетрудно, но на деле все обстоит гораздо сложнее. Утверждающие, что ислам не имеет никакого отношения к современному международному терроризму, выдают желаемое за действительное. Такая связь есть и прослежива-

ется прежде всего в идейном обосновании радикализма. Исламские концепции используются как для определения отдаленных целей и ближайших мишеней терактов, оправдания используемых при их совершении средств, так и ради мобилизации отрядов экстремистов.

Возникает принципиальный вопрос: действительно ли в идейном багаже ислама можно обнаружить оправдание терроризма? Ответ зависит от того, кто и в каких целях берется за толкование этого арсенала. Дело в том, что на протяжении веков исламская политическая и правовая мысль накопила огромный набор внешне противоречивых идей и представлений по всем ключевым вопросам, имеющим прямое отношение к современному терроризму: основам власти и права, взаимосвязям государства и индивида, статусу иноверцев, допустимым методам политической борьбы.

Неоднозначный подход ислама к этим проблемам наглядно иллюстрирует его примечательную черту — плюрализм взглядов, что особенно характерно для сферы политики, поскольку основные конкретные предписания, призванные ее регулировать, были сформулированы на основе иджтихада. Под ним исламская мысль понимает рациональный поиск решений по вопросам, точно не урегулированным в Коране и Сунне пророка Мухаммеда. К этому надо добавить, что немногочисленные имеющиеся в этих источниках правила ведения войны или отношения к иноверцам сложились в начальный период становления ислама как религии и государства, его острого соперничества с политическими и идейными противниками. В результате многие из этих предписаний отражают реалии, оставшиеся в далеком прошлом, но не могут игнорироваться современной исламской мыслью. Некоторые из них, чаще всего вырванные из исторического контекста своего формирования, в наши дни нередко используются для оправдания политического экстремизма.

Вместе с тем заметное место в идейном наследии ислама занимают противоположные указанным конкрет-

ным правилам начала — умеренность, поиск компромиссов, лояльность властям, постепенность, избежание крайностей и риска, необременение человека, непричинение вреда и др. Этим ценностям в исламском учении, отвергающим радикализм, можно найти не менее, а скорее даже более убедительное обоснование, нежели экстремистским взглядам. Поэтому тезис об эндогенном радикализме ислама должен быть дополнен указанием на присущие исламу умеренность, терпимость и способность к позитивному взаимодействию с другими культурами.

Поэтому броский тезис "ислам против терроризма" вполне допустимо перефразировать в "ислам против ислама". И это не игра слов, а образное выражение сути проблемы. Ведь просто отмахнуться от исламской аргументации лидеров экстремизма, назвав их немусульманами, значит закрыть глаза на реальность и почти наверняка заранее проиграть им важнейший бой — идейный, сдать ислам террористам...

НГ — Религии уже неоднократно публиковала материалы, авторы которых подробно излагают исходные идейные послышки исламских радикалов. Мы же остановимся лишь на отдельных моментах этих концепций, обратив внимание на аргументы их оппонентов.

Террор — удар по защищаемым шариатом ценностям

В оправдание терроризма против немусульман исламские экстремисты обращаются к Корану, в котором, в частности, говорится: "И убивайте многобожников, где бы вы их не обнаружили... О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь беспощаден к ним" (9 : 5, 73). Сторонники бескомпромиссной борьбы за утверждение ислама любой ценой приводят также высказывание пророка Мухаммеда, которое якобы открывает путь насилию над неверными: "Мне было приказано сражаться с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммед — Его по-

сланник, не станут совершать молитву и вносить закят; если же они сделают это, то их жизнь и имущество окажутся под моей защитой, в противном случае с ними надлежит поступать по праву ислама, а суд над ними — в руках Всевышнего Аллаха”.

Современная мусульманско-правовая мысль, сравнивая эти предписания с иными положениями Корана и хадисов, чтобы избежать противоречий между ними, толкует их в ином духе — как допущение вооруженного насилия над неверными лишь в случае агрессии с их стороны. При этом она исходит из согласованности частных, связанных с конкретными историческими фактами предписаний Корана с его общими положениями, которые закрепляют особое отношение Аллаха к человеку, наделенному превосходством над всеми созданиями Творца: “Мы даровали почет сынам Адама” (17 : 70). В Коране также недвусмысленно говорится о предпочтении мира перед войной с неверными: “Если неверующие склонны к миру, то и ты, Мухаммед, склоняйся к миру” (8 : 61).

Ссылаются мусульманские юристы и на изречения пророка Мухаммеда, который, в частности, говорил: “Для каждого мусульманина являются запретными кровь, честь и имущество другого мусульманина”. Известно также иное высказывание посланника Аллаха: “Не дозволено мусульманину устрашать правоверного”. Пророку принадлежат и такие слова: “Никто из вас не должен направлять оружие в сторону своего брата, ведь никто из вас не знает, что, возможно, его руку ведет Сатана”. Кроме того, фанатики и террористы вселяют в души людей смятение и приносят им зло вопреки смыслу шариата, либо в Коране сказано: “А те, которые верующим мужчинам и женщинам причиняют незаслуженные обиды и страдания, берут на себя ложь и явный грех” (33 : 58).

На первый взгляд, приведенные положения шариата свидетельствуют о защите жизни лишь мусульман. А как быть с неверными? Отвечая на этот вопрос, мусуль-

манские правоведы ссылаются на изречения пророка и его сподвижников, недвусмысленно закрепляющие гарантии права немусульман на жизнь. Так, халиф Али бин Талиб говорил: "Они согласились платить подушный налог с тем, чтобы их имущество было как наше имущество, а их кровь — как наша кровь".

Придерживаясь этих ориентиров, современная мусульманская мысль приходит к выводу об однозначном осуждении шариатом терроризма. Еще более важно то, что из аналогичного принципа исходит правовая практика многих исламских стран. К примеру, коллегия крупнейших улемов в Саудовской Аравии еще в 1989 г. приняла решение о наказании за совершение террористических актов. В нем прямо говорится о терроре, совершенном лицами, которые утратили ценностные ориентации и отличаются слабой верой и приводится предусмотренная Кораном ответственность за разбой: "Воистину, те, кто воюет против Аллаха и его посланника и творит на земле нечестие, будут ...убиты или распяты, или у них будут отрублены накрест руки и ноги, или будут они изгнаны из страны" (5 : 93). По аналогии было сформулировано наказание за терроризм — смертная казнь. Особое внимание привлекает то место в данном документе, где подчеркивается, что террористы ставят под удар защищаемые шариатом ценности — религию, жизнь, разум, достоинство и собственность.—

Естественно, террористы настаивают на том, что они ни коей мере не атакуют ислам, а наоборот, сражаются за утверждение его идеалов. Именно поэтому свои действия они именуют джихадом.

Ведут ли террористы джихад?

Джихад — крайне многозначное понятие, по-разному трактуемому исламской мыслью. В общем виде под ним подразумеваются усилия, нацеленные на претворение заповедей Аллаха самыми разнообразными способами вплоть до отстаивания ислама вооруженным путем.

Традиционное мусульманское право сводило джихад к правилам подготовки и ведения боевых действий. Причем предполагалось, что в принципе война допустима только против немусульман. Поэтому широко распространенное определение джихада в качестве "священной войны с неверными" не должно удивлять. К тому же действия террористов, называющих свои преступления джихадом, казалось бы, подтверждают правильность такого понимания.

Однако ведущие современные мусульманские правоведы, выделяя приоритетные формы джихада с учетом иных положений шариата и его общих целей, понимают его в ином ключе, значительно шире. Они подчеркивают, что это — прежде всего — призыв встать на путь Аллаха и последовательно претворять шариат. Причем такой проповеднический джихад исключает любое насилие по отношению к немусульманам, о чем прямо говорится в Коране: "Нет принуждения в религии" (2 : 256), "Призывай на путь Господа мудростью и добрым увещеванием и веди спор с многобожниками наилучшим способом" (16 : 125). Что же касается военных действий как одной из разновидностей джихада, то они, по мнению большинства мусульманских юристов, допускаются лишь в качестве необходимого средства обороны для отражения агрессии, а не способа покончить с неверием.

Главное в том, что джихадом в прямом смысле могут быть названы только те действия, которые нацелены на постижение воли Аллаха, утверждение исламских норм в жизни отдельных людей и всего общества, а также на защиту этих ценностей от посягательства. Нет сомнения в том, что совершаемые в России акции террористов этому критерию не отвечают. Хотя бы потому, что их мишенью почти всегда становятся мирные граждане, которые никоим образом не угрожают исламу, а выдвигаемые террористами требования не имеют к нему никакого отношения.

Согласимся на минуту с террористами и допустим, что они искренне воюют за ислам. Но и при таком пред-

положении оказывается, что они являются первыми разрушителями шариата, который даже в ходе законной войны категорически запрещает убивать женщин и детей, а по большинству толкований мусульманского права, — еще и стариков, священнослужителей, ремесленников, земледельцев и вообще всех некомбатантов!

По исламским нормам коллективную ответственность за акты террора должны нести все причастные к ним лица, а не только их непосредственные исполнители. Ведь согласно шариату джихад допустим лишь по приказу имама-правителя. Поэтому политические лидеры — непосредственные командиры и прежде всего верховный руководитель — не могут снять с себя ответственность за творимое преступниками зло. Что же касается участи идеологов экстремистов-убийц, то она вытекает из высказывания пророка Мухаммеда: "Если кто-либо пошел на нарушение, получив не основанную на достоверном источнике фетву, то его грех ложится на того, кто ему такую фетву дал". В Коране можно найти хороший совет и тем, кто, преследуя собственную корысть, издали поощряет террористов: "Сотрудничайте в творении добра и благочестия и не сотрудничайте в грехе и несправедливости" (5 : 2).

Вопреки утверждениям исламских экстремистов, они не служат исламу, а приносят ему вред. Создавая своими руками в России и во всем мире отрицательный образ ислама и мусульман, они ставят под удар высшую защищаемую шариатом ценность — религию. Поэтому есть гораздо больше оснований называть джихадом не теракты под лозунгами ислама, а борьбу с их исполнителями, организаторами и вдохновителями в защиту ислама и мусульман.

Не шахиды, а грешники

Исламские экстремисты убеждены в своем праве вершить насилие над всеми, кто не подчиняется воле Аллаха, в том числе и над мусульманами, не разделяю-

щими их взгляды. Для обоснования такого права используется в частности известная концепция "претворения предписанного и пресечения запрещенного". Этот принцип закреплен в ряде стихов Корана, к примеру: "И образуется из вас община, которая будет призывать к добру, побуждать к предписанному и отвращать от запретного" (3 : 104). Порядок исполнения этой обязанности усматривают в следующих словах пророка Мухаммеда: "Если кто-нибудь из вас увидит нечто запрещенное шариатом, то пусть изменит его своей рукой, а если не сможет сделать этого рукой, то пусть остановит грех своим языком, а если и так не сможет, то — хотя бы своим сердцем, и это будет самым слабым проявлением веры".

Естественно, для обоснования своих действий террористы выбирают первую часть приведенного высказывания — предотвращение отклонений от шариата "рукой", то есть насильственным путем. Причем речь идет о насилии не только по отношению к немусульманам или власти, не соблюдающей шариат, но и к единоверцам, отошедшим, якобы, от ислама.

Отметим, что вероотступничество — одно из тяжких преступлений, за совершение которых шариат предусматривает смертную казнь. Взятая на вооружение исламскими экстремистами концепция обвинения в неверии тем и опасна, что обосновывает возможность и даже необходимость жестокой расправы над теми, кто отнесен к вероотступникам. У террористов оказываются развязаны руки — одних они убивают за неверие, других — за выход из ислама, а властные структуры атакуют за то, что те игнорируют шариат в их, экстремистов, трактовке.

Наверное, натворив в этом мире столько преступлений, террористы надеются на заступничество за них Аллаха в будущей жизни. Идущие на самопожертвование уж точно рассчитывают стать шахидами. На земле они уже добились своего: их стали совершенно безосновательно так называть. Но у Аллаха их надеждам не

суждено сбыться. Хотя бы потому, что шариат категорически запрещает самоубийство. Следуя Корану: "И не убивайте самих себя; воистину, Аллах милостив к вам" (4 : 29). Но, пожалуй, самое главное в том, что погибшего по причине собственного греха ислам ни при каких обстоятельствах не относит к шахидам. Поэтому расставшемуся с жизнью убийце женщин и детей рай не уготован. Наоборот, павшие от рук террористов мусульмане могут стать шахидами, ибо пророк Мухаммед говорил: "Тот, кто был убит, защищая свое имущество, жизнь, религию или семью, является шахидом".

Как понимать единобожие?

Среди исламских постулатов, используемых для оправдания терроризма, особое место занимает концепция единобожия, смысл которой — подчинение воле Аллаха абсолютно во всем. Казалось бы, этого принципа наиболее последовательно придерживаются именно террористы, ни на шаг не отклоняясь от многих и действительно имеющих в шариате правил, видя свою конечную цель в универсальном претворении шариата не только в религиозной, но и мирской жизни.

Однако на самом деле исламские экстремисты, наоборот, отходят от единобожия, произвольно манипулируя шариатом, рассматривая его как средство, а не цель. Именно это имел в виду выдающийся мусульманский ученый Ибн Каййим аль-Джавзийя (1292 — 1350), когда писал: "Что касается фанатиков, то они любую проблему переворачивают с ног на голову; обращаясь к Сунне, они принимают из нее только то, что соответствует их высказываниям, и прибегают к уловкам, чтобы опровергнуть расходящееся с их мнением либо отбросить не подходящее им свидетельство; если они обнаруживают столь же весомое или даже менее убедительное доказательство, подтверждающее их позиции, они принимают его и используют в качестве аргумента против своих оппонентов".

За отдельными, взятыми по своему выбору предписаниями шариата экстремисты не видят главного — смысла этих правил и упускают ту цель, ради которой они были сформулированы. О чем конкретно идет речь? Прежде всего о том, что претворение шариата в земных делах предполагает не только и не столько жесткое и слепое следование когда-то установленным нормам, сколько осмысление и решение любых проблем мусульман в духе справедливого и разумного удовлетворения их интересов. Аль-Джавзийя подчеркивал рациональную природу шариата и не видел противоречия между истиной Аллаха и разумом. Особо выделяя нацеленность шариата на удовлетворение потребностей людей, он писал: "Шариат целиком построен на мудрости и учете интересов людей в их земной и будущей жизни; он — олицетворение абсолютной справедливости, милосердия, заботы об интересах и наивысшей мудрости; если какое-нибудь решение отходит от справедливости и обращается к произволу, отклоняется от милосердия в противоположную сторону, отказывается от отражения интересов и поворачивается лицом к ущербу, отрекается от мудрости и тяготеет к порче, то оно не принадлежит шариату".

Вопреки такому подходу, ради слепого осуществления частных призывов ислама, террористы идут на причинение общего ущерба мусульманам. Касаясь этого момента, Мухаммед ибн Абдель Ваххаб (1705—1792), которого, понятно, нельзя упрекнуть в отказе от ортодоксии, говорил: "Некоторые религиозно настроенные люди пресекают запрещенное, и в этом они правы; но их ошибка заключается в том, что в своем рвении они доводят дело до розни между братьями".

С учетом сказанного можно ли назвать исламских экстремистов единобожниками, понимающими и претворяющими шариат во всей его полноте? Ясно одно: прикрывающиеся исламом террористы — не ведущие джихад борцы за чистоту веры, а воюющие с женщинами и детьми убийцы, не защитники исламских ценно-

стей и искоренители неверия, а посягающие на основные цели шариата грешники, не выступающие против несправедливой власти герои, а сеющие хаос и смуту бунтари.

Поэтому за такие свои преступления и грехи они должны отвечать не только по российским законам и нормам международного права, но и по шариату. Кстати, концепция пресечения греха в исламе предлагает действенный рецепт борьбы с терроризмом: "рукой" надо решительно останавливать исполнителей терактов, "языком" — настойчиво вести идейный бой с их вдохновителями и наставниками, а "сердцем" — отринуть злобу и подспудное желание перенести оценку терроризма на ислам и мусульман в целом. Иначе говоря, шариат должен не стоять на вооружении террористов, а быть обращен против них самих. От того, удастся ли решить такую задачу, зависит ответ на поставленный вопрос.

З.Л. Коган,

раввин

ИУДАИЗМ О ТЕРРОРИЗМЕ

Мир держится на правде и справедливости, которые разделяют с иудаизмом религии всех народов, если под религией понимать прежде всего образ жизни.

Евреи России, как и другие россияне, надеются построить демократическое гражданское общество. История еврейского права насчитывает более трех тысячелетий, и истоки его сродни другим правовым системам Древнего Востока. Высшие критерии "еврейского права" нашли свое выражение в таких библейских стихах, как "Не творите кривды в суде, не лицепрятствуй убогому, не угождай великому, по правде суди ближнего твоего" (Левит, 19, 15), "И делай справедливое и доброе в глазах Господа" (Второзаконие, 6, 18), "Закон один будет для вас и для пришельца и для уроженца Земли" (Числа, 9, 14) и в других в том же роде.

Во всякой религии есть ритуалы и обычаи, которые отражают ее сущность. За этими ритуалами стоят фундаментальные основы религии. В то время как существуют, разумеется, многочисленные варианты обычаев, которые меняются от местности к местности и от века к веку, ритуалы рождения и смерти служат выражением самых глубоких убеждений, которые составляют ядро иудаизма. Главным из них является убеждение в важности иметь детей, в священности человеческой жизни, подверженности людских мнений ошибкам и в то же

время способности жить в согласии с повелениями Божьими, в равноправии всех людей народа завета и в реальности как смерти, так и загробной жизни.

Убеждение в священности каждой человеческой жизни ярко проявляется в отношении евреев к контрацепции, абортам, эвтаназии, самоубийству, аутопсии, в последнее время к этому списку присоединились трансплантация и генная инженерия. В соответствии с Галахой (еврейским законом), средства для контрацепции применяться не могут, за исключением тех случаев, когда под угрозой находится здоровье матери.

Иудаизм в основном одобряет сосредоточение на этой жизни, а не на будущей. Мысль о смерти не должна пугать, но она должна порождать постоянную веру и преданность Всевышнему. Поэтому Мишна (часть Устной Торы) побуждает людей к раскаянию перед смертью и говорит об этом мире как о "передней при входе в мир грядущий", где нужно сделать все приготовления (Авот, 4 : 17). Загробную жизнь, однако, нужно ожидать с нетерпением, об этом говорится в том же месте: "Лучше один час блаженства в будущем мире, чем вся жизнь в этом". Это убеждение появилось в иудаизме значительно позднее. В Библии преобладает мрачное описание людей (плохих и хороших, рабов и царей), бредущих после смерти к шеолу ("пропасти"), подземному миру теней, где люди оторваны даже от Бога (см. книгу Иова, 7 : 9, и Псалтирь, 88). Вряд ли здесь уместно слово "жизнь". "Продолжение жизни" имелось в виду только в отношении человеческой общности. Мы можем видеть, что в эпоху Второго Храма саддукеи отрицали всякую идею о личном воскресении, в то время как фарисеи считали это основой веры. Они рассматривают воскресение как следствие веры в любящего Бога, который дает людям жизнь, чтобы они учились, что значит повиновались Ему.

Концепции иудаизма о рае и аде, о воскресении тела и бессмертии души подпитывались древнееврейской и греческой философией, развитой в дальнейшем иудея-

ми и христианами. В настоящее время среди евреев существуют различные мнения по этому вопросу, но основное убеждение в том, что жить нужно сейчас и "вечно" так, как предназначает Бог, остается.

Многие люди, испытывая страшную боль или чувство потери, вдруг начинают понимать, что постоянно задают себе вопрос: "почему?" Это не значит, что они все время проговаривают его вслух. И не ждут, чтобы кто-то обязательно ответил на него. В самом деле, любой ответ рискует оказаться банальным, равнодушным или даже жестоким. Этот вопрос встает скорее, как протест против чего-то, что угрожает смыслу жизни, что, как им кажется, не должно существовать. Часто говорят, что смерть одного ребенка ставит этот вопрос так же остро, как во время террористического акта смерть сотен детей. Ни у кого не возникает сомнения, что для тех, кто любит этого ребенка, это так и есть. Для многих, однако, террор бросает особенно яростный вызов значению жизни. Если мы верим в уникальную ценность каждой человеческой жизни, значит, чем больше потеряно жизней, тем сильнее мы, по-видимому, чувствуем, что отчаянно хотим получить ответ.

Есть люди, и среди них известные еврейские мыслители, которые утверждают, что терроризм ставит новые вопросы в бóльшем масштабе. Они настаивают, что современный международный терроризм становится единственным в своем роде не только с точки зрения глобальности, но и по своей жестокости. В частности, они задают вопрос "почему?" в отношении установки международных террористов запугать и дегуманизировать мирных граждан прежде, чем уничтожить их. Все эти дебаты сконцентрированы вокруг проблемы: считать или не считать терроризм явлением единственным в своем роде. Узнав в последние годы о чудовищной жестокости на Дубровке, о Беслане, о взрывах домов в Израиле, в Москве и других городах России, о террористических атаках в Нью-Йорке, Мадриде, а также об очевидном бессилии мировых держав предотвратить их,

мы, возможно, употребили бы слово "единственный" не слишком точно. Если существует что-то, что может быть сделано ради "уникальности" содеянного, это будет означать, что преследуется цель его виновников, то есть тотального запугивания мирных граждан различных государств. Естественно, нет смысла заявлять о более ужасных страданиях одних народов по сравнению с другими или объявлять отдельных лидеров террора ищадием ада по сравнению с другими зловещими фигурами. Практически не обсуждается тот факт, что осознание террора поднимает несметное число вопросов, на которые, по мнению многих, невозможно дать ответы.

Нужно прислушаться к тем, кто пережил террористические атаки, кто потерял близких. Мы обязаны это сделать, если хотим выйти из тени террора.

"Движение от крайнего страдания до умеренной надежды" — обязанность человечества. Важную роль имеет межрелигиозный диалог традиционных религий, а также модернизация фундаменталистских религий, взаимопонимание между духовными лидерами, публичность в самокритике и новых подходах. Долг теологов, философов и "простых" иудеев, христиан и мусульман принять участие в разговоре о терроризме. Честное сотрудничество в этом вопросе необходимо для строительства счастливого будущего. Само собой разумеется, иудеи, христиане и мусульмане должны понимать цель такого разговора. Дальнейшие вспышки враждебности неизбежны, если мы будем отрицать роль религий в борьбе с терроризмом. Без сомнения, на руководителях, принадлежащих к традиционным вероисповеданиям, лежит ответственность не только обмениваться фактами, но и находить пути, чтобы продвигаться вперед вместо того, чтобы попросту внушать мысль о виновности друг друга.

Необходимо изучение антитеррористической борьбы в школах и вузах. Делать это надо ради будущего. Очевидно, что те, кому удалось выжить во время террористического акта, не могут вычеркнуть его из памяти. Непозволительно допустить, чтобы о нем забыли его ви-

новники. Ныне живущие должны помнить об этом. Но как помнить? В этом суть разногласий во мнениях среди граждан, и эти расхождения напоминают нам о том, что однозначного ответа на этот вопрос нет. Показательно, что в течение десяти лет очень мало было сказано о терроризме с теологической точки зрения, хотя делалось немало попыток его художественного и литературного выражения. Тайна, окутанная молчанием. Теория терроризма не есть научная дисциплина, и никто не пытался теологически систематизировать ее, чтобы взглянуть на это явление и на реакцию на него с аналитической точки зрения, представив логичное и критическое описание теологических источников.

Акт справедливости должен быть осуществлен здесь и сейчас. Справедливость с точки зрения иудейской традиции и, по всей вероятности, традиций других религий, не есть нечто противоположное прощению. Это старое заблуждение не может быть просто забыто, однако здесь требуется кое-что более конкретное и позитивное.

В таком случае возникает важный вопрос. Считать ли террор одним из событий в истории человечества, пусть колоссальным по своим разрушительным последствиям, или же его нужно выделить как единственное в своем роде? Это один из вопросов, которыми задаются теологи. Они приходят к различным ответам. Возможно, такое положение вещей служит иллюстрацией факта, что даже в "послетеологическую эпоху", как иногда называют наше время, в исламе, иудаизме и христианстве по сути дела задают одни и те же вопросы как "рядовые" члены общины, так и теологи. Оценить последствие терроризма на современный мир — трудная задача. Материальный ущерб, нанесенный терроризмом, это разрушенные взрывами школы, театры, центры коммуникации. Психологическое и духовное воздействие измерить значительно труднее. Можно, однако, утверждать, что авраамической вере были нанесены оскорбления, общие для христиан, мусульман и евреев различных общин.

Поднятые вопросы, хотя и не выраженные в явно теологической форме, фактически группируются вокруг все того же: "почему?" Они вращаются вокруг убеждений, которых по-прежнему придерживаются верующие, а именно, что Бог добрый и могущественный. Можно разделять точку зрения, что терроризм по своей особой совокупности фактов единственен в своем роде, или же можно утверждать, что по существу здесь не представлено никакого радикально нового богословского возражения. Как бы то ни было, невозможно отрицать, что это **неизмеримое зло**, осмысленное ли теологически, преодоленное ли психологически или же просто постигаемое через поп-культуру, разъедает самые основы веры в великодушного Творца, который выработал Свои цели в истории человечества и отвел человечеству особую роль в Своем замысле.

Свобода совести — важное условие гражданского мира и межнационального согласия. Сегодня мы оказались перед лицом новых проблем. Весь мир с беспокойством наблюдает за нарастанием угрозы безопасности народов в связи с распространением феномена международного терроризма. Для молодой возрожденной России в этих условиях необходимы единство и добрая воля религиозных, национальных и политических лидеров для создания многонациональной и единой российской идентичности, которая вберет в себя, не подавляя и не подменяя их, национально-культурные и религиозные идентичности всех составных частей населения огромной страны, богатой не только человеческими и природными ресурсами, но и духовным потенциалом своих сыновей и дочерей.

Важнейшим условием решения этой задачи в условиях гражданского мира и межнационального согласия является обеспечение конституционных прав россиян, улучшение просвещения, образования, налаживание диалога между религиями, а также справедливое международное сотрудничество.

С.А. Баранов,

кандидат исторических наук

ИНДУИЗМ И ТЕРРОРИЗМ

В современном мире терроризм выступает как средство борьбы с обществом и государством и, в частности, с воплощающими его высшими организационными институтами — правительствами и другими органами власти. Естественно, террористы-одиночки не способны противостоять всей мощи государства. Поэтому терроризм, как правило, берут на вооружение специально созданные либо уже существующие организации. Зачастую террористические организации вырастают из экстремистских движений как левого, так и религиозного толка.

В этом плане индуизм находится в числе религиозных систем, наименее восприимчивых к идеям террористической борьбы. Чтобы обосновать данное утверждение, необходимо рассмотреть, что же собой представляет индуизм и каковы его характерные особенности. Эта задача оказывается не такой простой, как кажется на первый взгляд. Ведь до настоящего времени так и не выработано общепризнанного определения, что же такое индуизм, также как и нет единого мнения считать ли его одной религией или сочетанием различных верований. Например, существует предложение использовать слово "индуизм" "для обозначения социокультурной единицы или цивилизации, содержащей в себе множество самостоятельных рели-

гий"¹. Такая трактовка понятия индуизма связана с тем, что он вобрал в себя сотни культов (арийские, доарийские, а также образовавшиеся в результате смешения тех и других или возникшие и возникающие уже в наши дни в результате превращения в объект культового почитания в Индии какого-либо события или достойного человека²).

История возникновения индуизма восходит к арийскому переселению в Индию (II – I тысячелетие до н.э.). Арии принесли на субконтинент своих богов – Индра (бог войны и грома), Варуна (бог вод и миропорядка), Сурья и Савитар (божества солнца), Агни (бог огня), Рудра (бог грозы) и многих других. Тогда же создавались священные книги: веды и обширная литература комментариев к ним, формировалась сословная организация общества, состоящего из четырех разрядов – *варн*: *брахманов* (жрецов, знатоков священных текстов), *кшатриев* (воинов), *вайшьев* (земледельцев, скотоводов, торговцев и ремесленников) и *шудр* – (слуг). В дальнейшем система *варн* эволюционировала в кастовую систему. Стали возникать касты – замкнутые эндогамные социальные группы, связанные с наследственно закрепленной профессией, статус которых определялся по шкале ритуальной чистоты – осквернения. На самом дне индийского общества оказались касты “неприкасаемых” (находящиеся вне *варновой* системы), само прикосновение к которым оскверняло индусов из высших каст.

В результате взаимодействия ведийской религии ариев с местными культами около VIII в. до н.э. возникла новая религиозная система, объединяемая понятием брахманизм. С появлением буддизма на рубеже VI – V вв. до н.э. между ним и брахманизмом развернулась жесткая идеологическая борьба, в результате ко-

---

¹ Штитенкрон Г. фон. О правильном употреблении обманчивого термина “Древо индуизма”. М.: Вост. лит., 1999. С. 247.

² Гусева Н.Р. Индия в зеркале веков. М.: Вече, 2002. С. 248 – 249.

торой буддизм к XI в. был, в основном, вытеснен с территории Индии. Правда, в процессе борьбы с буддизмом произошла коренная трансформация и брахманизма, который постепенно превратился в новую религиозную систему — индуизм. По мнению академика Г.М. Бонгард-Левина, индуизм был более приемлемым для самых различных слоев населения, потому что представлял собой своеобразный синтез религиозной традиции, впитавшей отдельные местные культы; философии, допускавшей одновременное существование многочисленных интерпретаций в виде фактически независимых друг от друга школ; сохранения и развития традиционных социальных институтов страны, прежде всего варновой системы³. Старые боги, например Индра и Варуна, отошли в тень, их место заняли менее значимые в ведийский период боги Вишну, Шива, а также такие неведийские боги, как Ганеша и Кали. Правда, помимо основных направлений индуизма — вишнуизма, шиваизма и шактизма (восходящего к древнему культу богини-матери почитания божественной энергии мужского божества, олицетворяемой его супругой-богиней) — существует огромное количество других различных верований, культов и сект. Да и сами основные направления индуизма не являются однородными.

Идеи, изложенные в священных книгах индуизма, явились своего рода фундаментом для соединения разнородных культов, вошедших в индуизм. Допускавшее политеизм учение "Бхагавадгиты" провозглашало его лишь внешней формой поклонения единому изначальному божеству — Бхагавату⁴. Правда и сейчас продолжают споры, считать ли индуизм монотеистической или политеистической религией. С одной стороны, как

---

³ Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия: История и культура. СПб.: Алетейя, 2001. С. 226.

⁴ Он же. Древнеиндийская цивилизация: Философия, наука, религия. М.: Наука, 1980. С. 297.

принято говорить, в индуизме существуют 33 *крора*⁵ богов, которых, правда, никто никогда не считал, но, тем не менее, данная гипербола свидетельствует об их невероятно большом количестве. С другой стороны, в философских школах индуизма существует концепция некоего непознаваемого, не имеющего атрибутов универсального духа. Абсолюта-Брахмана как единственной реальности и основы всего сущего.

Кроме того, осмысление индуистского пантеона как единого целого нашло свое выражение в «...появлении "триединого образа" (*тримурти*), символизирующего творение мира, его существование и гибель. Три фазы традиционной индийской космогонии были отождествлены с тремя божествами — Брахмой, Вишну и Шивой... Создание концепции *тримурти* практически означало наступление принципиально нового этапа в истории индуизма: переход от "параллельного" существования его главных течений к их синтезу. Именно с этого момента и можно говорить об индуизме как таковом»⁶. Правда, культ Брахмы так и не получил широкого распространения.

Концентрированное выражение "самой сути" индуизма провозглашает в качестве универсальных три положения: 1) признание авторитета вед; 2) веру в перевоплощение души и доктрину *кармы*; 3) существование иерархической варново-кастовой системы. Однако, как отмечает Г. фон Штитенкрон, "ни один из этих так называемых фундаментальных постулатов индуизма на самом деле не является универсальным для всех индуистских религий"⁷.

Карма (буквально "дело" или "деяние") предполагается как нечто, что можно аккумулировать и рассеивать, и представляется совокупностью поступков в настоящей и предыдущей жизнях, которые определяют

---

⁵ 1 *крор* = 10 миллионам.

⁶ *Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия: ...* С. 297 – 298.

⁷ *Штитенкрон Г. фон. Указ. соч.* С.253.

тело следующей жизни души. От предыдущей кармы зависит характер человека, его социальное положение и судьба, поскольку каждое доброе дело неизбежно ведет к счастью, а всякое зло — к несчастью⁸. Среди принципов поведения идеального индуса упоминается и насилие (*ахимса*), но "только в буддизме и джайнизме *ахимса* выступает как требование, которое должен неукоснительно соблюдать верующий. В индуизме сами источники, провозглашающие "*ахимса* есть высшая истина", дают много примеров насильственных действий"⁹.

В дополнение ко всему вышесказанному индуизм характеризуется отсутствием большинства атрибутов организованной, иерархически структурированной религии: в нем нет ни официального главы, ни единого центра, ни единого бога, ни единого основателя, ни единого священного писания, ни единого для всех ритуала.

Значительным отличием индуизма от христианства и ислама является отсутствие в нем четких догматов и символов веры. Именно это обстоятельство, а также признание множественности путей и способов постижения истины, объясняет чрезвычайную терпимость индуизма к инакомыслию. В христианстве и исламе неприятие догматов, их критика или толкование, отличающееся от утвержденного, расцениваются как ересь. В случае с индуизмом понятие "ересь" становится бессмысленным. Если христианство и ислам основное внимание уделяют контролю над мыслью, которая не должна выходить за рамки догматических установок, то индуизм на первое место ставит контроль за поведением, который осуществляется через касту и представляется более эффективным, чем контроль над мыслью. Нару-

---

⁸ Бешем А. Чудо, которым была Индия. М.: Вост. лит., 2000. С. 348 — 349.

⁹ Мезенцева О.В. Индуизм и христианство: XIX век // Межконфессиональные отношения в Южной Азии: Прошлое и настоящее: Материалы науч. конф. М.: ИВ РАН, 1998. С. 53.

шение кастовых предписаний грозит индуису не только изгнанием из касты и превращением его в презираемого всеми изгоя, но и наносит ущерб его *карме*, за что он неизбежно будет наказан в следующем рождении¹⁰.

Индуизм можно сравнить с целым комплексом зданий и строений, стоящих на разных основаниях, или даже с городом, каждый дом которого имеет свой фундамент, а не с одной отдельной постройкой. Отсутствие единого фундамента, аморфность, расплывчатость и веротерпимость индуизма, состоящего из множества религиозно-философских течений, культов, верований и сект, в значительной мере суживает возможности проявления религиозного экстремизма. Тем не менее, он находит свое выражение в коммуналистских¹¹ погромах и столкновениях (в основном между индусами и мусульманами). Правда, как отмечает А.А. Куценков, коммунизм в Индии "не связан с верой, с религией как таковой. Это превращенная форма социально-экономических и политических противоречий"¹². Хотя в индуизме и отсутствует принцип взаимосвязи религии и политики (как это имеет место, например, в сикхизме), в последнее время все больше проявляется тенденция использования индуизма в политических целях.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что такие предпосылки для возникновения терроризма, как фундаментализм, религиозная нетерпимость и религиозный экстремизм, в индуизме почти отсутствуют. Однако на практике Индия столкнулась с целым рядом

---

¹⁰ Ключев Б.И. Религия и конфликт в Индии. М.: ИВ РАН, 2002. С. 22 – 24.

¹¹ Коммунизм – индийский термин, обозначающий защиту прав одной из религиозных общин. Коммунизму руководство Индии противопоставляет политику секуляризма – светскости, которая состоит в одинаковом уважительном отношении ко всем религиям, а также равной их поддержке со стороны государства.

¹² Куценков А.А. Межобщинный конфликт: Природа, движущие силы, динамика // Южная Азия: Конфликты и компромиссы: Материалы науч. конф. М.: ИВ РАН, 2004. С. 67.

организаций, состоящих не только из последователей сикхизма, ислама, но и индуизма, которые выступают против центрального правительства страны и практикуют терроризм. Впервые терроризм пришел в независимую Индию на волне межобщинной вражды, сопровождавшей раздел страны в 1947 г. Лидер и идеолог освободительного движения Махатма Ганди 30 января 1948 г. был убит индусским фанатиком, мстившим ему за то, что тот допустил создание Пакистана. В 80-е — начале 90-х гг. Индии пришлось бороться с сикхским терроризмом в Пенджабе. В конце концов, страна вышла победителем из этой борьбы, но ей пришлось дорого заплатить за победу. Именно от рук своих сикхских охранников 31 октября 1984 г. погибла премьер-министр Индии Индира Ганди. Ее убийство было мстью за осквернение сикхской святыни — Золотого храма в Амритсаре — при проведении операции "Голубая звезда" по освобождению комплекса храма от засевших в нем сикхских террористов. С конца 80-х гг. по настоящее время не прекращается деятельность исламистских террористических группировок в штате Джамму и Кашмир.

В сентябре 2004 г. вышел указ президента Индии о поправках к закону от 1967 г. (о предотвращении) незаконной деятельности, сменивший аннулированный закон (о предотвращении) терроризма от 2002 г. В приложении к данному указу содержится перечень из 32 организаций, объявленных в Индии террористическими. Среди них 4 сикхские группы, международная террористическая сеть "Аль-Каида" и еще 11 мусульманских организаций (большинство из которых действуют в штате Джамму и Кашмир), три группировки племен (в штатах Ассам и Трипура), а остальные 13 группировок состоят из индусов. В их число входят шесть организаций народности мейтеи (действующих в штате Манипур), Объединенный фронт освобождения Ассама, две наксалитские группировки, сепаратистская организация ланкийских тамилы "Тигры освобождения Тамил

Илама" (ТОТИ), две небольшие тамильские группы и группировка выходцев из Непала, связанная с действующими там маоистами¹³.

Самой мощной среди них представляется группировка "Тигры освобождения Тамил Илама". Она включена Государственным департаментом США в перечень иностранных террористических организаций (ИТО), который составляется с 1997 г. и обновляется каждые два года. Законодательство США запрещает своим гражданам оказывать материальную поддержку или предоставлять ресурсы таким организациям. Их представителям или членам отказано во въезде в США, а счета ИТО "замораживаются"¹⁴.

21 мая 1991 г. Раджив Ганди (потерявший пост премьер-министра Индии в 1989 г.) стал жертвой "Тигров освобождения Тамил Илама", мстивших ему за отправку индийского воинского контингента на Шри-Ланку. 1 мая 1993 г. "Тиграми" был убит президент Шри-Ланки Ранасингхе Премадаса. Оба лидера погибли от взрывов тамильских террористок-смертниц¹⁵. По официальным данным, за 1983 – 2003 гг. ТОТИ убили 14 487 военнослужащих сил безопасности, 7473 гражданских лиц (25 из них иностранцы) и 70 политиков. Сами "Тигры" заявили о потере в сражениях 17 648 своих членов. Всего за двадцать лет конфликта на острове, по разным подсчетам, погибло от 46 до 60 тысяч человек¹⁶. В настоящее

---

¹³ The Unlawful Activities (Prevention) Amendment Ordinance, 2004.

http://www.satp.org/satporgtp/countries/india/document/actandordinances/the_unlawful_activities_amendord2004.htm.

¹⁴ Foreign terrorist organizations / Office of Counterterrorism. Washington (D.C.), 2004. Oct. 19.

<http://www.state.gov/s/ct/rls/fs/2004/37191.htm>.

¹⁵ Brewda J., Gurung M. Southern India, Sri Lanka terrorist groups // Executive Intelligence Review. 1995. Oct. 13. http://www.larouchepub.com/other/1995/2241_south_india_groups.html

¹⁶ Sambandan V.S. A year of peace // Frontline. 2003. Mar. 15 – 28, Vol. 20, Iss. 6.

<http://www.frontlineonnet.com/fl2006/stories/20030328000605800.htm>.

время на Шри-Ланке продолжается переговорный процесс, который начался в 2002 г. с подписанием меморандума о взаимопонимании между сепаратистами и правительством острова.

Индия вначале благосклонно воспринимала ТОТИ, особенно после антитамильских погромов на Шри-Ланке в 1983 г. С лидером "Тигров" В. Прабхакараном обходились как с союзником, ему была предоставлена вила в Мадрасе и вооруженная охрана. На юге Индии были учреждены тренировочные лагеря для тамильских боевиков с соседнего острова¹⁷.

Примерно в этот период в Тамилнаду возникают две экстремистские организации тамильских националистов, которые, как и их вдохновители ТОТИ, в своей деятельности прибегают к террористическим методам: "Тамилнадская освободительная армия" (ТОА) и "Тамильские войска национального восстановления" (ТВНВ). Несмотря на свои громкие названия, численность ТОА в лучшие для группировки времена не превышала 150 человек, а ТВНВ — 30. Они прикрывались марксистской риторикой для обоснования права тамилы на отдельную родину, которая должна состоять из Тамилнаду и районов тамилороящего населения штатов Карнатака, Андхра Прадеш, Керала и Шри-Ланки. Экстремисты провозгласили вооруженную борьбу в качестве единственного пути для достижения этой цели. Среди других своих задач ТОА называла ликвидацию "удушающей хватки землевладельцев" и создание безкастового общества¹⁸.

---

¹⁷ Francis S. LTTE and Tamil Nadu: A Nexus/ Inst. of Peace & Conflict Studies). Article № 430. 14.11.2000.

<http://www.ipcs.org/ipcs/militaryIndex2.jsp?action = showView&kValue = 849&nukutary = 101A5&status = article&mod = b>.

¹⁸ Iype G. A call for partition: The dormant demand for an independent Tamil nation gains ground. (Armed struggle is the only way). <http://www.rediff.com/news/2000/oct/10tamil.htm>.

Конечно, активность вышеупомянутых террористических групп ни в какое сравнение не идет с деятельностью ТОТИ. По отчетам полиции, за период с 1980 — 2000 гг. ТОА и ТВНВ осуществили в Тамилнаду 92 мелких взрыва бомб. Целями были в основном учреждения центрального правительства, телевизионные вышки, радиостанции, банки, железнодорожные станции и памятники общендийским лидерам. За 20 лет полиция зарегистрировала около 180 случаев контрабанды, ограблений банков, похищений людей с целью получения выкупа, совершенные различными членами ТОА и ТВНВ¹⁹. Самой громкой их акцией стало совместное с знаменитым в штатах Карнатака и Тамилнаду бандитом и контрабандистом Вираппаном похищение известного актера кино Раджкумара в июле 2000 г.²⁰ Среди требований террористов было освобождение из тюрьмы двух членов ТОА, а также троих боевиков ТВНВ, арестованных за нападение на полицейский участок в 1998 г.²¹ Хотя эти требования не были выполнены, в конце концов, через три с половиной месяца, после длительных и сложных переговоров, Вираппан освободил Раджкумара.

Сами эти группы были похожи скорее на крупные банды, чем на группировки террористов. В каком-то смысле они существовали в качестве “кастовых армий” и почти не пользовались поддержкой населения. Члены ТОА и ТВНВ были исключительно представителями *ванниаров* — одной из низких каст в Тамилнаду. После ареста в 2001 — 2002 гг. их активистов, причастных к похищению Раджкумара, можно предположить, что обе груп-

---

¹⁹ *Iype G.* A call for partition: The dormant demand for an independent Tamil nation gains ground. (Anatomy of TNLA — TNRT violence across Tamil Nadu). <http://www.rediff.com/news/2000/oct/11tamil.htm>.

²⁰ Блестящее описание 108-дневной драмы, завершившейся освобождением Раджкумара 15 ноября 2000 г., содержится в книге И.П. Глушковой: Из индийской корзины. М., 2003. С. 250 — 257.

²¹ *Subramanian T.S.* A tough bargain // *Frontline*. 2000. Sept. 2 — 15, vol. 17, iss. 18. <http://www.flonnet.com/fl1718/17181300.htm>.

пы прекратили свое существование, поскольку в настоящее время никакой их активности не наблюдается.

Помимо ассамских террористов на северо-востоке Индии действует ряд повстанческих группировок и групп, члены которых принадлежат к народности мейтеи, составляющей около 60% жителей штата Манипур. В отличие от представителей племен, проживающих в горных районах северо-востока Индии (как правило, христиан), большая часть мейтеев исповедует индуизм. Некоторые исследователи считают, что основной причиной возникновения мейтейского экстремизма и сепаратизма были социально-экономические проблемы: рост безработицы среди образованной молодежи, бедность населения, коррупция администрации, а также политическая нестабильность²².

Бросается в глаза, что в то время как больше половины объявленных вышеупомянутым указом террористических организаций, состоящих из индусов, действуют в Северо-Восточной Индии, в так называемом "поясе хинди" (т.е. там, где возник и откуда распространялся индуизм), таковых террористических группировок сейчас всего две: "Группа народной войны" и "Маоистский коммунистический центр".

Борьба с терроризмом отнимает у общества много сил и средств, и, как свидетельствует опыт Индии и Шри-Ланки, для решения этой проблемы требуются десятилетия. Активность террористических организаций развивается как бы по синусоиде: то затухая (после активных контртеррористических мероприятий властей), то вспыхивая с новой силой (после перегруппировки сил террористов). Со временем происходит дробление террористических группировок и возникновение новых небольших групп, больше похожих на банды, прикрывающихся сепаратистскими и "революционными" лозунгами для гра-

---

²² *Празаускас А.А.* Борьба за укрепление единства Индии против сепаратистских тенденций // Индия, 1983: Ежегодник. М., 1985. С. 213.

бежа, вымогательства денег и собирания "налогов". В то же время, в отличие от сикхских или мусульманских террористов, террористические группировки, состоящие из индусов, не используют лозунги защиты своей религии. В настоящее время их деятельность направлена скорее на разрешение межэтнических противоречий, чем религиозных. Например, в волне террора ОФОА против представителей хиндиязычного населения Ассамы, прокатившейся в конце 2000 г., в 8 нападениях в разных частях штата были убиты 98 человек²³. В основном, погибшие были выходцами из Раджастхана — *марвари*, которые контролируют торговлю в штате, а также уроженцами Бихара — главным образом людьми физического труда. По своей религиозной принадлежности они были индусами, а по этнической — не являлись ассамцами.

Почему же стало возможным появление террористических организаций и группировок, состоящих из индусов? Ведь индуизм не поощряет терроризм и не является идеологической основой для террористической деятельности. Более того, индуизм налагает строгие ограничения на поведение индивида в плане необходимости неукоснительного следования своей дхарме, соблюдения кастовых предписаний и исполнения кармы. Как представляется, здесь свою роль сыграла маоистская идеология (которой, в той или иной степени, придерживаются все подобные группировки). Фактически в этих организациях и группировках идеологические установки маоизма вытеснили традиционные индусские ценности, и индуизм, по большому счету, не имеет к их деятельности непосредственного отношения. Тем не менее, они существуют в его среде, рекрутируют новых сторонников среди индусов и представляют определенную опасность не только для внутривосточной стабильности в районах своего распространения, но и в некоторой степени самому индуизму.

---

²³ ULFA leader's brother shot dead, Assam Govt sounds red alert // The Indian Express. 2000. Dec. 9.

С.А. Горбунова,

доктор исторических наук

ОТРИЦАНИЕ ЛЮБЫХ ФОРМ НАСИЛИЯ КАК СУТЬ БУДДИЙСКОГО УЧЕНИЯ

Буддизм, одну из мировых религий, справедливо называют самой миролюбивой религией. Суть буддийского учения, появившегося в Древней Индии¹ и существующего уже 2500 лет, составляет отрицание любых форм насилия человека над человеком, в том числе такой изощренной его современной формы, как терроризм, приводящий к массовой гибели неповинных людей.

Проповедь ненасилия восходит к основателю этой религии Будде Шакьямуни. Первая из пяти его важнейших заповедей гласит, что нельзя уничтожать живых существ (в эту категорию включаются как люди, так и животные и насекомые). Это, следуя древнейшим установкам, — главный буддийский запрет. Вступающие в сангху, буддийскую общину, дают обет не нарушать его. Причина совершаемого зла, согласно буддийскому учению, кроется в состоянии сердца, поэтому независимо от того, преднамеренное убийство или непреднамеренное, все равно оно является уничтожением живого. Каждый верующий хорошо знает, что в соответствии с законом о перерождениях за такое злодеяние его неминуемо ждет в будущем дурная

---

¹ Буддизм возник в VI в. до н.э., а к XIII в. н.э. был практически полностью вытеснен из Индии индуизмом и исламом.

карма². Вот почему буддист по определению не может стать террористом.

Тема ненасилия получила дальнейшее развитие в начале I тысячелетия нашей эры в учении нового течения буддизма — махаяны³, распространившегося в странах Дальнего Востока. В результате сформировались его региональные направления: китайское, корейское и японское. В мировоззрении махаяны, главным образом в аспекте борьбы добра со злом, особый акцент был сделан на миссии Бодхисаттвы⁴. Сутью его пути, выражающимся в выполнении закона Будды, стала жертвенность, а именно отказ при достижении просветления от вхождения в нирвану⁵. Вместо этого Бодхисаттва, которому присущи гуманность, добровольное наложение на себя определенных обязательств, чувство долга, способность к созерцанию, выбирает себе место между Буддой и людьми, имея возможность вторгаться в сансару⁶ и бороться со злом. Все эти аспекты нашли отражение в важнейших махаянских сутрах⁷. Например, в

---

² Карма (санскр.) — деяние, влияние поступков на форму настоящего и последующего существований живых существ.

³ Махаяна (санскр., кит. да чэн) — дословно большая колесница.

⁴ Бодхисаттва (кит. пуса) — дословно тот, чья сущность — совершенное знание.

⁵ Нирвана (санскр.) — угасание, освобождение от оков эмпирического бытия, состояние отсутствия желаний, совершенной удовлетворенности и самодостаточности, абсолютной отрешенности от внешнего мира.

⁶ Сансара (в дословном переводе с санскрита — блуждание, круговорот, переход из одного состояния в другое) в буддизме означает бытие, которое связано со страданиями и перерождениями живых существ. Сансаре противопоставляется нирвана — отсутствие желаний, угасание страстей. См.: Буддизм: Словарь. М., 1992. С. 192, 222.

⁷ Санскритский термин сутра происходит от корня, обозначающего "основу ткани" (уток). В соответствии с этим сутры — это тексты, составляющие основу религиозной традиции. В китайском языке "цзин" также означает основу ткани, поэтому перевод на китайский язык сутры, как "цзин", этимологически точен. Первые сутры (сутты) были написаны на языке пали — одном из переходных диалектов от санскрита к хинди. "Согласно учению махаяны

"Большой сукхавативьюха сутре". Данная сутра является одной из трех сутр, почитаемых последователями школы Чистой Земли (кит. *Цзинту*). В Китае, на второй родине буддизма, она называется "Сутрой Амитаюса" (кит. *Уляншоу цзин*). Вот как в ней раскрывается смысл земного служения Бодхисаттвы: "Практикуя путь [Бодхисаттвы⁸], они явили следующие деяния. Следуя желаниям мирских людей, они силою мудрости и сосредоточения укротили армию Мары⁹, обрели тонкую и чудесную дхарму, свершили наивысшее истинное просветление... Они смягчали нравы живых существ, провозглашали им чудесные принципы, накапливали заслуги и добродетели, являли [живым существам] поле счастья... Их сознание постоянно было сконцентрировано на путях спасения мирских [существ]"¹⁰.

Действительно в те общества, где адаптировался буддизм, он нес дух милосердия и ненасилия. Не случайно китайские императоры на протяжении веков от династии Хань до династии Цин рассматривали буддизм как средство для смягчения нравов своих подданных.

Вместе с тем для положения сангхи на протяжении всей династийной истории, особенно последнего периода династии Цин, в целом была характерна как региональная замкнутость, так и отстраненность от жизни общества. Морально-нравственные принципы буддизма вплоть до второй половины XIX в. были известны только в Азии, да и там религиозная жизнь не выходила за рамки храма и монастыря. Затем начался процесс

сутры не являются текстами, которые создаются людьми. Как и учение Будды, сутры существуют вне времени и пространства. Способность живых существ воспринимать сутры обусловлена их кармой. Последователи махаяны верят, что тексты сутр являются записью подлинных слов Будды, хотя они появились почти через пятьсот лет после нирваны Будды" (Избранные сутры китайского буддизма. СПб., 1999. С. 3, 220).

⁸ Со временем появился целый пантеон бодхисаттв.

⁹ Мара (санскр.) — божество, олицетворяющее зло.

¹⁰ Избранные сутры китайского буддизма. С. 93, 95, 97.

преодоления региональной, общинной и общественной изоляции буддизма. Он стал поворачиваться лицом как к общественной жизни внутри страны, так и к западному миру. Этому способствовали открытия западноевропейских ученых, в результате которых в их распоряжении оказались древние тексты, содержавшие буддийское учение. К концу XIX — началу XX вв. появились их переводы на немецком, французском, английском и русском языках. По сути дела с этого времени буддизм был признан в качестве мировой религии. Миролюбие, гуманность, отрицание насилия — вот черты этого религиозного учения, которые привлекали выдающихся деятелей мировой культуры. Например, они оказали определенное влияние на мировоззрение Л. Толстого. Буддийские ценности противопоставлялись дегуманизованному миру в произведениях лауреата Нобелевской премии швейцарского писателя Г. Гессе.

Большой вклад в расширение ареала проповеди буддизма в конце XIX — первой половине XX в. внесли реформаторы из числа последователей этой религии — "отец возрождения" китайского буддизма мирянин Ян Вэньхуэй и его ученик монах Тай Сюй.

Именно Тай Сюй (1890 — 1947) посвятил свою жизнь распространению и популяризации буддизма в Китае и за рубежом, а также разработке идеи поворота китайского буддизма к проблемам общества. Его теория "Буддизм в жизни человека", по сути дела, стала примером современной интерпретации буддийского учения. Проблему социально ориентированного буддизма он толковал в духе буддийского универсализма. С одной стороны, Тай Сюй считал, что буддизм может служить не только отдельному социуму, но и всему человечеству. С другой — он также утверждал, что невозможно преобразовать мир политическими действиями и насильственным путем, если человек не изменится изнутри. По мнению Тай Сюя и его последователей, главной чертой буддизма является "осознание" (кит. цзюэ) тем, кто достиг "пробуждения" (просветления), взаимосвя-

симости индивида и окружающего мира, страданий всех живых существ. Второй чертой буддизма мыслилось самоотожествление индивида с окружающим миром. И, наконец, третьей чертой считалась настоящая необходимость действия, в том числе в общественно-политической сфере. Теория Тай Сюя в середине XX в. была развита его последователем и учеником монахом Ин Шунем, который назвал расширенную версию концепции своего учителя "Буддизм в жизни людей". Она не потеряла своего значения не только как часть религиозного наследия, но и в последнее время приобрела новый смысл, став программой деятельности современных буддистов Тайваня и КНР.

Тай Сюй по-своему трактует серьезную религиозно-философскую проблему веры и разума. По его мнению, суть буддизма состоит в том, чтобы действительно соответствовать современной жизни. С тем, чтобы человеческая жизнь приобрела разумный характер, необходимо изучать и практиковать буддизм, поскольку Будда учит человека соблюдению обетов, самосовершенствованию, подавлению волнений и ведет человечество к разумной жизни. Оно может идти сообща, если движимо моралью. Если же руководствуется обманом, развратом, соперничеством, убийством, то не может следовать моральным путем¹¹.

Под влиянием европейской теоретической мысли Тай Сюй приходит к выводу о том, что разумные идеи и моральные поступки могут содействовать прогрессу человечества. Это дорога благородного мужа, а именно современный путь Бодхисаттвы. Если же стремиться к прогрессу на более высоком уровне, то это — стезя великого мудреца, т.е. Будды. В этом налицо стремление Тай Сюя соединить обыденное и религиозное сознание. Пути Будды и Бодхисаттвы, по его мнению, не являются мистическими. Они означают, что жизнь человечества

---

¹¹ Тай Сюй цзи = Произведения Тай Сюя. Пекин, 1995. С. 247 – 248.

продвинулась к определенной ступени мудрости. И вновь подчеркивает, что в любом человеческом обществе изменение жизни людей в сторону разума и морали ведет его к прогрессу. Это и составляет, по мнению Тай Сюя, подлинную сущность буддизма¹², вернее нового буддизма, в предложенной им теории "Буддизм в жизни человека".

Главной целью теории "Буддизм в жизни человека" являлось широкое распространение буддизма среди людей в качестве наиболее приемлемого для современного общества вероучения. Теоретические разработки Тай Сюя и их практическое воплощение внесли серьезный вклад в развитие китайского буддизма в XX столетии. Новизна его учения состояла в том, что он сформулировал необходимость создания новых моделей буддизма, соответствовавших динамике общественного развития. Он хотел извлечь, по его мнению, лучшее из религиозной традиции и предложить в адаптированном виде современному обществу. Тай Сюй стремился говорить с миром на понятном для него языке, распространять свет буддийского учения, а не закрываться в ограниченном мирке храма или монастыря, поэтому он предложил свое понимание взаимодействия буддизма с обществом.

Главный смысл теории "Буддизм в жизни человека" Тай Сюй видел в том, что она может оказать благотворное влияние на нравы в государстве и на бытие отдельного человека¹³. Идеи Тай Сюя имели отчетливую общественную направленность. В соответствии со своим мировоззрением он полагал, что, распространяя буддизм в человеческом обществе, можно улучшить общественный строй и культуру, увеличить благосостояние человечества. На основании этого он делал вывод о том, что "Буддизм в жизни человека" ведет к полноте жизни. Трактую смысл названия предложенной им теории, он

---

¹² Там же. С. 248.

¹³ Там же. С. 371.

говорил о том, что в узком смысле оно означает жизнь всего человечества. В широком смысле слова можно сказать, что человек это и есть все человечество¹⁴. Для него очевидно, что человеческая жизнь, как часть общества, и религия, как проповедь, должны иметь своей целью заботу о современной общественной демократии, свободе, равенстве, что даст возможность повернуть традиционный буддизм в сторону современного западного гуманизма.

Тай Сюй живо откликнулся на важнейшие проблемы человечества первой половины XX в. Он тяжело переживал все страдания, которые несла людям Вторая мировая война. В то время президент США Франклин Рузвельт спросил Тай Сюя, совершавшего миссионерскую поездку по Америке: "Каким же образом человечество может жить в мире?" На это Тай Сюй ответил: "Милосердием не "Я", анатмана, (кит. у во), поскольку "Я" (кит. во) — первопричина всех конфликтов"¹⁵. Иными словами, он видел зло в личном эгоцентризме, отказ от которого предлагался им в качестве метода, с помощью которого можно избежать как внутреннего разрушения личности, так и войн, и междоусобиц. В период Второй мировой войны, самой разрушительной и жестокой войны XX в., он проповедовал любовь и братство между людьми.

В августе 1946 г. Тай Сюй несколько утопично рассуждал о том, что "человечество, испытав мучения прошедшей мировой войны, стремится к общественному спокойствию, к миру во всем мире, к тому, чтобы как можно дольше не испытывать ее бедствий"¹⁶. И далее он подчеркивал, что с развитием науки создаются новые виды вооружения. При таком положении отказ от морали в государственном управлении может нанести истинный вред человечеству и сделать невозможным

---

¹⁴ Там же. С. 247.

¹⁵ Фа инь = Голос дхармы. 2000. № 5. С. 13.

¹⁶ Тай Сюй цзи. С. 247.

успех распространения религиозной нравственности. Альтернативу этому он видел в том, что буддийское вероучение может оказать глубокое воздействие на мораль в реальной жизни человечества. В соответствии с этим наука не будет использоваться в военных целях для убийства людей, что должно содействовать длительному миру во всем мире¹⁷.

В 40-е гг. во время одной из своих миссионерских поездок на о. Цейлон у Тай Сюя произошла важная встреча со знатоком палийского канона доктором Г.П. Малаласекерой. Вместе они стали вынашивать идею образования международной буддийской организации, борющейся за мир. В 1950 г., уже после смерти Тай Сюя, Малаласекере удалось реализовать ее, создав Всемирное братство буддистов.

Буддизм — самая древняя из всех мировых религий — в наши дни имеет сотни миллионов последователей. Только в КНР их насчитывается около 100 миллионов.

Вот как определяет миссию буддизма в современном мире представительница молодых китайских буддистов, монахиня Го Чэ. Это распространение буддийского духа милосердия, развитие благотворительности с тем, чтобы нести облегчение как обществу, так и отдельному человеку. В XXI в. под влиянием западной модернизации усиливается тенденция более высокого развития материальной культуры, вследствие чего люди стремятся к богатству, семейному благополучию. Все это не может, в конечном итоге, не привести к углублению дифференциации в обществе. Иными словами, пропасть между богатыми и бедными людьми, равно как и между богатыми и бедными государствами, усугубится. В этом кроется причина различных конфликтных ситуаций. Средства массовой информации ежедневно свидетельствуют о том, как много людей попадает в беду, а о скольких несчастных вообще ничего неизвестно. При таком положении современного общества,

---

¹⁷ Там же.

чтобы облегчить страдания людей, делает вывод Го Чэ, последователям буддизма необходимо развивать благотворительность¹⁸.

Современный буддийский теоретик и общественный деятель мирянин Чэнь Синьцяо, в соответствии с заветами Тай Сюя, считает, что последователи буддизма должны проявлять активность в общественной жизни, служить людям. Главное внимание в настоящее время должно быть обращено на человека, на всестороннее развитие личности, а именно на воспитание таких качеств как добродетель (кит. *гэ*), мудрость (кит. *чжи*), физическое здоровье (кит. *ти*), эстетический вкус (кит. *мэй*), трудолюбие (кит. *лао*). Чэнь Синьцяо в аспекте общественных ценностей приводит трактовку буддийского понимания *добродетели* как любви к Родине, учебе, как безупречную религиозную честность и воспитание; *мудрости* как религиозной образованности и знания доктрины; *физического здоровья* как сочетания физического и телесного здоровья; *эстетического воспитания* как любви к буддийской литературе, архитектуре, музыке, искусству; *трудолюбия* как правила традиционного чаньского¹⁹ буддизма — "день без работы — день без еды"²⁰.

Внедрение буддийских ценностей в общество и в жизнь отдельного человека особенно важно, поскольку для эпохи конца дхармы²¹ (кит. *мо фа*), в которую, согласно учению махаяны, вступило человечество, характерны пять загрязнений (кит. *учжо*). Первое выражается в том, что постоянно возникают войны, болезни и природные бедствия. Второе, а именно "загрязнение взглядов", состоит в том, что мир полнится ложными учениями и извращенными идейными системами.

¹⁸ Фа инь. 2003. № 5. С. 3.

¹⁹ Школа Чань — самая китаизированная школа буддизма, существующая с древних времен. Основывается на практике медитации (санскр. дхьяна, кит. чань).

²⁰ Фа инь. 2000. № 5. С. 12 — 13.

²¹ В данном контексте — первичный элемент бытия.

Третьим признаком является то, что живые существа омрачены алчностью, гневом и неведением. Четвертое, "загрязнение живых существ", характеризуется тем, что тела живых существ изнурены болезнями и уродствами, а их сознание ограничено, слабо и непостоянно. Пятое, "загрязнение жизни", приводит к тому, что срок жизни живых существ уменьшается²². Следуя этой буддийской логике, к категории глобальных "загрязнений" можно отнести и терроризм. Гуманность и милосердие буддизма прямо противоречат мрачной и циничной человеконенавистнической психологии террористов. Ведь сама суть буддийского учения — отрицание любых форм насилия. Современный смысл запрета не убивать живого трактуется следующим образом: чем больше людей его соблюдает, тем безопасней жизнь общества и отдельного человека. К убийству относят самоубийство, побуждение другого человека к убийству, а также участие в групповом убийстве²³, т.е. терроризм. Буддисты верят, что Бодхисаттва Гуаньшинь, особо почитаемый в дальневосточной традиции буддизма, слышит плач страдальцев этого мира, в том числе и современных жертв терроризма. Хотя голоса последователей этой религии теряются в общем хоре политиков и идеологов, осуждающих террор, однако позиция их четко и ясно очерчена — это неприемлемость насилия в решении конфликтных ситуаций. Морально-этические принципы, которым следует каждый буддист, не только исключают факт участия в террористических актах, но и определяют негативное отношение к ним.

---

²² Избранные сутры китайского буддизма. С. 89—90.

²³ Дандай чжунго цзунцзяо цзиньцзи = Религиозные запреты в современном Китае. Пекин, 2001. С. 35.

А.М. Васильев,

член-корреспондент РАН

ЕГИПЕТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Утром 17 ноября 1997 года шесть вооруженных египтян стали в упор — без разбора — стрелять в иностранных туристов в Луксоре. Двое полицейских, оказавшихся рядом, не имевших ни оружия, ни средств связи, были убиты почти сразу. В течение сорока пяти минут шестеро убийц добивали выстрелами и ножами еще шевелившихся и стонавших женщин, мужчин и детей. Когда, наконец, сюда стали подтягиваться наряды полиции, террористы бежали и спрятались в пещере. Их заметил кто-то из гидов и указал место укрытия. В перестрелке все шестеро были убиты. Они оказались членами экстремистской религиозной организации "Аль-Гамаа аль-исламийя" ("Исламская ассоциация").

На месте кровавой бойни осталось пятьдесят восемь трупов туристов и двух полицейских.

Казалось, никто и никогда не найдет слов оправдания подобной подлой, безмерной жестокости.

Но вскоре корреспондент немецкого журнала "Шпигель" встретился с одним из лидеров "Аль-Гамаа аль-инсламийя" инженером (!) Абу Хамза аль-Масри, жившим тогда в Лондоне.

Вот их диалог.

Вопрос. Члены "Аль-Гамаа аль-исламийя" убивают в Египте рядовых жителей, полицейских, туристов. Почему во время этих нападений вы не щадите ни к чему не

причастных иностранцев? Туристы приезжают не как враги вашей родины, они обеспечивают рабочие места и восторгаются памятниками египетской истории.

Ответ. Мы предостерегли всех туристов. Они нежелательны здесь Их деньги греховны. Это деньги людей, ведущих распутную жизнь и намеревающихся распространить свои пороки и в исламском мире.

Вопрос. Откуда у вас эти беспочвенные обвинения?

Ответ. Беспорядочные половые сношения и вытекающее из этого распространение СПИДа среди мусульман, втягивание в разврат детей, постыдные азартные игры и другие пороки Запада — это оружие, предназначенное для борьбы с исламом.

Вопрос. Большинство посетителей лишь хотят полюбоваться египетскими памятниками.

Ответ. Это лишь еще один кульминационный пункт в антиисламской деятельности. Восторг, проявляемый чужаками в отношении Египта, преследует цель увековечения постыдной памяти о фараонских идолопоклонниках. Уже в Коране записано, что фараоны были врагами человечества.

Вопрос. Почему вы не пропагандируете свои цели демократическими методами?

Ответ. Мы не попадаемся на удочку так называемых демократий. Это означало бы, что мы подражаем безбожному Западу и ставим себя в зависимость от выборов и настроений... Демократический принцип вводит в заблуждение, потому что он признает не волю Аллаха и его правосудие, шариат, в качестве высшего руководящего принципа, а волю большинства населения. Всемогущество Бога здесь исключается.

Вопрос. Значит, мусульмане, выступающие против насилия, — это плохие мусульмане?

Ответ. Мы с самого начала говорим без всяких демагогических вывертов, что отвергаем враждебный Богу принцип демократии.

Вопрос. В чем состоит цель "Аль-Гамаа аль-исламийя" и подобных ей организаций в Алжире?

Ответ. Создание государства Аллаха, в котором правит один только Коран. Наши бойцы будут наносить удары до тех пор, пока не исчезнут богохульники.

Вопрос. Являются ли Иран и Судан теми, кто прокладывает путь исламским воителям Бога?

Ответ. Иран является шиитским государством. Шииты — это введенные в заблуждение мусульмане, подчиняющиеся Вали аль-факиху, мнимому заместителю Аллаха. А в Судане, хотя тот и пытается служить исламу во всем мире, тамошний духовный лидер Хасан Абдалла ат-Тураби в интересах сохранения власти был бы готов даже к переговорам с Египтом. Мы не вступаем в союз с хамелеоном.

Вопрос. И в результате у вас нигде в мусульманском мире нет никакой опоры?

Ответ. Система "Талибан" в Афганистане больше всего соответствует нашим представлениям, хотя у нее есть еще много недостатков. Тысячи наших приверженцев имеют в Афганистане не только свою духовную родину.

* * *

В Египте идеям "Аль-Гамаа" сочувствовали десятки тысяч людей, и жестокий и подлый теракт в Луксоре вряд ли изменил их убеждения. Но активистов в организации было несколько тысяч. И лишь десятки из них были готовы пойти на убийство, тем более — невинных людей.

Пропагандисты из "Аль-Гамаа" вливали по капле в сердца обездоленных, лишившихся надежды, ненависть к "продажным властителям", которые, вместо того, чтобы думать о своем народе, как говорилось в одной из листовок этой организации, "ползают на брюхе перед Западом, нечестивым, жестоким, эксплуатирующим арабскую землю, вступившим в сговор с Израилем".

Сторонники "Аль-Гамаа" ненавидели общество, в котором жили, завидовали тем, кто достиг материального благополучия, получил хорошее образование или имел возможность путешествовать. На телевизор — духовный наркотик для большинства — руководство ассо-

циации наложило табу для рядовых членов организации: они не должны смотреть греховные передачи. В узком кругу единомышленников и друзей они черпали поддержку — и духовную, и материальную, — избавляясь от чувства социальной неполноценности. Их врагами были Запад, Израиль, свои "немусульманские правители", египтяне-копты. Приверженцы "Аль-Гамаа" искренне верили, будто врачи-христиане намерены сократить численность мусульманского населения с помощью противозачаточных средств и что иностранные туристы — это идолопоклонники.

И в 80-е, и в 90-е годы президент Мубарак действовал в невыносимо трудной обстановке. Социальные противоречия и экономический застой, продолжавшийся вплоть до начала 90-х годов, стимулировали рост религиозной оппозиции. "Братья-мусульмане" на относительно свободных выборах набирали все больше голосов. Американизация или "левантизация" жизни "верхов", отталкивала подавляющее большинство населения, хотя во внешней политике Каир вынужден был ориентироваться на США. Дело освобождения оккупированных Израилем территорий Палестины откладывалось в долгий ящик.

И все же в 80-е годы террористических актов на религиозной почве в Египте почти не было. После разгрома религиозно-экстремистской организации "Ат-Такфир уаль-хиджра" и казни части боевиков из "Аль-Джихада", участвовавших в убийстве президента Саада и заключения в тюрьму других, казалось, что игра правительства в кошки-мышки с религиозной оппозицией позволяла поддерживать неустойчивый политический баланс. Экстремистские группировки множились, но они еще не решались бросить вызов правительству.

Трудно сказать, почему 1992 год стал переломным. То ли потому, что "Братья-мусульмане", самая массовая фундаменталистская организация, вновь были фактически загнаны в подполье. То ли за годы экономического застоя социальное недовольство достигло критической

точки и, несмотря на успешные экономические показатели первой половины 90-х годов, выплеснулось в виде актов насилия. То ли сообщения из других стран подтолкнули боевиков к более активным выступлениям. Как раз в январе 1992 года в Алжире военные отменили результаты выборов, принесших исламистам победу, что породило ползучую гражданскую войну в этой стране.

Самая активная из экстремистских организаций Египта — "Аль-Гамаа аль-исламийя" — родилась в 80-е годы в результате слияния, точнее, соглашения о сотрудничестве нескольких групп. Самой влиятельной из них была организация "Аль-Джихад", основанная в 1980 году электриком Абдель Салямом Фарагом. Именно ее члены убили Садата в октябре 1981 года. Фараг был вдохновлен работами Сейида Кутба, теоретика "Братьев-мусульман", погибшего в насеровской тюрьме. Фараг и его последователи пошли дальше, чем их учитель. По их убеждению, твердое желание государства расправиться с исламистскими активистами означало, что любые действия против него напрасны, если только они не направлены на свержение правительства силой.

Духовным лидером движения стал шейх Омар Абдель Рахман. После оправдательного приговора по делу о его участии в убийстве Садата он не ослабил пыла своих проповедей. Американский суд доказал, что именно он вдохновил группу мусульманских боевиков на взрыв в здании Всемирного торгового центра в Нью-Йорке — второго по высоте небоскреба в Соединенных Штатах — и отправил его в заключение на несколько лет (11 сентября 2001 г. он встретил в тюрьме). Впрочем, реальный авторитет шейха внутри Египта был значительно меньше, чем утверждали западные средства массовой информации. Набор лозунгов и идей, вдохновлявших молодых исламистов, был достаточно прост, чтобы обойтись и без этого вероучителя.

Принципы построения организационной структуры "Аль-Гамаа" были почерпнуты из опыта подпольных тоталитарных партий: не связанные друг с другом ячейки,

через своих лидеров выходящие на ее более высокие руководящие органы. Уже поэтому "Аль-Гамаа аль-исламийя" не могла стать массовой организацией, но ее структура до поры до времени позволяла готовить и эффективно осуществлять террористические акты. Активную роль в "Аль-Гамаа аль-исламийя" с некоторых пор стали играть так называемые "афганцы".

Афганистан в 80-е годы стал мощным катализатором фундаменталистских и экстремистских движений в мусульманском мире. Тысячи добровольцев из многих мусульманских стран влились в ряды афганской оппозиции. Большинство из них работали в школах, больницах, гуманитарных организациях. Несколько тысяч принимали участие в боевых действиях против советских и правительственных войск. В рядах вооруженной афганской оппозиции были и саудовский миллиардер Усама бен-Ладен. ЦРУ финансировало (вместе с Саудовской Аравией), вооружало и обучало исламистских боевиков в Афганистане, не сознавая, что возвращает своего рода коллективного Франкенштейна, который позднее обратит оружие и против США.

После вывода советских войск из Афганистана тысячи "арабских афганцев" стали возвращаться в Алжир, Египет, Тунис, Судан, Саудовскую Аравию. Прощедшие военную подготовку и обстрелянные в боях, пропитанные воинствующим исламистским духом, не умеющие ничего делать, кроме как воевать, они стали костяком экстремистских группировок. После переворота в Судане в 1989 году и установления исламистского режима здесь были созданы лагеря для подготовки мусульманских экстремистов. Оттуда тайными тропами перебрасывались в Египет боевики и оружие.

Президент Мубарак назвал "афганцев" "глобальной террористической угрозой стабильности египетского правительства".

Война мусульманских террористов против египетского общества и правительства началась в 1992 году. Жертвами первого прогремевшего на всю страну тер-

акта в мае 1992 года стали 13 коптов из одного селения в Верхнем Египте.

В течение почти семи лет по всему Египту боевики нападали на полицейских и коптов, взрывали банки и автобусы с иностранными туристами, расправлялись с неудобными светскими интеллектуалами. Летом 1992 года в центре Каира боевиком из "Аль-Гамаа" был убит публицист Фараг Фода, снискавший известность едкими антиисламистскими статьями в журнале "Маю". Спустя два года нобелевского лауреата, патриарха египетской литературы восьмидесятитрехлетнего Нагиба Махфуза ударил ножом в шею другой исламистский боевик. Рана оказалась несмертельной, писатель выздоровел, но после этого стал ездить только в сопровождении вооруженной охраны, предоставленной ему полицией.

Число терактов, совершенных боевиками, росло. Были убиты председатель парламента, несколько высших полицейских чинов, совершены покушения на премьер-министра, министров информации и внутренних дел, несколько раз совершались покушения на президента Хосни Мубарака. Группа египетских боевиков в 1995 году напала на кортеж Мубарака, когда он проезжал по столице Эфиопии Аддис-Абебе. Нити заговора вели в лагеря террористов в Судане. Две соседние страны оказались на грани войны. По всему Египту боевики взрывали банки, нападали на автобусы с туристами и вели бои с силами безопасности. Одно время боевики хозяйничали даже в некоторых многонаселенных кварталах Каира, творя свое правосудие, создавая альтернативные органы власти, не допуская туда полицию. Для официальных властей экстремисты были "хулиганскими элементами ислама". Но эмоциональный призыв уничтожить их, "как крыс", таил в себе печать двусмысленности: никакими усилиями, никакими средствами нельзя вывести крыс, обитающих в нечистотах большого города.

Особенно активно экстремисты действовали в Верхнем Египте. Бронетранспортеры с вооруженными полицейскими патрулировали улицы. У полицейских уча-

стков, государственных учреждений, банков за укрытиями из мешков с песком дежурили в касках вооруженные солдаты. В городе действовали контрольно-пропускные пункты. Редкие роскошные круизные суда еще плавали по Нилу, на них можно было видеть европейцев, любующихся красотами нильских берегов в совершенно неуместном для Египта виде — в купальниках. Туристов сопровождали патрульные суда с крупнокалиберными пулеметами.

В окрестных селениях были построены сторожевые вышки, а на дорогах встречались полицейские в бронжилетах и с собаками. Особенности здешней местности помогали террористам: заросли кукурузы или сахарного тростника, в которых легко скрыться, гористый ландшафт, пещеры в скалах.

Против мусульманских террористов власти использовали репрессии. Но одновременно они пытались создать благоприятную атмосферу для капиталовложений и экономической активности. После десятков лет небрежения Верхний Египет оказался менее обеспеченным, чем вся остальная бедная страна. Доход на душу населения составлял примерно от трети до половины того же показателя в среднем по Египту. Детская смертность, неграмотность и безработица были выше, чем в других его регионах. Безработица больше была по выпускникам университетов, и именно из них экстремистские организации черпали кадры наиболее непримиримых, фанатичных боевиков. Именно в Асьютском университете в 70-е годы была создана "Аль-Гамаа аль-исламия". Когда президент Садат был убит, вооруженные боевики пытались поднять восстание в Асьюте, но были разгромлены. Именно оттуда вышли луксорские убийцы. Трагедия заключалась в том, что порочный круг насилия, безработицы и нищеты было трудно разорвать. Чем меньше безопасности, тем меньше капиталовложений, тем глубже нищета, тем лучше питательная среда для экстремизма, в том числе насилия, и опять-таки меньше безопасности и меньше инвестиций. Но тех, кто прибегал к насилию, это не волнова-

ло. Их лозунг — чем хуже, тем лучше. Чем хуже будет экономическое положение Египта, тем хуже будут жить египтяне, тем быстрее экстремисты рассчитывали свергнуть "антиисламистский режим" и установить "исламскую справедливость", "исламское правительство".

Многочисленное коптское меньшинство в Верхнем Египте было объектом ненависти для фанатиков. Христиане жили несколько лучше мусульман и были более образованными. Насилию экстремистов они противопоставили свои вооруженные отряды. Объективно они были опорой правительства, но власти вынуждены были как бы держаться от них на расстоянии, чтобы не добавит аргументов для пропаганды "Аль-Гамаа".

В начале 1996 года прогремел взрыв в египетском посольстве в столице Пакистана, устроенный исламистом-камикадзе. Ответственность приняла на себя организация "Аль-Джихад". В своем коммюнике она утверждала, что ее активисты готовы жертвовать собой, потому что правительство не оставляет им других возможностей, чтобы добиться перемен. «Взгляните на "Братьев-мусульман", — говорилось в коммюнике "Аль-Джихада". — В качестве вознаграждения за то, что они, действуя законными методами, играют в игру, навязанную правительством, они брошены в тюрьму, и их дела переданы в военные трибуналы». За несколько месяцев до этого теракта накануне выборов в парламент было арестовано и осуждено более полусотни религиозно-политических деятелей, связанных с "Братьями-мусульманами".

Насилие порождало насилие. Теракты дали правительству предлог и стали оправданием для продления закона о чрезвычайном положении и для репрессий. Силы безопасности в Верхнем Египте бульдозерами сносили дома подозреваемых, вводили комендантский час в беспокойных селениях, арестовывали десятки людей, подвергали их пыткам.

В апреле 1994 года руководитель военного крыла организации "Аль-Гамаа аль-исламийя" Талаат Ясин

Хамам был убит полицией. Спустя некоторое время такая же участь постигла сменившего его на этом посту Ахмеда Хасана Абдель Халиля. Но, как у мифологической гидры, у военной организации вырастали все новые головы. Правда, между ними началось соперничество.

Если в конце 80-х годов исламисты, составлявшие львиную долю всех политических заключенных в стране, были почти исключительно выходцами из Верхнего Египта, то в начале 90-х в тюрьму попадали жители всех ее регионов. Если раньше они более или менее соответствовали стереотипу "бедного, безграмотного и бородастого крестьянина", то в 90-е годы за решетку попадали лица всех сословий и профессий, включая журналистов и врачей. Тот, кто проводил несколько лет в тюрьме, выходил на свободу или сломленным физически и морально, или убежденным озлобленным противником правительства, отпетым фанатиком.

Светски настроенные египетские интеллектуалы, сторонники демократии, защитники прав человека и упорядоченного судопроизводства, криво усмехались, наблюдая за нарушением властями судебных процедур и законности в стране, и не устраивали по этому поводу шума. В конце концов, с режимом Мубарака они могли ужиться, но смириться с триумфом исламистов — никогда.

Мубарак и его советники на примере Алжира и на собственном опыте поняли: полицейские репрессии и военные трибуналы — лишь часть борьбы с религиозной вооруженной оппозицией. Нужно было лишить экстремистов социальной базы, убрать их сторонников из важных государственных институтов и общественных организаций, хоть как-то улучшить положение низов. Было приторжено выполнение требований Международного валютного фонда об отмене субсидий на ряд товаров первой необходимости. Власти начали устанавливать контроль над негосударственными мечетями и изгонять оттуда исламистов. В тысячах таких мечетей появились официальные проповедники на зарплате из государственного бюджета. Более тысячи учителей,

пропагандировавших исламистские взгляды, были удалены из школ. С помощью правительства и судов деятели со светскими убеждениями восстановили контроль над профсоюзами медиков, инженеров, адвокатов.

За семь лет необъявленной войны между исламистами и египетским правительством было убито более 1300 человек, в основном мирных жителей. По приговору военных трибуналов более ста боевиков было повешено, тысячи были приговорены к пожизненному заключению или к длительным срокам тюрьмы.

И все же эти цифры, какими бы мрачными они ни были, составляли лишь среднемесячную "норму" убийств в Алжире. Уровень жизни египтян был ниже, чем в Алжире, социальные контрасты резче. Но, видимо, и миролюбивый характер египтян, и традиционная сила государственной машины, и в целом неподходящие для партизанской войны природные условия, и меры социальной помощи "низам" — все это не позволило разгореться гражданской войне.

Закрытая структура "Аль-Гамаа аль-исламийя" — элемент ее силы — оборачивалась слабостью. Дело не только в том, что эта организация не смогла возглавить массовое движение. Ее децентрализация породила соперничество руководителей на местах, а агенты спецслужб стали проникать в ее ряды. Отнюдь не гармонично складывались отношения между эмигрантами и теми, кто находился внутри Египта. За границей легче было призывать к убийствам и самопожертвованию. Те, кто жил в Египте, несли тяжесть риска и репрессий, поэтому были больше склонны к компромиссу. В 1997 году наметился раскол между внутренними и внешними руководителями "Аль-Гамаа аль-исламийя".

В июле 1997 года на заседании военного трибунала один из обвиняемых зачитал драматический призыв к властям находившихся в тюрьме руководителей "Аль-Джихада" и "Аль-Гамаа" "установить перемирие", "прекратить вооруженные действия на территории страны

и за ее пределами" и "перестать публиковать заявления, подстрекающие к вооруженным действиям". Это обращение предусматривало как минимум прекращение казней арестованных террористов и приостановку полицейских репрессий.

Террористические акты как будто бы шли на убыль. Число туристов, приезжавших в Египет, росло. Казалось, что безопасность возвращается на улицы египетских городов и в селения Верхнего Египта. Видимо, полиция потеряла бдительность и проявила халатность. И вот в сентябре 1997 года террористы забросали зажигательными бомбами туристский автобус рядом с Национальным музеем на площади Ат-Тахрир в центре Каира, оставив десять обугленных трупов, — девяти немцев и одного египтянина. Среди нападавших были два брата Фарахаты. Один из них в беседе с репортером заявил, что хотел бы "убить сто евреев", чтобы отомстить за плакат, на котором пророк Мухаммед был изображен в виде свиньи. (Этот плакат одна еврейка вывесила в Хевроне в июне.) Но террорист не жалел, что под руку попались немцы. Братья Фарахаты и их сообщник были одиночками и не принадлежали ни к одной исламистской группировке. Однако их безумная жестокость, непробиваемый фанатизм, граничащий с сумасшествием, легкость, с которой они добыли контрабандное оружие, говорили о глубоких корнях явления и об опасности для общества.

Но, видимо, боевики или их руководители за рубежом чувствовали, что теряют почву под ногами, поэтому и решились на отчаянный шаг. Последовала бойня в Луксоре. Была ли это инициатива руководителей местных ячеек в Верхнем Египте или пружины преступления находились за границей — сказать трудно. Во всяком случае, после ноября 1997 и до осени 2004 г. громких терактов в Египте не было.

Члены "Аль-Гамаа" и им сочувствующие отнюдь не признают своих боевиков "террористами". Они борцы за веру, мученики, почти святые...

Слова "террорист", "террор" стали расхожими в лексиконе политиков, средств массовой информации и простых граждан.

Вспомним историю и немного порассуждаем.

В 1881 году был убит президент США Джеймс Гарфилд. В том же году русский террорист взорвал царя-освободителя" Александра II. Русские "демократы" тогда написали открытое письмо, осуждавшее убийцу Гарфилда и — между строк — оправдывавшее убийцу Александра II: "В стране, где граждане свободны выразить свои мысли и где народ не только творит закон, но и назначает человека, который должен проводить закон в жизнь, политическое убийство — это проявление деспотизма... Деспотизм всегда достоин осуждения, а сила оправдана лишь когда используется для противодействия силе".

Терроризм — не порождение XX века, и корни его вовсе не мусульманские и не египетские. Более столетия назад на Западе и в России уже провозглашались вполне людоедские призывы к индивидуальным и массовым убийствам для достижения политических целей. Известно лучшее в мировой литературе произведение на эту тему — "Бесы" Достоевского. Но реальная жизнь и до, и после великого писателя давала многочисленные примеры идеологии и практики "бесов".

В 1849 году в статье под заголовком "Убийство" один из немецких идеологов политического терроризма Карл Гейнцген писал: "Мы провозглашаем нашим основным принципом, которому нас обучили наши враги, что убийство, будь то индивидуальное или массовое, остается непрременным инструментом решения исторических задач... Если мы должны взорвать половину континента и пролить море крови, чтобы уничтожить партию варваров, пусть вас не мучают угрызания совести. Тот не настоящий республиканец, кто с радостью не отдаст свою жизнь для уничтожения миллиона варваров".

Во второй половине XIX — начале XX века в Западной Европе, России и США были убиты американские президенты Гарфилд и Мак-Кинли, русский царь Алек-

сандр II, французский президент Карно, премьер-министр Испании Канова, императрица Австрии Элизабет, итальянский король Умберто, российский премьер-министр Петр Столыпин, наконец, австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд. В Египте был убит премьер-министр Бутрос Гали. Бомбы бросали в театрах и ресторанах, как бы протестуя против образа жизни властителей буржуазного общества, и в заурядных кафе, посетителями которых были простолюдины, на том основании, что "никто не свободен от вины" и поэтому, нападая на общество в любом месте, непременно поразишь кого-то из виновных.

Российский анархист М. Бакунин считал, что революционер должен отождествить себя с бандитами, грабителями, всеми, кто стоит вне закона и противопоставляет себя буржуазному обществу. В письме к Нечаеву Бакунин воспевал разбойников, считая их единственными "революционерами дела", проповедовал разбой как одну из "почетнейших форм русской народной жизни".

Согласно М. Бакунину, революция — это "дикий зверь", она, "так же, как и военная реакция, ничего не пожалеет и не остановится ни перед чем... Не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него, и только посредством него, зарождаются и возникают новые миры".

Известен "Катехизис революционера", авторство которого приписывается Нечаеву. В нем формулируется отношение революционера к самому себе и к другим. Революционер — это потерянный человек, без каких-либо интересов, привязанностей, личных связей, даже без имени. Он порвал с обществом, его законами и условиями; он должен избегать и презирать общественное мнение, быть готовым к пыткам и смерти в любое время. Революционер должен жить под вымышленным именем, порвать все связи с семьей и отказаться от брака, от друзей и найти себе товарищей в подпольном мире. Суровый к себе, революционер должен быть су-

ровым и к другим; вместо любви, дружбы, благородства, чести он должен испытывать только одну холодную страсть к революционному делу, успех которого принесет ему удовлетворение и награду. Заключительные слова "Катехизиса" посвящены миру разбойников — единственных настоящих революционеров, которые объединившись, установят ужасную и непобедимую власть.

При небольшой замене слов и понятий в обозначении целей мы видим столь знакомый портрет террориста наших дней, мусульманского или еврейского, индуистского или сикхского, светского левака или правого "бритоголового".

В советской и зарубежной марксистской литературе немало написано о том, что Ленин и большевики в принципе отвергали терроризм. Но все дело в том, что они отвергали индивидуальные акты террора, справедливо считая их контрпродуктивными, но отнюдь не массовое революционное насилие (то есть массовый террор).

"В России террористы (против которых мы всегда боролись) совершили ряд индивидуальных покушений, но в декабре 1905 года, когда дело, наконец, дошло до массового движения, до восстания, — когда нужно было помочь массе применить насилие, — тогда-то как раз "террористы" и отсутствовали", — писал В.И. Ленин.

После Октябрьской революции Россия познала крупномасштабный и "белый", и "красный" террор.

Большевики столкнулись с сопротивлением и начали массовые убийства реальных или потенциальных противников, всех несогласных с их режимом — интеллигентов, представителей имущих классов, священнослужителей, офицеров. Им был противопоставлен "белый террор", направленный против большевиков, комиссаров, рабочих, крестьян. Кто первым начал убийства, сказать трудно. Даже тогда было смещение понятий. Каплан, стрелявшая в Ленина, была "террористкой". Она рисковала жизнью и свободой. Но те, кто уничтожал реальных или потенциальных невооруженных противников, очевидно, были просто палачами.

Когда шла "холодная война", ответственность за подъем терроризма западная пропаганда возлагала на Советский Союз. "Большая часть террористических группировок", действующих в различных странах мира, — марксистского толка", "за всеми зарегистрированными террористическими акциями в мире можно обнаружить руку Москвы", "именно Советский Союз в значительной степени ответственен за то, что сегодня международный терроризм расширил сферу своей деятельности и окреп" — вот образчики высказываний видных американских политических деятелей того времени.

Не будем говорить о том, что марксизмом была слегка окрашена лишь часть левацкого терроризма, который поднялся на пепелище движения "новых левых" конца 60-х годов. Напомним также, что в числе громких преступлений был совершенный крайне правыми взрыв на вокзале в Болонье, унесший жизни более 80 человек.

Но утасли левозкстремистские движения, развалился Варшавский договор, раскололся Советский Союз, а терроризм усилился. 80—90-е годы и начало XXI века вывели на авансцену религиозно-мотивированных террористов. Ситуация в Египте — вовсе не исключение.

В массовом сознании Запада, сформированном прессой, телевидением, кино, террорист ассоциируется именно с мусульманскими боевиками-египтянами, палестинцами, алжирцами, саудовцами. Но разве только ислам служит религиозной мотивацией актов насилия?

25 февраля 1994 года во время священного мусульманского поста Рамадан вооруженный автоматом Барух Гольдштейн, житель поселения Кирьят Арба на оккупированном Израилем Западном берегу, ворвался в мечеть Ибрахима (Авраама), расположенную в библейском городе Хевроне. В мечети было восемьсот палестинцев, пришедших на молитву. Гольдштейн стал стрелять очередями, меняя один рожок автомата за другим. Он убил двадцать девять и ранил сто пятьдесят человек, прежде чем его забили до смерти. Он был членом фундаменталистской еврейской группы "Ках", основанной

в 1971 году ультраортодоксальным американским раввином Меиром Кахане, иммигрировавшем в Израиль. Эта группа призывает установить теократическое еврейское государство в "Великом Израиле" и изгнать из него всех арабов.

Пожалуй, весь мир, включая большинство евреев, оценил это преступление как бессмысленный и подлый акт терроризма. Израильский премьер-министр Ицхак Рабин, выступая на массовом митинге, выразил отвращение к обезумевшему фанатику. Однако большая часть воинственных сверхортодоксальных еврейских поселенцев на оккупированном Западном берегу и в секторе Газа, как и их сторонники внутри Израиля, считают преступника благочестивым мучеником. По их мнению, Гольдштейном двигали высокие политические и религиозные мотивы. Он-де хотел не допустить, чтобы Израиль "предали", пытался сорвать мирные переговоры с палестинцами, потому что целью этих переговоров было "вывести еврейское государство из данной ему Богом земли и подвергнуть смертельной опасности". Во время похорон некоторые из этих сверхортодоксальных поселенцев выкрикивали бескомпромиссные воинственные лозунги, направленные не только против арабов, но и против израильского правительства. "Мы отвечаем только перед нашим Создателем, перед тем, кто избрал нас для нашей исторической миссии", — сказал один из идеологов еврейской экстремистской группы.

Вскоре и сам премьер-министр был убит молодым еврейским фанатиком Игалом Амиром, который утверждал, что действовал по воле Бога. Он интерпретировал крайние высказывания своих духовных наставников, как рекомендацию убить израильского лидера.

Мирный процесс был прерван. Но насилие порождает насилие. После кровавой бойни в Хевроне боевики фундаменталистской мусульманской организации "Хамас" провели более полутора десятков террористических актов в Израиле, в которых погибло почти полторы сотни человек. А после провокационного посещения

Шароном Храмовой горы началась вторая палестинская интифада, погибло около 4 тыс. палестинцев и 1 тыс. евреев.

Проявления терроризма с религиозной мотивацией стали особенностью международной и внутренней жизни ряда стран после окончания "холодной войны".

Члены "Аль-Гамаа аль-исламийя" были убеждены в том, что их действия предопределены судьбой (кадар) или даже поручены им Богом. Религиозная мотивация двигала и еврейскими террористами, и сикхскими фанатиками, убившими Индиру Ганди, и индуистскими фанатиками, и членами секты Аум-Синрикё, применившими ядовитый газ в токийском метро.

С середины 60-х до середины 90-х годов численность фундаменталистских движений различных религиозных направлений в мире утроилась. Сейчас акции едва ли не большинства террористических групп, действующих в мире, мотивированы религиозными убеждениями, хотя ставят они перед собой конкретные политические цели. Поэтому отделить одно от другого трудно. Во всяком случае, в мусульманских террористических группах, как и в свержортодоксальных еврейских группах, религия и политика неотделимы.

Религиозных террористов разного происхождения, исповедующих различные, зачастую противоположные, доктрины, объединяет убеждение в том, будто они прибегают к насилию с целью защитить свои собственные общины или отомстить врагам.

Но вернемся к Египту...

Отчуждение экстремистов от египетского общества может быть одновременно социально-политическим, экономическим, культурным, психологическим, духовным. Воинственность и активность экстремистов — показатель того, что мир, по их убеждению, находится на критически важном историческом перекрестке: египтяне или сохранят свою религиозную и национальную идентичность, или потеряют ее под давлением Запада в условиях глобализации. Но одновременно экстремисты, во всяком

случае их лидеры, чувствуют себя как бы творцами, демиургами будущего, ведомыми промыслом Божиим.

Хотя никто не знает, какую форму может приобрести будущее общество, сила фундаментализма заключается в его способности обещать радикальные перемены без уточнения их черт, без конкретики, так как Аллах считается гарантом будущего. Но разве не с такими же убеждениями, названными другими именами, шли в 1917 году большевики к власти в России, поднимая или подталкивая массы на насильственные действия против прежнего режима?

Религиозные экономисты, полные нетерпения, как и большевики в 1917 году, тоже хотели бы ускорить бег истории в нужном им или воображаемом ими направлении. Они легко могли бы перефразировать поэта революционного насилия Владимира Маяковского: "...Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер... Клячу истории загоним.левой!левой!левой!"

Кризис идентичности, равнозначный цивилизационному надлому, имел место не раз в истории. В конце концов, исламизация и арабизация в Египте в свое время были еще более глубоким историческим переломом. Но то был процесс, растянувшийся на столетия. Сейчас ход событий многократно ускорился, горение превращается во взрыв.

Когда тебя ведет промысел Божий, отсутствуют моральные ограничители на применение насилия. Это объясняется не только тотальным характером борьбы, но и тем, кого рекрутируют в террористические организации. Как правило, это молодые образованные или, точнее, полуобразованные люди или дети крестьян, недавно переселившиеся в города и городские трущобы, оторванные от своих корней. Воинственность мелких групп объясняется и тем, что более крупные организации легко распадаются на мелкие, конкурирующие между собой. Аресты или убийства властями прежних лидеров или идеологов требуют от новых быстрого самоутверждения.

Раньше традиции жертвенности были сильнее в шиитских движениях. Этому помогало убеждение в прямом посредничестве между Аллахом и верующими, которое осуществляли богословы, благословлявшие мучеников на "подвиги". Но за последнее время суннитские группы стали отличаться тем же характером жертвенности.

Подход к различным формам терроризма оказался разным в Египте, Ливане и Палестине. И официальные религиозные авторитеты Египта, и полулегальные фундаменталисты, приветствуя действия палестинских фэдаяев против израильской армии или полиции, осуждали убийства невинных евреев, даже если они совершались боевиками-камикадзе. На это ливанский шейх Фаддалла резко и бескомпромиссно ответил: "Нет разницы между смертью с винтовкой в руках или когда человек сам себя взрывает. Во время священной войны мы должны сами найти наилучшие средства, чтобы достичь своих целей". Однако и "Хезболла", и "Хамас" решительно осудили бойню в Луксоре, назвав ее "кровавой и ужасающей", "служащей интересам врагов ислама".

В соответствии с логикой лидеров и активистов "Аль-Гамаа аль-исламийя" или "Аль-Джихада" террористические акты представляют собой законную борьбу против агрессивного, разлагающего и высокомерного Запада, против тиранов и мусульман, сошедших с праведного пути. Они считают себя защитниками мусульманской общины от наступления сил секуляризма и модернизма, ведущих тотальную войну против ислама. Поэтому ответ исламских экстремистов — тотальная война против источника или представителей зла.

Духовные лидеры религиозных экстремистов формируют чувство исключительности, богоизбранности в рядах своих организаций: воспитывают дух борьбы с "врагами" и пафос самопожертвования. Они воспевают "мучеников" в песнях, стихах, воздвигают им памятники. Для них очень важны религиозный символизм и ритуалы, чтобы создать атмосферу спайки внутри органи-

зации. Попытка уйти из общины рассматривается как предательство и нередко наказывается смертью.

Как правило, существует разделение функций между духовными наставниками и исполнителями. Террористам-"практикам" нужны теологические оправдания и их жестокости, и их риска. Они получали и получают их от духовных лидеров, благословляющих их действия. Таковы были Фадлалла — духовный лидер ливанской "Хезболла", убитый израильтянами шейх Ясин — палестинского "Хамаса", Абдель Рахман — "Аль-Гамаа аль-исламийя", покойный ныне Меир Кахане — еврейских сверхортодоксов, Сант Бхиндранвали — воинственных сикхов.

Видение мира у крайних религиозно-террористических организаций почти манихейское, точнее, тоталитарное: бескомпромиссная борьба между добром и злом, веры против неверия, справедливости против несправедливости. Поэтому, например, позиции еврейских фундаменталистов из "Каха" и исламских фундаменталистов из "Хамаса" кажутся зеркальным отражением: обе организации выступают за создание своего религиозного государства между рекой Иордан и Средиземным морем, обе подвержены ксенофобии, обе отвергают все чуждое и светское, всю западную цивилизацию. Успех палестинско-израильского мирного процесса означал бы, что у многих и исламских, и еврейских террористов вырвано моральное оправдание их действий. Поэтому они на практике как бы объединяются с целью не допустить мира в Израиле — Палестине.

Для того, чтобы использовать насилие, оправданное религией, или религиозный терроризм, нужно уметь определить врага. Воинственность экстремистов может быть направлена против коррупции и несправедливости политической системы или против других религиозных общин. Она может быть сфокусирована на иностранном влиянии, которое выступает в качестве культурной, экономической угрозы для существования собственной общины, то есть ее религиозных ценностей,

норм, структуры. Естественно, что Запад и в особенности Соединенные Штаты и Израиль, становятся для мусульманских экстремистов объектами этой ненависти.

Но, рассуждая о терроризме и террористах, мы забыли определить для себя и для читателей, что же такое террористический акт? Расхожим ответом будет: "убийство или попытка убийства какого-либо лица или группы лиц без легитимного приговора суда". Особенно, если речь идет об убийстве невинных людей, с какими бы целями оно не совершалось.

Произнеся эту сентенцию, не чувствуем ли мы, что спотыкаемся о ее безапелляционность? По данным Госдепартамента США, даже если толковать терроризм широко, число его жертв в мире составило полтора десятка тысяч (сюда не включен Ирак и жертвы 11 сентября в Нью-Йорке). А в конце Второй мировой войны в результате англо-американских воздушных налетов, длившихся сутки, в Дрездене было убито много десятков тысяч жителей. В атомном пламени Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года испарилось почти 200 тысяч человек. Десятки тысяч мучились от ран и болезней всю жизнь. Почти все они — и в Дрездене, и в Хиросиме, и в Нагасаки — были мирными жителями. Отвлечемся даже от доказанного факта, что атомные бомбардировки были предупреждением Советскому Союзу, первым сигналом "холодной войны". Массовые убийства немцев и японцев были атаками устрашения, то есть террора, чтобы сломить сопротивление "государств оси", во главе которых стояли преступники, развязавшие Вторую мировую войну. Эта война приняла тотальный характер, в которой комбатанты уже не отличались от некомбатантов. Число жертв среди мирного населения в несколько раз превысило потери сражавшихся армий.

Но с точки зрения мусульманских экстремистов они тоже ведут тотальную войну против жестокого врага, в которой все средства хороши...

Если терроризм — убийство без решения суда, то как назвать действия правительств? Могут ли прави-

тельства осуществлять террористическую политику, совершать акты террора? Я упомянул бомбежки Дрездена или Хиросимы. А если вспомнить Вьетнам? Американская интервенция во Вьетнаме привела в общей сложности к гибели более миллиона вьетнамцев. Отнюдь не все они были мирными жителями, но я лично видел города-призраки Северного Вьетнама, разбомбленные до основания американской авиацией. Это были акты устрашения, то есть террора. А что такое натовские бомбежки Югославии, если не акты государственного террора?

Палестинские террористы убили 11 израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене. В качестве "возмездия" израильская авиация нанесла бомбовый удар по арабскому селению Набатии, убив около 100 арабов, большая их часть — мирные жители. И это — не акт терроризма? Террористы (по убеждению ЦРУ — ливийцы) бросили бомбу в берлинской дискотеке, где развлекались американские военнослужащие. Несколько человек погибло. В отместку американская авиация бомбила Триполи, убив десятки людей, в том числе 14-летнюю приемную дочь лидера Ливии Каддафи. В чем ее вина? Один — акт терроризма, а как назвать второй акт? Возмездие за терроризм? Может быть. Но жертвы, оказавшиеся в могиле или искалеченные, никакой разницы не заметили и не почувствовали.

При определении понятия "терроризм" стирается вопрос, какую цель — "законную" или "незаконную" — преследуют те, кто совершает убийство или насилие. Для египетских исламистов-боевиков разрушение не-исламского режима и установление исламского государства — законная, богоугодная, благородная цель. Для этого хороши все средства — убивать министров или членов парламента, полицейских или коптов, чиновников или иностранных туристов. Если все это дестабилизирует обстановку, наводит страх на людей, разрушает индустрию туризма и подрывает экономические основы немусульманского государства, значит,

эти средства оправданны и законны. С точки зрения большинства, в том числе большинства египтян, международного общественного мнения, эти средства преступны, незаконны и осуждаемы.

Успех или неудача подобного рода действий не имеет отношения к характеристике террористических актов. Сионистские боевики в 1947 году взорвали отель "Царь Давид" в Иерусалиме, центр английской колониальной администрации. Погибло много невинных людей. Но этот зверский акт убедил англичан, что пора уходить из Палестины.

Менахем Бегин стал премьер-министром Израиля, заключил мир с Египтом и получил Нобелевскую премию мира. Западные СМИ постарались забыть, что он возглавлял террористическую организацию и на его руках — кровь десятков арабов, невинных жителей селения Дейр-Ясин, истребленных его группой, чтобы внушить страх (террор) палестинцам и ускорить их бегство с территории, которую занимала израильская армия.

Ясира Арафата, главу Организации освобождения Палестины, обвиняли в руководстве терроризмом. Он стал главой Палестинской автономии.

А могут ли регулярные армии быть обвиненными в терроризме? Казалось бы, однозначные оценки получили карательные операции немецких, венгерских, болгарских, румынских, эстонских, латышских войск на территории России, Украины, Белоруссии или Сербии во Второй мировой войне. Их жертвы — миллионы людей. Разве это не отвратительные акты, достойные всеобщего осуждения и наказания? В Германии за преступления нацизма большая часть нации совершила как бы внутреннее покаяние. В Венгрии о роли своих войск на территории России предпочитают забыть и не говорить на эту тему, но твердят лишь о подавлении советскими войсками восстания венгров в 1956 году. В малюсеньких Эстонии или Латвии действия "своих" эсэсовских дивизий, запятнанных кровью с головы до ног, прославляют, а дни сформирова-

рования этих частей объявляют национальными праздниками.

Могут ли демократические государства прибегать к массовому террору? Напомним, что концлагеря были изобретением отнюдь не Троцкого, Сталина или Гитлера. Это было английское изобретение времен англо-бурской войны на рубеже XIX и XX веков, направленное на то, чтобы сломить боевой дух буров. В 1919 году колониальные войска под командованием английских офицеров устроили побоище в индийском городе Амритсаре, стреляя, пока не кончились патроны, в безоружных людей. Погибло 379 человек. А как характеризовать колониальные войны Франции во Вьетнаме и Алжире, английскую — в Кении? Чем были американские бомбежки Вьетнама? А американские удары по Ираку?

Акты терроризма отнюдь не одинаковы по своей жестокости, массовости, результативности. Каждый сражается тем оружием, какое у него есть. Идет асимметричная война. Если это правительство, то у него есть бомбардировщики, авианосцы, танки, ракеты; если это одиночки, — у них могут быть автоматы, взрывчатка, гранаты, просто ножи. В 1983 году американцы били по ливанским селениям полутонными снарядами со своего линкора. Ливанский камикадзе — член организации "Хезболла" — взорвал себя вместе с автомашиной, начиненной динамитом, у американской казармы, убив 241 морского пехотинца. Обстрелы ливанских селений привели к жертвам среди мирных жителей, но имели нулевой военный эффект. После взрыва казарм США вывели свои войска из Ливана.

Все же покинем зыбкую почву дефиниций терроризма и религиозного экстремизма и вернемся к Египту, постараемся ответить на главный, коренной вопрос: есть ли будущее у мусульманских фундаменталистов в Египте, будь то "Братья-мусульмане" или другие, безусловно, экстремистские течения? Кажется бы, многие объективные данные подталкивают нас к утвердительному ответу. Разве не дискредитировала себя прозападная мо-

дель "модернизации"? Разве от революционно-авторитарного эксперимента насеризма не остались лишь разрозненные группы последователей? Разве капиталистическое (псевдокапиталистическое) развитие в социально-экономической области в сочетании с вторжением Запада в сферу культуры, идеологии, информации не ведет к распаду или болезненной трансформации традиционных социальных структур и не заставляет многомиллионные массы пасынков "модернизации" возвращаться к привычным им социальным связям, символам, ритуалам, эмоциям, короче говоря, обращаться к исламу? Разве не готовы самые отчаянные и беспощадные из них прибегать к насилию и даже убийствам, надеясь достичь своих целей? И разве, с точки зрения глубоко верующего египтянина, фундаменталисты не дают целостного видения и разрываемого на части мира?

Все это так. Но против утвердительного ответа можно выдвинуть и контраргументы. Не ушло ли египетское общество в целом настолько далеко вперед, не достигло ли оно такой точки, от которой нет возврата? Возврата к нормам права, государственной и социальной организации, к идеологии, социальной психологии, сложившимся десять столетий назад, которые, как их ни толкуй, ни подкрашивай, ни обновляй, все же не соответствуют требованиям ядерно-информационного века. Не оказались ли неудачными эксперименты по внедрению мусульманского фундаментализма со всеми его различиями и многоцветием в социально-экономическую и политическую практику? Не означает ли быстро растущая интернационализация хозяйственных связей и безусловная зависимость от них Египта, включение его в систему современных коммуникаций, его географическое положение, исторический опыт, — не означает ли все это просто невозможность создания такого общества, которое возвело бы стену между собой и внешним, немусульманским миром? Не означало бы проведение в жизнь программы мусульманского экстремизма в стране с многочисленным христианским

меньшинством глубочайшего раскола египетского общества не только по социальному, но и по конфессиональному признаку? Наконец, не вызывают ли террористические акты и гибель невинных людей отвращения большинства?

К контраргументам подключается еще один — важный, весомый, хотя и не всегда принимаемый во внимание, — национальный характер египтян. Народ “золотой середины”, противник чрезмерности всегда сторонился крайних решений, неопробованных утопий. Египтяне, так сказать, “усложненный” народ. Это — штамп, клише, однако, верные штамп и клише; они дают правильный ракурс в подходе к египетским проблемам.

Социальные противоречия в Египте всегда были настолько остры, что вдохновляли экстремистов любого сорта — от леваков до мусульманских боевиков и фашистов. Фашиствующие “младоегиптяне” и зеленорубашечники оказались в луже не только потому, что в “табели о рангах” народов немецкие нацисты отвели египтянам место где-то в пятом десятке. Не только потому, что корпус Роммеля был разгромлен под Эль-Аламейном. Осторожность, центризм преобладали в настроениях египтян даже в период социально-политических переломов. “Младоегиптяне” остались горсткой и, несколько раз сменив название партии, растаяли почти без следа. Фашизм как идеология вообще не привился в Египте.

Даже в периоды отчаяния, социальных трудностей, выбирая между крайними решениями и стремлением достичь компромисса, сохранить мир, большинство египтян предпочитает второе. Этот феномен известен, и автор этих строк отнюдь не считает себя его открывателем. О нем писали и иностранцы, и египтяне.

Читателю может показаться, что весомые контраргументы, приведенные здесь, свидетельствуют об убеждении автора в том, что мусульманский фундаментализм и его экстремистское крыло не имеют будущего в Египте. Нет. В оценке этого сложнейшего социально-политического и идеологического явления я предпочи-

таю быть "египтянином", не решаясь на категорический ответ ни "за", ни "против".

Исторический опыт показывает, что движение мусульманских фундаменталистов как умеренных, так и экстремистов, может дестабилизировать существующий режим, отняв у него религиозное прикрытие и сорвав с него одежды мусульманской легитимности. Кому оно тем самым расчистит путь: себе или другим? Сказать трудно. Национальный характер египтян, на который я сослался, тоже не остается окаменевшим, раз и навсегда данным. Он меняется медленно, очень медленно под воздействием перемен в социально-экономических отношениях, культуре, образовании, в сфере коммуникаций, естественно, отставая от этих перемен. Но сами-то перемены убыстряются, ускоряя и перестройку национального характера.

Ничто не вечно. Даже на берегах Нила, в тени Сфинкса и пирамид.

* * *

По некоторым признакам египетское общество как будто переболело терроризмом в 90-е гг. прошедшего века. Даже теракты на Синае в октябре 2004 г., видимо, инспирировались из-за границы. Жестокие репрессии, усиление контроля государства над мечетями, школами, профсоюзными организациями, некоторые успехи в социально-экономическом развитии — все это размыло, хотя и не ликвидировало социальную базу терроризма. Эти меры сочетались с широкой реисламизацией общества, что ограничивало возможности политического и культурного влияния светской интеллигенции, но перехватывало значительную часть лозунгов исламистов.

Мы намеренно ограничим нашу тему Египтом и арабской частью мусульманского мира. Другой анализ и другие дефиниции нужны при изучении феномена терроризма в нашей стране. Но опыт Египта заслуживает изучения и должен быть востребован.

Ю.И. Авдеев,

кандидат юридических наук, профессор

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОРИЗМ:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ,
СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ, ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ**

Подводя некоторые итоги обзору религиозных учений, рассмотренных в предыдущих статьях, а также их отношению к насилию и терроризму, можно сделать некоторые общие выводы.

Религиозный терроризм — одно из наиболее ранних в человеческой истории направлений терроризма¹, которое уже на протяжении весьма длительного времени используется в противоборстве различных по характеру и организации социально-политических сил, в том числе религиозно-фанатических группировок разного масштаба и направленности, клерикальных кругов и организаций, политических и этнических элит, общественно-политических объединений, отдельных государств.

Религиозный терроризм с характерными для него в полной мере основными признаками терроризма как общественно-опасного социально-политического явления, которые присущи и другим его направлениям (этно-на-

---

¹ Некоторые специалисты характеризуют религиозный терроризм как разновидность терроризма. Для этого есть определенные основания. Однако цели настоящей статьи не требуют рассмотрения в ней этого вопроса.

циональному, т.н. идеологическому и др.), на всех исторических этапах его существования обладал вместе с тем и определенной спецификой. Прежде всего в таких аспектах, как идеологические основы, социальная база, организация и др. Это находит свое выражение прежде всего в обосновании религиозного терроризма преимущественно религиозной аргументацией, в принадлежности организаторов и участников структур религиозного терроризма к соответствующим конфессиям, в преимущественно религиозной мотивации участников упомянутых структур, в очень высоком уровне консолидации последних, в существовании относительно устойчивой социальной базы движений и организаций религиозного терроризма в кругах единоверцев и др.²

В определенных исторических условиях эти особенности обеспечивали формирование мощного потенциала религиозного терроризма, позволяли создать серьезный ресурс религиозно-экстремистских движений и организаций для их эффективной деятельности на протяжении нередко весьма длительного времени и выдвигали религиозный терроризм на ведущее место в общем спектре различных направлений терроризма.

При этом следует подчеркнуть, что понятие "религиозный терроризм" имеет достаточно условный характер, поскольку основные религии мира в их традиционном каноническом содержании, и это утверждается многими специалистами, не совершают терроризма, не призывают к нему, провозглашая, наоборот, целый ряд высоконравственных постулатов. Ю. Иванич, например, касаясь этого вопроса, вполне справедливо отмечает, что авраамические религии, в том числе ислам, поддерживают базовые духовные или общечеловеческие ценности³. Исследуя проблемы ис-

---

² См. также: *Yurgensmeyer M. Understanding the new terrorism // Current History. Terrorism. 2000. Vol. 99, N 636. P. 158, 159.*

³ См.: *Иванич Ю. Наркотики и терроризм: Паутина зла. М., 2005. С. 196.*

лама, Г.И. Мирский неоднократно подчеркивал, что ислам, как таковой, не является верованием, которому внутренне присущи экстремистские и тем более террористические интенции⁴.

Тем не менее, религия как наиболее массовая идеология, оказывающая в определенных исторических условиях наиболее глубокое — по сравнению с другими видами идеологии — влияние на широкие слои населения, в каждую историческую эпоху с большей или меньшей активностью использовалась различными социально-политическими силами, в том числе экстремистской направленности, для реализации их целей, нередко весьма далеко выходящих за рамки религиозного.

Наиболее известной и к тому же весьма масштабной и продолжительной по времени является террористическая практика под религиозными знаменами, существовавшая во времена инквизиции, религиозных войн в Европе и крестовых походов на Ближний Восток, в период создания и крушения мировых колониальных империй, в годы действия мандатов ряда европейских стран после Первой мировой войны на Ближнем Востоке, а также в период формирования независимых национальных государств в этом и ряде других регионов после Второй мировой войны. Все более усиливающийся терророгенный потенциал, в значительной степени с религиозной окраской, формируется и остро проявляет себя в настоящее время в связи с целым рядом негативных процессов, характерных для происходящей глобализации⁵.

---

⁴ См.: *Мирский Г.И.* Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия // *Полис.* 1998. № 3. С. 77.

⁵ См.: *Морозов Г.И.* Терроризм — преступление против человечества. М., 1997. С. 6, 7; *Хоффман Б.* Терроризм — взгляд изнутри. М., 2003. С. 105, 106; *Лунев В.В., Кудрявцев В.Н., Петрищев В.Е.* Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира // *Борьба с терроризмом* / Науч. ред. В.Н. Кудрявцев; Сост. Л.В. Брятова. М., 2004. С. 32.

Сравнительное изучение истории различных направлений терроризма показывает, что, если периоды существования левацкого, крайне правого и некоторых других течений терроризма могут быть определены в несколько десятилетий или столетий и в основном отнесены к постфеодальному этапу человеческой истории, то именно религиозный терроризм является тем направлением, которое существует, грубо говоря, столь же долго (хотя и со значительными по времени взлетами и падениями его активности в различное время), сколько существует религия. Причины этого заключаются во многом в особенностях религии как идеологии и ее специфике воздействия на общество.

К тем особенностям, которые определили возможность использования религии в разные исторические периоды в качестве эффективного идеологического прикрытия, а в отдельных случаях и как реальной идеологической основы тех или иных социальных и политических движений, приобретавших в определенных условиях экстремистскую, в том числе террористическую направленность, могут быть отнесены прежде всего следующие факторы.

Во-первых, глубокая укорененность религии в сознании широких слоев общества, даже в условиях его секуляризации. Этот фактор обуславливает значительный удельный вес религиозной составляющей в общественной оценке возникающих социальных и межгосударственных противоречий, большое влияние религиозных авторитетов и лозунгов в общественно-политической мобилизации различных групп населения. В этом заключаются серьезные предпосылки для активного вовлечения представителей тех или иных конфессий в деятельность по реализации выдвигаемых клерикальными кругами, отдельными политическими партиями, этническими элитами (и др.) под религиозными лозунгами собственных, подчас узкогрупповых социально-экономических и политических целей, нередко

очень слабо связанных с собственно религиозными интересами, целями и догматами.

Во-вторых, сохранение религией в глазах населения своего значения как определенного объединяющего символа, общего идентификационного признака для различных социальных общностей (в том числе этносов, классов, наций и др.), выразителя их жизненных интересов. Поэтому в условиях действительного или мнимого нарушения этих интересов либо возникновения угрозы им религия нередко используется различными политическими кругами не только как фактор мобилизации, но нередко и как фактор целеполагания для различных управляемых этими кругами движений и сил, как основа моделирования общественных отношений и институтов, форм государственного устройства, направлений социально-экономического и культурного развития, внутренней и внешней политики государства.

В-третьих, сохранение религией в силу самой ее сущности в различных социальных средах своего значения как фактора сакрализации в отношении определенных людей, их идей и поступков, общественных движений, явлений (и т.д.), признание их священными, угодными Богу. Данная функция религии позволяет политическим кругам, обращающимся к использованию религии в своих целях, легитимировать, освящать и сами эти цели, и используемые для их достижения действия, нередко грубо не соответствующее ее каноническому содержанию. Спекулятивное использование религии, отдельных ее положений во внерелигиозных целях посредством злоупотребления религиозной сакрализацией позволяет отдельным клерикальным кругам, экстремистским лидерам снимать мирские (светские) ограничения и запреты на ту или иную деятельность, в том числе с использованием насилия, снижать планку допустимости совершаемых действий.

Механизмы использования религии в нелегитимных целях или с применением незаконных методов поли-

тической борьбы практически всегда связаны с большим или меньшим манипулированием религиозными догмами и религиозным сознанием различных слоев населения, спекулятивным толкованием ее канонов, часто — с прямым их нарушением.

При этом следует отметить как факт, благоприятствующий использованию религии в качестве прикрытия для осуществления экстремистской, в том числе террористической деятельности, существование различных противоречий в рамках канонического содержания самих религий (внутренние противоречия), наличие неточностей (неясностей) в формулировании тех или иных религиозных требований, обязанностей, а также и наличие определенных противоречий между различными религиозными вероучениями и даже враждебных суждений в адрес других религий (внешние противоречия).

В число религиозных канонов, часто используемых в межконфессиональном (и внутриконфессиональном) и политическом противоборстве (в том числе для оправдания массовых репрессий, религиозных войн, акций религиозного терроризма и т.д.), входят положения об отношении к неверным, к иноверцам, а также различные толкования зла, добра и справедливости. Ю. Иванич, например, справедливо подчеркивает, что во всех авраамических мировых религиях существуют понятия борьбы за утверждение или очищение "истинной" веры, которые могут толковаться по-разному. «Принятие, — отмечает он, — так или иначе, "правильно" или "неправильно" истолкованных постулатов в практику действия приводило и приводит к войнам, к преследованию "отступников", к террористическим действиям»⁶. Г.И. Мирский по этому поводу пишет: «В исламе, как и во всякой великой религии, сочетаются религиозные, не всегда вроде бы совместимые ценностные установки, есть немало противоречивого. И в Коране при желании можно найти высказывания, могущие быть истол-

---

⁶ Иванич Ю. Указ. соч. С. 194.

кованными как воинственные. Например, многие сейчас толкуют о джихаде, интерпретируя этот термин как "священная война против неверных", что якобы дает мусульманам право и даже вменяет в обязанность вести борьбу против немусульманского мира всеми средствами вплоть до террора... Это одностороннее и неверное толкование»⁷.

В современных условиях происходит дядщийся с конца XX столетия процесс возрастания роли религиозного терроризма в общем комплексе различных направлений терроризма, усиление опасности религиозного терроризма для глобальной, региональной и национальной безопасности.

Выше упомянутый процесс в значительной степени связан с качественными изменениями в мире, прежде всего с распадом и трансформацией сообщества социалистических стран и его ядра — Советского Союза, глубоким кризисом коммунистической идеологии и коммунистического движения в мире, неудачами социально-экономического строительства в государствах третьего мира по либеральной и социалистической моделям, с формированием однополюсного мира, ускорением развития глобализации на основе западных стандартов, вступлением многих ее аспектов в острые противоречия с национальными интересами суверенных государств, особенно развивающихся стран, со стороны правящих или оппозиционных кругов которых выдвигаются обвинения в неокOLONIALИЗМЕ в адрес стран Запада, и рядом других факторов.

В этих условиях и в связи с ними происходят глубокие изменения на самой "террористической сцене". Так называемый идеологический терроризм, особенно левацкий, утратил свое прежнее лидирующее место в международном и внутреннем (национальном) терро-

---

⁷ Мирский Г. Дракон встает на дыбы: (О международном терроризме) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 3. С. 41.

ризме, этно-национальный существенно сократился в масштабах и активности (пик его подъема приходится на период распада мировых колониальных империй после Второй мировой войны и образования независимых национальных государств), а религиозный терроризм вновь начинает играть первые роли в современной террористической практике.

Отмеченный выше процесс подчеркивается многими специалистами. Американский исследователь П. Пробст замечает: "в целом, мы рассматриваем религиозно мотивированный терроризм как усиливающуюся тенденцию, а терроризм с политической мотивировкой как идущий на убыль"⁸.

Подчеркивая возрастающую роль религиозного терроризма и касаясь его особенностей другой американский ученый М. Юргенсмайер вообще утверждает, что его (религиозного терроризма) увеличивающиеся масштабы, стратегические цели, особо разрушительные средства свидетельствуют о появлении так называемого нового терроризма. Ученый относит резкую активизацию религиозного терроризма и рост его опасности, свидетельствующие о появлении "нового терроризма", к 80 — 90 гг. XX века. Рассматривая в качестве основных его субъектов исламские экстремистские движения, американских "активистов христиан", радикальные организации сикхов и индусов, еврейские террористические группы в Израиле (и ряд других экстремистских организаций), М. Юргенсмайер особо отмечает реальную угрозу и непредсказуемость религиозного направления терроризма⁹.

Известный исследователь терроризма Брюс Хоффман также подчеркивает, что при очевидно большом

---

⁸ Пробст П. Терроризм будущего: Тактика, стратегия и приемы // Высокотехнологичный терроризм: Материалы российско-американского семинара, Москва, 4—6 июня 2001 г. М., 2002. С. 295.

⁹ См.: *Yurgensmeyer M. Op. cit. P. 159.*

значении активизации исламского фактора для общего усиления религиозного терроризма, данный процесс происходит на более широкой основе. В частности, он пишет, что с 80-х годов истекшего столетия возрастание роли религиозного терроризма было связано с большинством мировых религий, а также с менее значительными сектами и культами¹⁰. Речь в данном случае идет прежде всего о чрезвычайно большом влиянии на процесс увеличения роли и масштабов религиозного терроризма (и в целом — религиозного экстремизма) такого явления, как фундаментализм, особенно интенсивно развивающегося в течение нескольких последних десятилетий. Отнюдь не будучи новым явлением в религиозной жизни (как впрочем и в политической)¹¹, фундаментализм (точнее некоторые его направления) в настоящее время очень тесно связан с религиозным терроризмом как серьезный фактор его детерминации.

В настоящее время достаточно распространенным является взгляд на религиозный фундаментализм как на феномен, свойственный различным вероучениям: протестантскому, католическому, православному, иудаистскому, буддийскому, исламскому и другим, являющийся ответом на вызовы современности религиозной (национальной, культурной) идентичности посредством возвращения к "первоосновам", "историческим ценностям", догматам религии¹².

Возникая и развиваясь в определенных социальных условиях, испытывая их воздействие, фундаментализм как религиозная идеология и течение, как правило, хотя и в разной степени, политизируется и используется в политической борьбе с теми социальными субъектами, которые рассматриваются фундамента-

---

¹⁰ См.: Хоффман Б. Указ. соч. С. 104.

¹¹ См.: Религиозный и политический фундаментализм в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 11, 12.

¹² См.: Малышева Д. Исламско-фундаменталистский проект в реалиях современного мира // Там же. 1999. № 7. С. 108, 109.

листским движением (идеологами, лидерами, религиозно-политическими организациями) как носитель угрозы защищаемым этим движением ценностям, интересам, общностям.

В рамках отмеченного выше процесса в определенных условиях фундаменталистские течения приобретают экстремистскую направленность, порождают религиозный экстремизм как деструктивное социально-политическое явление (течение, движение), для которого характерна приверженность к крайним взглядам и методам борьбы (основанным прежде всего на насилии) за провозглашаемые — с использованием религиозных лозунгов — цели.

Наряду с ростом религиозного фундаментализма в рамках авраамических и ряда других традиционных религий, являющегося на протяжении уже нескольких десятилетий мощным фактором развития и усиления религиозного экстремизма, и в том числе терроризма как его наиболее опасной разновидности, в прямой связи с усилением религиозного экстремизма находится интенсивный и широкомасштабный процесс образования новых религий, культов, сект и религиозных движений. Он охватил многие страны, в том числе в Европе, Азии, Америке, и получил наименование религиозно-мистической волны. В основе ее возникновения лежат крупные социокультурные сдвиги в мире, новые формы социального протеста, разочарования в традиционных религиях, идеологический вакуум в связи с кризисом коммунистической идеологии, поиски новых способов ведения политической борьбы, возникновение новых идеолого-психологических запросов в различных социальных средах и ряд других факторов.

Для новых религий и их организационных структур характерным является эклектизм вероучений, псевдорелигиозность, использование социальных лозунгов, активное психологическое воздействие на участников объединений, ориентация на извлечение экономической выгоды, для многих объединений —

агрессивность и противоправность в достижении целей, наличие неафишируемых стратегий общественно опасной деятельности, злоупотребление религиозной свободой и др.

При наличии различных, даже полярных, оценок сущности, роли и места новых религий в общественной жизни, не вызывает сомнения правомерность отнесения, по крайней мере ряда из них, к числу деструктивных и экстремистских, допускающих применение насилия для достижения религиозных и политических целей соответствующих движений и объединений (например, "Ананда марга", "Аум-Синрикё" и др.)¹³.

Отмечая как объективный процесс общее увеличение значения религиозного терроризма с 70–80-х годов прошлого века на фоне резкого сокращения значения других направлений терроризма, необходимо обратить внимание и на тесно связанное с этим процессом общее усиление террористической опасности в мире. В значительной мере это обусловлено рядом сформировавшихся к настоящему времени характерных черт рассматриваемого направления терроризма (т.е. религиозного терроризма).

К числу основных достаточно четко сформировавшихся характерных черт религиозного терроризма можно отнести следующие обстоятельства.

1. Широкая идеологическая основа религиозного терроризма, обеспечивающая возможности активного использования террористических форм и методов борьбы в различных социально-политических условиях и регионах. Идеологическую базу религиозного терроризма образует сочетание долговременных и чрезвычайных

---

¹³ См.: Материалы Международной научно-практической конференции "Тоталитарные секты – угроза XXI века", Нижний Новгород, 23–25 апреля 2001 г. Нижний Новгород, 2001; Международный терроризм: Борьба за геополитическое господство / Под общ. ред. А.В. Возженикова. М., 2005. С. 17–173.

чайно многочисленных фундаменталистских и открыто экстремистских учений, относящихся к сфере основных традиционных религий мира, а также разнообразных и динамически обновляющихся концепций т.н. новой религии, что оказывает деструктивное, общественно опасное идеологическое воздействие на самые различные социальные группы в основных регионах мира и создает предпосылки для вовлечения их представителей в деятельность религиозно-экстремистских, в том числе террористических структур.

Среди идеологических основ религиозного терроризма наиболее широко распространенными и обладающими высокой мобилизационной способностью являются концепции исламского экстремизма, что в первую очередь объясняется сферой распространения самого ислама как на территории развивающихся стран, так и ряда стран Запада, высокой приспособленностью ислама влиять на самые различные, в том числе маргинальные слои населения, наличием острых противоречий между исламскими государствами или их влиятельными политическими кругами с теми государствами Запада, прежде всего США, которые рассматриваются ими как главное олицетворение Зла в современном мире, как главная угроза исламу, его культуре, независимому существованию исламских государств в условиях усиливающейся глобализации.

Характер угроз Запада и "западной цивилизации" для исламского мира, независимо от степени адекватности их оценки, обусловил выход исламского терроризма как неадекватного ответа угрозам исламу за пределы Ближнего Востока и Северной Африки и превращение исламского терроризма в глобальный фактор, в основную составляющую международного терроризма.

Другие направления религиозного экстремизма и терроризма (христианского, особенно протестантского, иудейского и др.) носят более локальный характер, но при определенных условиях способны создать ост-

рые проблемы для международной и национальной безопасности, как это, в частности, показала террористическая деятельность американских экстремистских групп "белого господства", а также спорадическое возникновение весьма немногочисленных ирландских и испанских религиозных экстремистских организаций. В целом, однако, социально-культурное и политическое развитие в западном мире оттеснило религиозный экстремизм в христианстве и иудаизме в маргинальные слои, лишив экстремистские структуры сколько-нибудь значительной социальной базы и исторических перспектив¹⁴.

Вместе с тем происходящий в основных регионах мира процесс формирования новых религий свидетельствует о том, что пик их влияния в системе религиозно-экстремизма и терроризма еще не пройден и потенциал деструктивного воздействия на духовную и политическую сферу этих регионов отнюдь не исчерпан. Наличие многочисленных и весьма различных по идеологическому содержанию новых религий (к ним, в частности, относятся псевдоиндуистские, псевдобуддистские, псевдопротестантские структуры, так называемые организации "самопомощи" и "новой эры") создает значительный конфликтогенный потенциал на религиозной основе во многих регионах мира, в том числе в России, чреватый межконфессиональными и внутриконфессиональными столкновениями, усилением религиозно-экстремистских тенденций в обществе. Вместе с тем, упомянутый процесс создает благоприятную среду для формирования и активизации религиозно-экстремистской и террористической деятельности целого ряда структур новой религии. Наиболее впечатляющим примером террористической деятельности таких структур является активность запрещенных в ряде государств деструктивных международных организаций

---

¹⁴ См.: Хоффман Б. Указ. соч. С. 128, 148 — 150; Иванич Ю. Указ. соч. С. 194, 195.

"Ананда Марга" ("Путь к блаженству"), "Аум-Сенрикё" ("Учение истины аум") и др.¹⁵.

Многообразие идеологических основ религиозного терроризма на базе новых религий, формирующегося в различных социально-экономических и политических условиях на разных континентах, при очевидном сохранении острых социальных, политических и психологических противоречий глобального, регионального и национального уровня, а также наличия кризисных явлений в сфере неисламских традиционных религий позволяет предположить, что в качестве основных направлений религиозного терроризма в обозримое время в мире будут выступать наряду с исламистским терроризмом также и сектантский терроризм¹⁶.

2. Повышенная общественная опасность целей религиозного терроризма. Основные стратегические цели религиозного терроризма, соответственно различным его направлениям, формулируется, как правило, довольно расплывчато, с применением сложной религиозной фразеологии, что, очевидно, рассчитано на оказание необходимого воздействия на религиозное сознание социальных слоев, являющихся активным ядром религиозного терроризма и его социальной базой, а также обеспечение необходимой свободы маневрирования религиозно-террористических структур при осуществлении ими идеологической, организационной и собственно насильственной деятельности¹⁷.

Характерными формулировками основных целей структур религиозного терроризма являются, в частно-

---

¹⁵ См.: Новые религиозные культы, движения и организация в России. М.: РАГС, 1998. С. 53, 59, 75; *Гангау Т.* История развития концепций свободы совести: Американский и европейский подходы // Материалы Международной научно-практической конференции... С. 17; *Хоффман Б.* Указ. соч. С. 147 и след.

¹⁶ См.: *Yurgensmeyer M.* Op. cit. P. 159, 160; *Хоффман Б.* Указ. соч. С. 157, 158.

¹⁷ См.: *Yurgensmeyer M.* Op. cit. P. 158–161; *Хоффман Б.* Указ. соч. С. 125, 137, 141.

сти, такие как "уничтожение мирового зла", ведение "священной войны" между конфессиями, осуществление исламских революций, религиозное очищение, ускорение прихода Мессии, свержение светских ("предательских") режимов, образование теократических государств (халифатов и др.), установление "господства белой расы" и т.п. Анализ открыто выдвигаемых целей религиозного терроризма, несмотря на экзотические формулировки многих из них, нередко создает трудности в выявлении подлинного характера и содержания целевых установок этих структур, что является определенным выражением специфического религиозно-политического языка идеологов фундаменталистских и новых религиозных структур. Можно, однако, утверждать, что задачи религиозного терроризма в своем большинстве значительно выходят за рамки целей, провозглашаемых субъектами других направлений терроризма, предполагая значительно более радикальное разрушение и трансформацию общественных отношений и институтов, содержат более масштабные угрозы международной и национальной безопасности.

Повышенная общественная опасность целей религиозного терроризма, прогнозируемое содержание соответствующих этим целям форм и методов террористической деятельности, требует существенной коррекции проводимого антитеррористического курса государств, подвергающихся угрозам религиозного терроризма. Речь, в частности, идет прежде всего о необходимости существенного повышения удельного веса профилактических мер в общей системе предпринимаемых этими государствами антитеррористических мер. В первую очередь необходима (изучая целевые установки религиозного терроризма) разработка профилактических мер идеологического и информационного характера, направленных на публичное раскрытие неприемлемости использования религии в осуществлении политической насильственной деятельности, а также на активизацию позитивной миротворческой и социальной деятельно-

сти традиционных религий. Важное место в системе профилактики религиозного терроризма должны занять также комплексы социально-экономических мер по оздоровлению социальной обстановки в регионах особой активности структур религиозного терроризма (в России, например, это регионы Чеченской Республики, Дагестана, в целом Северного Кавказа).

3. Неограниченное применение насилия или, по крайней мере, готовность к этому. Одним из опасных проявлений взаимосвязи религии и религиозного терроризма является то, что спекулятивное использование религиозной идеологии в системе религиозного терроризма обеспечивает легитимацию насилия религиозными предписаниями. Применение насилия в деятельности структур религиозного терроризма и их участников оценивается ими как божественная обязанность или священное действие. При этом религиозные террористы перестают быть связаны правовыми, политическими и моральными нормами, которые с позиций общечеловеческих ценностей характеризуют применение экстремистского насилия в качестве осуждаемого, неприемлемого, недопустимого¹⁸.

С точки зрения "светских террористов" по соображениям политической целесообразности использование насилия, как правило, носит дозированный характер во избежание утраты ими поддержки со стороны определенных социальных слоев, которая, как правило, необходима для реализации их целей.

Сакрализация насильственной деятельности структур религиозного терроризма различной направленности и оправдание самых негуманных способов совершения террористических акций по мотивам очищения, религиозной ненависти, мести, апокалипсических ожиданий, наступления царства Христа и т.п., применение чрезмерной жестокости к врагам связаны с широким использованием таких унижающих человеческое дос-

---

¹⁸ Хофман Б. Указ. соч. С. 112, 121, 140.

тоинство определений этих врагов, как "неверные", "собаки", "дети сатаны", "нечистые" и др.¹⁹.

Рассматриваемая особенность религиозного терроризма является весьма серьезной и реальной предпосылкой осуществления именно его структурами широкомасштабных террористических актов и кровавого терроризма, в том числе с использованием средств массового уничтожения. Подобная опасность подтверждается достаточно многочисленными действиями религиозно-террористических структур по применению химического и биологического оружия, попытками нападения на ядерные объекты, приобретения ядерного оружия и соответствующих материалов со стороны, прежде всего, ряда исламских экстремистских организаций и тоталитарных сект (в США, Франции, Японии, России и др.)²⁰.

4. Особенности организации религиозного терроризма. Характерные черты, относящиеся к организации религиозного терроризма, в значительной степени обусловлены характером его идеологической основы, высокой актуальностью проблемы свободы религии, интенсивным развитием религиозных движений, расширением тенденции к более активному участию религиозных организаций в осуществлении многочисленных гуманитарных проектов. Данные обстоятельства определяют одну из главных характерных черт организации религиозного терроризма — создание его структур с использованием форм и названий религиозных организаций, стремление обеспечить их легальный статус посредством официальной регистрации в соответствующих государственных органах (такой статус имела, например, одна из наиболее одиозных религиозно-террористических организаций "Аум-Синрикё" в

---

¹⁹ Там же. С. 140, 142; Международный терроризм. С. 250, 251.

²⁰ См.: *Cameron J. Nuclear terrorism reconsidered; Tucker J. The chemical and biological threat // Current History. Terrorism. 2000. Vol. 99, N 636. P. 148, 149, 154, 155.*

Японии, России и ряде других стран), что открывало религиозно-экстремистским структурам широкие возможности для установления интересующих их контактов с государственными и общественными организациями, гражданами, осуществление разнопланового идеологического и подрывного воздействия на избранные объекты.

Другую важную особенность организации религиозного терроризма составляет практика использования зарубежными религиозно-экстремистскими структурами организационных форм гуманитарных учреждений, являющихся участниками различных видов международного обмена. Применение соответствующих организационных форм зарубежными религиозно-экстремистскими структурами позволяло создавать легальные прикryтия для деятельности опорных пунктов этих организаций на территориях стран, избранных в качестве объектов деятельности указанных зарубежных организаций. К числу таких прикryтий относится в первую очередь создание различного рода образовательных, воспитательных, просветительских и иных социальных организационных структур с официальной целью осуществления религиозного обучения, просвещения, оказания социальной помощи и т.д. При этом к неафишируемым задачам этих структур относится инициирование создания местных фундаменталистских и сектантских организаций религиозно-экстремистского толка, приобретение сторонников соответствующих зарубежных экстремистских структур, организация их боевой подготовки, оказание местным религиозно-экстремистским формированиям финансовой и иной помощи и т.д. (в наибольшей степени подобная практика характерна для экстремистских структур исламистского характера, а также для ряда тоталитарных международных сектантских организаций).

Характерной чертой организации религиозного терроризма является значительный удельный вес в его организационных структурах различного рода нелегаль-

ных экстремистских организаций, военизированных формирований и т.п. Применительно к практике религиозно-экстремистской деятельности соответствующих зарубежных центров против России характерным являются попытки создания сетей нелегальных ваххабитских общин — “джамаатов”, незаконных вооруженных формирований соответствующего толка, прокладывание нелегальных каналов переброски боевиков-нелегалов из-за рубежа для участия в террористической деятельности на территории России (прежде всего на территории Северного Кавказа)²¹.

Характерной чертой организации религиозного терроризма, прежде всего исламистскими структурами, а также некоторыми деструктивными сектами нового религиозного направления, является курс на использование так называемого сетевого принципа для создания и размещения сил и средств этих организаций. Указанный принцип предполагает формирование сравнительно малочисленных и независимых друг от друга структурных единиц тех или иных религиозно-экстремистских организаций без создания строго организованной иерархической вертикали управления ими. Внедрение данного принципа призвано обеспечить большую безопасность и конспиративность в деятельности соответствующих организаций религиозного терроризма. По мнению специалистов, наиболее широко подобная практика используется рядом крупных исламских экстремистских организаций, прежде всего “Аль-Каидой”, а также экстремистскими структурами протестантского направления, особенно движениями “христианский патриотизм”, “гражданская милиция” и др. в США²².

---

²¹ См.: *Международный терроризм*. С. 280 и след.; *Пластун В.Н.* Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Новосибирск, 2002. С. 525, 568.

²² *Международный терроризм*. С. 226 и след.; *Хоффман Б.* Указ. соч. С. 132 и след.

5. Государственная поддержка религиозного терроризма является распространенной практикой в деятельности целого ряда иностранных государств, стремящихся использовать террористические формы и методы борьбы для реализации их внешнеполитических целей. Применение в этом аспекте именно структур религиозного терроризма является, по крайней мере в современных условиях, преобладающей практикой в общей системе использования терроризма определенными государствами в их внешней политике. В значительной степени данный феномен объясняется желанием некоторых иностранных государств осуществлять открыто силовое вмешательство во внутренние дела независимых государств во избежание неизбежных негативных последствий подобного образа действий (осуждение ООН, международным общественным мнением, введение санкций за нарушение Устава ООН и т.п.).

Вместе с тем современная обстановка во многих регионах стратегических интересов ряда ведущих государств мира (на Балканах, на пространстве Центральной Азии, в Юго-Восточной Азии и др.) характеризуется наличием различных социально-экономических и политических противоречий, принимаемых или могущих при определенных условиях принять формы религиозных протестных движений или религиозно-политической борьбы.

Инициирование создания или поддержка действующих религиозно-экстремистских организаций и движений нередко рассматривается некоторыми иностранными государствами как наиболее безопасный способ воздействия на социальные процессы и обстановку в упомянутых выше регионах для достижения своих стратегических целей этих государств: дестабилизации внутренней обстановки, формирования очагов религиозно-политической напряженности, углубления межконфессиональных и межэтнических противоречий, влияния на политику и конституционный строй государств-объектов воздействия в желаемом направлении,

возбуждения сепаратистских настроений, подрыва государственного единства этих стран и отторжения от них определенных территорий и т.д.

Известными примерами поддержки иностранными государствами религиозного терроризма, его международных и национальных структур с целью достижения внешнеполитических целей ряда стран НАТО является, в частности, прямая и косвенная поддержка некоторыми из них исламских экстремистских организаций в Югославии во время ее расчленения, в Афганистане в период нахождения на его территории контингента Вооруженных Сил СССР, в настоящее время — в РФ на территории Северного Кавказа и Поволжья, а также на территории независимых государств Центральной Азии и др.

Практика государственной поддержки религиозного терроризма иностранными государствами выработала такие характерные формы, как оказание финансовой, материально-технической и организационно-методической помощи международным и местным террористическим структурам, осуществление внешнеполитической поддержки таких структур и движений под лозунгами обеспечения религиозной свободы и национального самоопределения, предоставление террористическим структурам на своей территории возможности размещения различных звеньев зарубежной инфраструктуры тех или иных религиозно-экстремистских, террористических организаций. В ряде случаев государственная поддержка религиозного терроризма осуществляется путем прямой отправки государствами-спонсорами представителей собственных спецслужб, советников и специалистов в регионы террористической активности религиозно-экстремистских организаций в целях оказания всевозможной непосредственной помощи используемым структурам религиозного терроризма. В наиболее масштабных объемах упомянутые выше формы государственной поддержки религиозного терроризма осуществляются применительно к Рос-

сии и другим странам СНГ в регионах Северного Кавказа и Центральной Азии.

Практика государственной поддержки религиозно-экстремистских (террористических) организаций выступает как фактор активизации международного терроризма, подрыва международной, региональной и национальной безопасности и является вопиющим нарушением международного права. Однако в настоящее время еще не созданы необходимые условия для прекращения подобной практики вмешательства во внутренние дела суверенных государств: во-первых, этой практике не противопоставлена действенная система международного противодействия и она, во-вторых, опирается на достаточно устойчивые, долговременные социально-экономические и политические предпосылки для ее дальнейшего сохранения. В качестве таких предпосылок выступает, в частности, образование новой геополитической реальности и новых сфер столкновения геополитических интересов различных государств (в том числе на пространстве Евразии)²³.

Рассмотренные выше и некоторые другие характерные черты религиозного терроризма свидетельствуют о том, что в современных условиях он является наиболее острой угрозой международной, региональной и национальной безопасности многих стран мира. Анализ теории и практики религиозного терроризма позволяет выявить ряд серьезных тенденций в развитии религиозного терроризма, которые при отсутствии необходимого противодействия будут усиливать эту угрозу. В качестве таких тенденций можно рассматривать постоянный рост численности религиозно-экстремистских (террористических) организаций в различных регионах мира, расширение масштабов их деятельности и рост ее негативных последствий, дальнейшее повышение об-

---

²³ Международный терроризм. С. 174 и след.; *Требин М.П.* Терроризм в XXI в. Минск, 2003. С. 95 и след.; *Пластун В.Н.* Указ. соч. С. 187 и след.

щественной опасности структур религиозного терроризма в связи с настойчивым стремлением к обладанию средствами массового уничтожения, повышение уровня организации и координации деятельности религиозно-экстремистских организаций, в том числе при широком использовании научно-технических достижений, совершенствование и усиление идеологического и пропагандистского обеспечения деятельности структур религиозного терроризма и др. Крайне опасной тенденцией в развитии религиозного терроризма является формирование новых устойчивых векторов в деятельности его субъектов, в частности, в отношении России, ряда стран СНГ, некоторых других регионов мира (Азиатско-Тихоокеанский регион и др.).

Современный религиозный терроризм, его характер и основные тенденции развития настоятельно требуют качественно нового подхода в деле совершенствования противодействия ему на национальном и международном уровнях обеспечения безопасности стран и народов мира как в русле улучшения традиционных подходов к борьбе с терроризмом, так и поиска и внедрения новых возможностей противодействия данной глобальной угрозе (в том числе комплексного использования социально-экономических, информационно-пропагандистских мер профилактики данной угрозы; оптимизации религиозной политики государств и приведения ее в соответствие с международными стандартами обеспечения прав человека, свободы религии; углубленного научного исследования причин и условий формирования и распространения религиозного терроризма; сбалансированного учета существующих религиозных и этнических традиций с оправдавшими себя процессами прогрессивного развития человечества и др.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В.Н. Кудрявцев)	3
Митрохин Л.Н.	
Религия и терроризм	4
<i>Дмитриев А.В., Залысин И.Ю.</i>	
Религиозные аспекты терроризма	25
<i>Красиков А.А.</i>	
Терроризм и западное христианство	41
<i>Гайнутдин Равиль</i>	
Ислам против терроризма	73
<i>Сюкияйнен Л.Р.</i>	
Ислам и терроризм: союзники или противники? Шариат должен быть включен в борьбу с экстремизмом .	109
<i>Коган З.Л.</i>	
Иудаизм о терроризме	120
<i>Баранов С.А.</i>	
Индуизм и терроризм	126
<i>Горбунова С.А.</i>	
Отрицание любых форм насилия как суть буддийского учения	138
<i>Васильев А.М.</i>	
Египетский терроризм в контексте мусульманского экстремизма	148
<i>Авдеев Ю.И.</i>	
Религиозный терроризм: особенности формирования, современная роль, характерные черты	176

Научное издание

ТЕРРОРИЗМ И РЕЛИГИЯ

*Утверждено к печати
Общественно-консультативным советом
по проблемам борьбы
с международным терроризмом РАН*

Зав. редакцией *Г.И. Чертова*
Редактор *Е.А. Россоловская*
Художник *И.В. Яковлева*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Арегова*
Корректор *Е.А. Желнова*

Подписано к печати 12.09.2005
Формат 60 × 84¹/₁₆. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 11,6. Усл.кр.-отг. 12,1. Уч.-изд.л. 10,0
Тираж 2000 экз. (1-й завод – 1000 экз.). Тип. зак. 1593

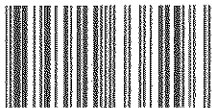
Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ТЕРРОРИЗМ и РЕЛИГИЯ

ISBN 5-02-033829-X

9 785020 338296

НАУКА